

ANDY CHAMBERS
PATH OF THE
INCUBUS

WARHAMMER

40,000

Annotation

Устызатели и сагусты, ночной кошмар, ставший реальностью, темные эльдары — это воплощенное зло. Холодные и прекрасные, стройные и гибкие, под внешней личиной они скрывают смертоносные таланты убийства и жестокости.

Из потаенного града Котморры темные эльдары устраивают молниеносные рейды в глубины реального κόσмоса, сея ужас и опустошая все на своем пути. Они охотятся за рабами, мясом для адских арен и праздных развлечений своих повелителей, которые питают себя кровью, пролитой в ритуальных сражениях. В этом царстве преисподней живая плоть служит деньгами, и превыше всех стоит властелин Асдрубаэль Вект, получающий наибольшую долю добычи.

Подчиненные верховному господину архонты этого сумрачного города убивают и лгут, чтобы оставаться на шаг впереди Той, что Жаждет. Убо на темных

эльдарах лежит ужасное проклятье, изнуряющее их плоть, и затеdlить его может лишь причинение боли. Пожиная души, они обретают вечную жизнь, а тилость древних гелүнкүлов может еще больше продлить пребывание в смертной юголи... за определенную плату. Любой иной путь ведет к проклятию и бесконечному страданию, истощению тела и разума до тех пор, пока не останется лишь прах.

Но таков их голод, что утолить его невозможно. В каждом телном эльдаре кроется бездонная пропасть ненависти и порока, и никогда не быть ей заполненной даже океанами пролитой крови. И когда истечет последняя капля, похитители души познают истинный ужас, ибо явятся демоны, чтобы забрать их...

-
- [ПРОЛОГ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [ИНТЕРЛЮДИЯ](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [ЭПИЛОГ](#)

Добро пожаловать,
странствующий гость, добро
пожаловать! Кто бы ты ни был,
простой зритель или, возможно,
невольный участник
разворачивающейся перед нами
драмы, пожалуйста,
располагайся. К сожалению, в
данный поворотный момент я
должен начать с нарушения
некоторых обычных
театральных условностей.
Понимаешь ли, это вторая
часть из трех, из триптиха,
если можно так выразиться.
Поэтому мы волей-неволей
должны начать с повторения,
припоминания и переоценки
того, что уже случилось, как бы
утомительно это ни казалось.
Те из вас, кто следил за этой
трагичной историей, уже
знают большую часть этих

фактов, и я надеюсь, что вы простите мне это одолжение в сторону тех, что прибыли лишь недавно. Если вы уверены в своей памяти, то я советую вам продолжать, не отвлекаясь. Однако небольшой обзор будет полезен для тех, кто не ознакомлен с предыдущими интригами, и для тех многих великих умов, что не смогли постигнуть их значение вовремя.

Итак, наша сцена: Котморра, вечный город. Темная, ужасная, очаровательная Котморра, где боль и порабощение — пища и питье для бессмертных созданий неописуемой злобы. Чтобы полностью понять Котморру, нужно понимать и эту вселенную, что породила ее. Начнем с одного секрета, который, если вы правильно его поймете, навсегда изменит ваши представления. Вся реальность, все, что мы видим как надежное, недвижимое

и неопасное, фактически, пребывает в постоянных переменах. Песчинки на берегу и те демонстрируют большую прочность и долговечность, чем лелеемые нами абсолютные понятия тех миров, в которые мы верим.

Видите ли, наша материальная вселенная рождена из Хаоса, и наша реальность — не что иное, как преходящая фантазия Темных богов. Бесконечно краткий миг, на который застыла анархия, для нас, близоруких и недоразвитых, достаточно долго, чтобы осознать существование и поверить в то, что во вселенной существует такая вещь, как «естественный порядок».

Какой забавный самообман! Сколько поразительное тщеславие!

Могучая Колморра суть грань реальности, порожденная тщеславием, такое и не снилось всяким отбросам, случайно поднятым на высоту природой. Это желчужина, сознательно сформированная из пены творения древними смертными утами, которые почитали себя равными богам. И что за

место сотворили они для себя!

За пределами Комморры и порабощенных ею субреальностей материальная вселенная живет своей жизнью: развиваются и гибнут цивилизации, звезды проваливаются внутрь себя, тем же ходом продолжается вся эта грубая схватка за владение галактикой. В Комморре же правит долгая темная полночь, бесстенно глядящая тысячи лет. Ее обитатели вечно обманывают смерть и избегают конечной судьбы в когтях Той, что Жаждет, демонической богини, которую они же и сотворили. Чувственные, жестокие, ищущие наслаждений, они — темные эльдары, последние остатки империи, которая в свое время охватывала всю галактику. Немногие пали столь же глубоко, как обитатели Комморры, и не были при этом полностью уничтожены.

И все же посочувствует бедным комморритам, которые создали для себя сцену и оказались заперты на ней. Они могут предпринимать краткие вылазки в материальную реальность, чтобы

уполнить вечно гложущий их голод, хватать все, что можно, и уносить в свой вечный город, но они никогда не насыщаются. Каждый день Та, что Жаждет, испивает еще немного из их души, и растущую пустоту можно заполнить лишь страданиями других.

Актеры: группа комморских аристократов, намеренных возродить утраченную славу в одной из бесконечных политических игр вечного города. Их объединяет древнее происхождение и ненависть к новому порядку, установленному после свержения их предшественников. Второстепенные персонажи включают в себя мастера-гемюнкула Беллатониса, нанятого для свершения запретного воскрешения. Парайин, молодую экзогитскую тиропевицу, которую похитили, чтобы сделать невестой боли для этой операции, и Синдиэля, отступника с искусственного мира, который в конце концов решил ее спасти. Пожалуй, на данный момент самым важным из них всех является телохранитель и палач по имени Морр,

член того занятого воинского кюльта, что известен как «инкүбы».

Перейдем к их плану. Основным препятствием на пути к славе для этих высокородных был, как всегда, сам Верховный Властелин Комторры, великий тиран, Асгүбаэль Вект. Увы, но аристократы не могли сравняться с Вектом ни в грубой силе, ни в тонких интригах. Оказавшись лицом к лицу с этими фактами, предводитель заговора, некий архонт Уллитан, убедил своих соучастников на необыкновенно опасный ход действий.

Неспособные сами одолеть Векта, они решили оживить одного из наиболее успешных соперников тирана в прошлом, морга по имени Эль'Уриак, чтобы тот привел их к победе. Их план предсказуемо потерпел крах, и они пробудили нечто, чем не могли управлять, -- душу этого великого князя, искаженную сущностью, что была родом из вечно меняющегося царства Хаоса. Это совокупное создание -- вполне вероятно, посланник Той, что Жаждет -- предстало в облике владыки.

которого они ожидали.

И таковы были последствия. Узаристократов лишь один пережил то, что случилось позже. Телохранитель Морр, к несчастью своему горю, убил собственного хозяина, архонта Крайллаха, когда понял, что тот заражен этой сущностью. Сама же сущность погубила другую участницу заговора, архонта Кселиан, при помощи телеметического проклятия, когда та оказалась бесполезной для его целей. Уллитиан же был достаточно умен, чтобы представлять пользу для твари, которую выпустил на свободу, и поэтому остался жив, хотя и едва не погиб во время уничтожения монстра.

Сейчас позвольте мне еще один краткий миг объяснений. Лучше всего представить себе Котморру как некий пузырь, поддерживаемый равным давлением по всей своей оболочке. Если же оболочка прорвана, то под напором внешнего давления внутрь попадает то, что находится вовне, и это весьма неприятно для всех, кто в этот момент находится рядом.

На протяжении столетий Колморра
втянула в свой пузырь много других
маленьких жемчужин, убрала себя сотней
краденых реальностей, чтобы поработать
и использовать их. Рядом на поверхности ее
мембраны может также сорвать эти
самеллитные царства с места и
отправить их в свободный дрейф и
хаотическое перемещение.

Эти феномены известны жителям
Колморры под общим названием
«Разобщение», и их заслуженно боятся.
Этот рассказ вращается вокруг
Разобщения, которое навлек на город
заговор аристократов, его эффектов и его
развязки.

Итак, теперь вы знаете всю историю
до нынешнего момента. Я уверен, что это
бесценное знание, которое позже даст
плоды, хотя, обещаю, проверочных вопросов
не будет. А кто я? Актер, рассказчик или
оба, не сомневаюсь, что это станет
очевидно по мере развития представления.
Пока что будет невежливо занимать
середину сцены, хотя бы потому, что вы
можете подумать, что этот рассказ — обо

тне. Правильные вопросы, которые вы
должны себе задавать в это время: «Что я
хочу? Как это получить? Что стоит на
моем пути?»

Глава 1

Последствия

Колония существовала вечно. Окутанные тьмой кормильцы таились, ожидая призыва к охоте, а матки, приняв редкое семя патриарха, тихо возвращали в себе будущее потомство. Слепой голодный толлоняк толкался и присасывался к жилам кормильцев, нетерпеливо стремясь вырасти и стать чем-то иным.

Колония жила в вечной ночи, в мире мягкого сумрака, созданного поровну окружающей средой и нитями выделений, оставленных поколениями живших и утиравших здесь кормильцев и маток. Под колонией текла река жизни, вязкая и неизменная лента, которая журчала меж стенами вселенной. Её приходила по реке, иногда холодная и погасливая, плывущая прямо под поверхность, иногда теплая и прямоходящая, бредущая по медленному руслу. Чувствительные дыхальца кормильцев ощущали запах каждой порции

пищи, живой или мертвой, и
ультразвуковой визг созывал их собратьев
по выводку присоединиться к пирушеству,
пока еда не покинула мир колонии.

Недавно, впервые за бесчисленные
поколения, колонию постигли перемены.
Они были непонятны даже для патриарха
со всей его мудростью, усвоенной за века
переваривания. Матки дрожали от страха
и тревоги. Кортильцы серdito порхали
туда и сюда, выискивая источники
беспокойства, но тот был за пределами их
мира и, кажется, за стенами самой
вселенной. Эти стены, которые выглядели
непроницаемыми, тряслись, как рождающаяся
матка, и странные, чуждые ощущения
проносились сквозь тесно скопившиеся
тела членов колонии. Еда стала обильна,
особенно холодная и погательная, но
колония не процветала. Безумие охватило
некоторых сородичей и заставило их
улететь в неведомое. Оставшиеся
прижались друг к другу ближе, чем когда-
либо, и от страха забились как можно
плотнее в жилистые объятия патриарха.

Теперь новый стимул появился в

сознании колонии. По реке жизни прыгали и скользили огни. Свет, ненавистный чужак, означал только одно — что кормильцам пора броситься на него волной крыльев и затупить его своими кожистыми телами и когтистыми лапами. Иногда свет приносил еду: горячую кровь, которую можно было выпить, и сырую плоть, которую можно разорвать и проглотить. Другие источники света были твердыми и несъедобными, бесполезными для колонии, и тучили ее, пока река не уносила их в неведомое. В любом случае, кормильцы хватали и терзали свет, пока он не исчезал и снова не стыкалась приятная темнота. Отдельные особи ничего не значили, но продолжение существования колонии значило все.

Силовое лезвие клинка оставалось неактивно, но его массы и мономолекулярной остроты хватало, чтобы прорезать плоть и кость, как мокрую салфетку. Жертва издала последний, отчаянный, пронзительный визг и рухнула замертво. Эта маленькая

трагедия не заставила говорившего замолкнуть хотя бы на секунду.

— Что, правда? Это единственный выход из Колморры, который пришел тебе в голову? Даже пред лицом неминувшего Разобщения должны быть лучшие пути.

— Твое присутствие здесь не требуется, — проворчал в ответ высокорослый инкүб по имени Морр и яростно взмахнул в сторону очередного сутракрыла своим огромным двуручным клинком, клэйвом, как тот правильно назывался. Морр очень старался соблюдать правильность, как знал Пестрый, и это, вероятно, и было единственной причиной, по которой инкүб его не атаковал. Туннель был широкий, но с низким потолком — Морр мог бы, не напрягаясь, прижать ладонь в латной перчатке к корке грязи над головой. Но даже в этом ограниченном пространстве инкүб орудовал двухметровым клинком с виртуозным мастерством и точностью, не прекращая движение ни на миг, пока вокруг порхали и уворачивались враги.

Его незванный спутник, стройная

фигура, облаченная в элегантные, хотя и несколько архаичные серые одежды, ловко скользнул в сторону. Летучий сумракырл рухнул двукратно аккуратно рассеченными кусками в вязкую жижу, достигающую лодыжек Морра. Он присоединился к расчлененным останкам по меньшей мере дюжины других хищных пагальщиков с крючьями на крыльях, которые уже успели летнуться в атаку из темноты и нашли оживающий их клэйв Морра. Прилживные животные, видно, не понимали, насколько опасна эта добыча, которую они пытались загавить числом, поэтому просто продолжали лететь на нее. В скудном освещении было видно лишь непрерывающееся мельтешение темных крыльев, кружащих чуть дальше того расстояния, на котором их можно было достать.

— Ну как же так? — сказал тот, что в сером. — Мы уже на грани того, чтобы стать закадычными грузьями. Будет воистину печально нарушить наше блистательное содружество сейчас, не так ли?

Морр повернул клэйв другой стороной, раскрутил его обеими руками и с рыком сделал выпад в сторону другой стремительной тени. Традиционно все клэйвы снабжались острым шином или крюком, способным выпустить кишки, который торчал примерно на лагерь от тупого конца клинка. Крюком своего клэйва Морр подцепил сүтракрыла и потянул его поближе, после чего с быстрой толчи рубанул сверху вниз. Злополучное создание кувыркот полетело вниз, чтобы присоединиться к своим разрубленным сородичам в слякоти.

Компаньон инкүба небрежно отшатнулся в сторону, чтобы избежать атаки очередного спикировавшего сверху сүтракрыла, но не затолчал.

— Признаюсь, я немного обижен этим, Морр. Ведь после всего, через что мы прошли вместе, ты мог хотя бы сделать милость и наградить меня вербальным ответом вместо того, чтоб рычать на меня...

Инкүб проигнорировал его и пошлепал по воде вперед, рубя направо и налево так,

что клинок постоянно описывал восьмерку.
Второй последовал за ним, продолжая
поддерживать разговор:

— Я ведь, в конце концов, прошел весь
этот путь. Нашел тебя в той промозглой
дыре, где ты прятался, и предупредил, что
пора выбираться отсюда, пока еще
возможно. И вместо «спасибо» ты просто
без единого слова потопал в то, что можно
описать лишь как клоаку... и, кроме того,
ты все еще нуждаешься в моей помощи.
Кто еще может поручиться за тебя, когда
других свидетелей гибели Крайллаха не
было?

Морр остановился и повернулся
лицом к серой фигуре. Не глядя, он
взмахнул клэйвом и пронзил еще одну
перепончатокрылую тварь, которая
нацелилась ему в спину. Безликий шлем
инкуба созерцал спутника с очевидной
недоброжелательностью. С такого
близкого расстояния становилось ясно, что
его одежда не серая, но раскрашена в
маленькие пестрящие ромбы черного и
белого цвета, бесконечно повторяющие
друг друга. Чрезмерно подвижное лицо под

маской-домино было светлым и гладким, как у раскрашенной куклы.

В противоположность ему, инкуб был с ног до головы закован в темные доспехи, почти ничем не украшенные, если не считать коротких изгибающихся рогов и клыков на злобещем шлеме с узкими глазницами. В решительной и немногословной манере инкуб почувствовался некий нарек на то, что он находит эту говорливую личность невероятно раздражающей. Клэйв Морра невольно дернулся, как будто он с трудом, лишь за счет героического усилия воли, сдерживал желание сразить своего спутника. На этот раз воин в доспехах нарушил свое обычное молчание тем, что для него было глиной и торжественной речью.

— Я не могу заставить тебя покинуть меня... Пестрый. У меня есть перед тобой... долг, — нехотя признал Морр, — но не думай, что я нуждаюсь в тебе или хочу, чтобы ты снова помог мне. В конце концов судить о моих действиях будут иерархи, и они не выслушают ничего

свидетельства, кроме моего.

Нестрый печально нахмурился.

— Боюсь, что, несмотря на твои убедительные доводы, судьба еще успеет жестоко позабавиться с нами обоими. Когда мы расстались, я чувствовал, что мы снова сойдемся и останемся вместе до тех пор, пока не завершится Разобщение. Знаешь, это не совпадение, что таски послали меня в твой час нужды. Не все потеряно, Морр, но только в том случае, если ты разыграет наши роли вместе. Во Вселенной есть силы, которые ты не знаешь и наверняка не можешь знать, которые стремятся к весьма и весьма пагубному исходу для Колморры, и это случится, если все будет развиваться по их воле. Если ты просто снова прилетишь ко мне, тою помощью, я смогу привести тебя к лучшему будущему.

Ункуб на мгновение молча уставился на Нестрого, потом повернулся и без дальнейших комментариев начал удаляться, шлепая по жиже. Внезапное движение распугало горстку собравшихся рядом сүтракрылов, которые разлетелись

словно листья. Одетый в пестрое поджал
полные красные губы под маской-гомино и
со вздохом пошел следом. В отдалении
позади них, не замеченные ни инкубом, ни
его нежеланным компаньоном, двигались
безмолвные фигуры, идущие по их следам.

Архонт Аз'ашья стояла на узком
серебряном мосту над многокилометровой
бездной, кальдерой вулканоподобной арены,
принадлежавшей Клинкам Желания.
Разреженный и холодный воздух Верхней
Комморры обдувал ее обнаженное тело
прохладным ветром, и пленные солнца,
Ультеи, кружились наверху, едва выделяя
тепло. В верхних краях арены были
высечены террасы из сверкающего белого
камня, где сидело, ежась от холода, скудное
с виду собрание зрителей. Но так казалось
только на первый взгляд из-за расстояния и
размеров арены. На самом деле на поединок
пришли посмотреть сотни кабалитов, и
много больше наблюдало за ним
посредством иных способов. Она
чувствовала их присутствие, словно стаю
беззвучно парящих вокруг нее голодных

призраков.

Серебряный мост, прямой, как стрела, тянулся от одного края калдеры до другого, проходя прямо над центром пустотелого конуса в сердце крепости. Все, что упало бы с него, отправилось бы в свободный полет, пока не угодило бы в моноволоконные сети, натянутые над кузнями, камерами и тренировочными площадками на дне пропасти. В середине моста имелось расширение — диск радиусом не более, чем размах рук Аэз'ашьи. Та, что бросила ей вызов, уже ожидала там, и в руках ее сверкало готовое к бою оружие. Аэз'ашья уверенно вышла вперед и приняла как должное приветственные крики ее последователей на террасах. Шум верных кабалитов казался несколько приглушенным, и в этом случае винить стоило не только расстояние.

Аэз'ашья не питала никаких иллюзий — она стала архонтом Клинок Желания только потому, что это сделал за нее другой. Было много тех, кто сомневался в ее способности удержать за собой власть, и

были те, кто надеялся завладеть властью
вместо нее. Аэз'ашья знала: чтобы по-
настоящему править кабалом, ей
придется снова и снова доказывать, что
она этого достойна. У самым началом
этого пути было устранение тех, кто
бросал вызов лично ей — пока что их было
три, четверо, если считать нынешнюю
противницу, Сибрис.

Сибрис была членом клики
гекатрикс-невест крови, которые
присутствовали при «случайной» гибели
архонта Кселиан. Раньше Сибрис ходила в
числе фавориток и могла бы даже
стеснить Аэз'ашью в роли суккуба, если бы
внезапное падение Кселиан не подорвало ее
амбиции. Досада от потери положения
быстро переросла в открытое
противостояние, когда Аэз'ашья оказалась
на месте архонта. Она хорошо знала
Сибрис, они нередко выступали вместе и
на поле боя, и за его пределами.
Фактически, Аэз'ашья знала достаточно о
стиле и методах Сибрис, чтобы
позволить себе толику сомнения в исходе
предстоящего поединка.

Сибрис предпочитала сражаться
двумя клинками в виде полумесяцев в
особой технике, взмахивая ими от бедра,
держа руки прямыми и используя инерцию.
Этому она научилась у последователей
Квист в порту Кармин. Клинки были
достаточно тяжелы, чтобы переломить
парирующее лезвие, а Сибрис обладала
достаточной ловкостью, чтобы с
неуловимой быстротой выбросить их
вперед и перехватить пытающегося
уклониться противника. Но не оружие
врага вызывало у Аэз'ашьи тревогу, и даже
не шикарные, заплетенные проволокой в
косу волосы Сибрис. Она использовала косу
как гибкое оружие почти в два метра
длиной, и конец ее был увенчан шипами и
лезвиями. Аэз'ашья знала, что Сибрис
могла без усилий вставлять удары этой
косой между грудами атаками.
Достаточно дернуть шей, и ее оппонент
будет искалечен или убит. Неожиданный
режущий удар сбоку или снизу... а потом
полумесячные клинки взметнутся, чтобы
отсечь голову, и все будет кончено. Но
даже не это вызывало у Аэз'ашьи сомнения.

Перед каждым другим поединком кто-то присылал Аэз'ашье совет, как победить бросившую вызов: указание на слабое место, предложение определенного яда, привычный маневр, которого следует избегать. На этот раз ничего не было, ни одного скрытного посланника, несущего мудрые слова, и поэтому Аэз'ашья действительно сражалась сама за себя. Она повторяла себе, что это неважно, и что это не значит, что Сибрис могла сама получить сообщение, раскрывающее, как победить Аэз'ашью.

Неважно. Аэз'ашья надела пару перчаток гудры, прилегающих к коже латниц, из которых торчало множество стертоносных кристаллических лезвий, покрывающих кулаки, предплечья и локти. Она чувствовала острое покалывание наркотика «серпентин», текущего по ее жилам — смесь гормональных экстрактов улучшала восприятие и усиливала ее и без того почти сверхъестественно быстрые рефлексy. Она победит в этой дуэли, будь то с чужой помощью или нет.

Все эти мысли метались в голове

Аз'ашби, пока она шла по тонкому серебряному мосту. Теперь она была в дюжине широких шагов от центрального диска, и Сибрис подняла свои двойные клинки-полумесяцы в приветствии. Движение казалось слегка неуклюжим, это проскальзывало под внешней стремительностью и решительностью, которых следовало ожидать от невесты крови. Лицо Аз'ашби сохранило холодное, высокомерное выражение, но мысленно она тепло растаяла. Может быть, другие и не хотят ей помочь, но у нее еще есть собственные трюки в рукаве, как Сибрис, к своему несчастью, очень скоро узнает.

От некогда отрезанных пальцев раба остались одни пеньки. Ожоговая ткань на руках и лице вызвала мысль, что это была необходимая хирургическая процедура, но, скорее всего, это было не так. Все же Харбир почувствовал, что невольно удивлен сноровкой, с которой раба рубил ножом и взвешивал порошки, и говорящей об опыте легкостью, с которой его толстые культи хватили узкое лезвие

и сворачивали тонкие полоски бумажки. Харбир без интереса оглядел ужасно обожженное лицо раба и зевнул, задаваясь вопросом, когда же прибудет его связной. Он ждал под навесом, выкованным в виде переплетения висячих орхидей из золота и серебра, рядом с наркотическим притоном на берегу Великого Канала, и нетерпеливо терял терпение.

Были времена, когда между изгибающейся черной петлей Великого Канала и нижними дворцами уровня Метзух простирался променад из полированного камня в сто шагов шириной. Со временем притоны и залы плоти Метзуха разрослись сюда и забили открытое пространство украшениями, рабскими клетками, навесами и аппаратами. Каждый клочок пространства становился объектом жестокой территориальной борьбы между соседствующими заведениями, еще одними плоскостом в грязном покрывале вражды и вендетты, столь же пестрым, как и они сами. Крохотная каторка раба, расположенная сбоку от входа, должно

быть, стоила тысячи жизней, оборванных в
дугах и убийствах на протяжении многих
лет, а серебряно-золотой навес был здесь
так давно, что мог стоить целого
миллиона.

Битвы за право владеть берегами
Великого Канала были горном, в котором
ковалось множество мелких кабалов, из
которых состояла нынешняя структура
власти нижнего Метзуха. В конце концов
было достигнуто равновесие, когда никто
не отваживался объявить свои
последние двадцать шагов до края канала,
ибо боялся оскорбить этим того или иного
из самопровозглашенных владык нижнего
Метзуха. Этот нестойкий мир, как
правило, способствовал бизнесу, хотя в
настоящий момент посетителей у раба не
было. Жалкое создание все равно
продолжало резать, измывать и
взвешивать свои товары со всем рвением
домашнего животного, выполняющего
трюки. Что же касается Харбира, то он
уже перепробовал все, что мог предложить
раб, и решил, что лучше останется
трезвым.

Он в сотый раз осмотрел пустой берег канала в обоих направлениях и поразмыслил, стоит ли и дальше сдерживать усиливающийся гнев или выпустить его наружу. Не было никаких признаков, что за ним кто-то следит, но это ничего не значило. Уже много дней Харбир неопределенно ощущал, что кто-то или что-то следует за ним, так что, идя на встречу, он предпринимал тщательные меры, чтобы избавиться от любых таинственных ищек, которые могли бы идти по его следам. Тот факт, что он ничего сейчас не чувствовал, мог просто означать, что они стали осторожнее. Не слишком успокаивало и то, что развалина, с которой он должен был встретиться, снова опаздывал, как и то, какое место тот выбрал. Это напоминало о прошлых стычках, которые Харбир с трудом пытался забыть. Он знал дюжину мест, суливших лучшие развлечения и прибыль, чем этот конкретный уголок Колморры. Единственной вещью, которая удерживала его здесь, было то, что развалина, Ксагор, выполнял лишь

поручения своего господина, и было, скорее всего, очень важно выяснить то, что он желает.

Большая часть эпикурейцев выбралась наружу и присоединилась к шумному параду, проходившему по открытому пространству вдоль берега Великого Канала. С одной стороны, это было развлечение для скучающих искателей удовольствий, с другой — демонстрация силы, недвусмысленное предупреждение для окружающих районов не вмешиваться в дела нижнего Метзуха. В городе в последнее время витало напряжение, он полнился предчувствием... чего-то. Чувствовались перемены, запах приближающегося пожара, необратимой катастрофы, на который у обитателей Колморры всегда было острое чутье и быстрая реакция. Бродило множество слухов об убийствах и заговорах в Верхней Колморре, говорили, что великий тиран отвлечен зловещими тахинациями, которые не в силах обуздать даже его каратели. Знахари и гадалки по рунам, сидящие по дальним переулкам и

потайным базарам, бормотали о трачных знаменях. Отчаявшиеся и обездоленные собирались в темных углах и строили планы, как добиться большего от предстоящей стуты.

И вот тогда лорды-эпикүрейцы созвали своих придворных для демонстрации силы. Такие же сцены разыгрывались по всей Котморре: беспокойные культы, кованы и кабалы собирались вместе, чтобы доказать свои претензии на могущество среди всеобщей неопределенности. Основываясь на том, что он видел своими глазами на протяжении последних недель, Харбир мог подтвердить реальность многих из их худших опасений, но вместо этого предпочел оставаться в тени и постесняться над их показной гордостью.

Первыми шли ряды натасленных и обнаженных рабов из множества рас, державших за поводки домашних питомцев. Крадущиеся саблезубые кошки огрызались на невозмутимых тасситов, хельнауки с ногами-кинками шествовали рядом с пускающими слюни баргезами.

накачанными наркотиками. Яркая, как
калейдоскоп, мешанина меха, перьев и
чешуи медленно текла мимо, ведомая
потееущими рабами под бдительным
пристотром укротителей. Время от
времени в их рядах возникала внезапная
затинка, когда раздраженное животное
набрасывалось на того, кто его вел, но
вереница экзотических зверей не
останавливалась ни на миг.

За животными брели любимые рабы
эпикүрейцев. Большая их часть была
изуродована искусством резьбы по плоти,
которым владели гетүнкүлы, и
превращена в ходячие скульптуры из мяса
и костей. Несколько богато разодетых
перебежчиков шли среди этой ковыляющей
и ползущей толпы и, престыкаясь перед
хозяевами, выкрикивали им восхваления за
то, что продолжали жить. Сложно было
сказать, выражают ли стоны и тычание
их соотечественников согласие или
неодобрение.

Дальше шли ремесленники. Похожие
на мертвецов гетүнкүлы со своими
слугами-развалинами в решетчатых

масках свободно смешивались с
мастерами-оружейниками и
насмотрщиками кузниц, одетых в
сверкающие килты из лезвий,
грабискульпторы шли с вращающимися
на головах кругах из ножей. Там и
тут разряженные специалисты по
снагобьям и раскрашенные латейники
сорежновались друг с другом, источая все
более ошеломляющие мускусы и феромоны.
Ярко окрашенные облака вылетали в
воздух из их флагов и флаконов, как стаи
птиц.

Ремесленников достаточно уважали,
чтобы позволить им носить символы их
покровителей — членов множества малых
эпикурейских кабалов, которые
представляли собой власть в нижней
части яруса Метзух. Там тройной рубеж
Душерезов, здесь поднявшая голову змея
Яговитого Потомства, серпообразный
клинок Жнецов Тени и еще десятка два
других. Мастера шли все вместе,
несмотря на то, кому были верны на
данный момент. Их услуги пользовались
таким большим спросом среди

эпикүрейцев, что они часто меняли хозяев, и среди этих анархичных низших придворных сегоднешний соперник мог завтра стать союзником. Фальшь, лестность и неискренность сквозили в их рядах, когда они приветствовали друг друга самыми экстравагантными и куртуазными способностями.

Харбир напрягся. Чувство, что за ним наблюдают, усилилось настолько внезапно, как будто кто-то стоял прямо за ним и дышал ему в шею. Он тревожно взгляделся в медленно движущуюся колонну, пытаясь найти его источник. Вот он, развалина в маске, идущий в процессии, но довольно далеко. Лишь время от времени можно было увидеть его голову, мелькающую среди других учеников и наемных рабочих. Но эта конкретная железная решетчатая маска слишком часто поворачивалась к навесу, где стоял Харбир, чтобы это можно было считать совпадением. Был ли это, наконец, его связной или же какой-то обманщик? Сейчас могло случиться что угодно. Харбир проверил, легко ли клинок выходит из ножен, и отступил назад, в

тени, чтобы подождать и увидеть, что
бывает.

Глава 2

Вопрос побега

Сутракрылов становилось все меньше, но вместе с тем сами они становились все крупнее и тучнее. Некоторые были достаточно велики, чтобы целиком заглотить эльдара, но уступали другим в скорости и агрессивности. Морр без усталости рубил их всех, больших ли, малых, как только они попадали в радиус поражения клэйва, и знал перед собой остальных, словно визжащую и стрекочущую волну.

Наконец среди покрытых коркой грязи стен показался незнакомый блеск металла. Более тщательное изучение открыло низкий боковой туннель, полого уходящий вверх. Когда-то его защищали прутья решетки, но время и воздействие сутракрылов разъело мягкий металл, и остались только короткие обломки, торчащие, будто гнилые зубы в открытом рту. Морр без колебаний протиснулся

внутри, используя клэйв для опоры среди скользких стен, и быстро исчез из виду.

Одетый в нестрое шмыгнул носом и взгляделся вслед инкүбү, изображая котичное беспокойство.

— Это правда? — окликнул он. — Повторяю, это правда самое лучшее, что пришло тебе в голову?

Упорное молчание было единственным ответом на его насмешки, и через какое-то время, шутно вздохнув, он пригнулся и последовал за Морром.

Лаз оказался коротким, не более дюжины метров в длину, и вышел под прямым углом в еще один, более широкий наклонный туннель. Грязь здесь лежала настолько густо, что кругом было темным-темно, как если бы они плыли в черной воде. От стен причудливо отражалось эхо каких-то шорохов и стрекота, а также царапающие звуки, издаваемые движениями чего-то крупного.

— Морр, это я тебя слышу?

Послушавшись инстинкта, нестрая фигура скользнула в сторону, и что-то с огромной скоростью вылетело из

темноты. Оно с силой врезалось в стену туннеля, огласив заткнутое пространство громоподобным треском.

--- Так, хватит уже! --- пробормотал Пестрый и бросил на пол таленький предмет. Чернильную тьму разорвала настолько яркая вспышка света, что, казалось, на микросекунду здесь вспыхнуло солнце и окутало эту темную нору своей сияющей фотосферой. Мгновенный всполох озарил чудовищный, скрытый плащом силуэт, возвышающийся над какой-то фигурой, которая дергалась и билась среди пляшущих теней. Стая крошечных сумракрылов, сидевших на потолке, с визгом погибла во вспышке, и их бесчувственные тела посыпались вниз, словно нежданный снегопад из черных снежинок.

Тьма быстро вступила в свои права, но ненадолго. Красная молния блеснула там, где стоял силуэт в плаще, а за ней последовала чисто-белая вспышка от удара силовым оружием. Очерченная светом, во тьме возникла бронированная фигура Морра, воздевшего клэйв. Он как будто на

лиз застыл, готовясь ударить по рябущим
стенам из темной плоти, окружившим
его. Клинок сверкнул еще раз, потом еще
одн, вспышки были подобны отдельным
стон-каграм, отображающим наступление
инкуба, а затем они слились в сплошной
размытый поток света.

Чудовищная фигура оказалась
закутана не в плащ, но в крылья —
множество крыльев. Она отступила назад,
пытаясь спастись от своего мучителя, и
издала глубокий рыдающий вопль
отчаяния, когда клэйв вновь глубоко
вонзился в ее плоть и вспорол
мешкообразное тело, выпустив наружу
огромную массу потрохов. Тварь
повалилась извивающейся кучей, с
ужасающей силой колотя по камню
мясистыми крыльями. Морр прошел прямо
по этой дергающейся массе, избегая ударов,
и рассек основной нервный ствол существа,
отчего бешеные предсмертные спазмы
превратились в редкие слабые содрогания.

Наконец инкуб поднялся в центре
утирающей массы, словно феникс,
покрытый запекшейся кровью, и его клэйв

шипел и вытирся от едкого ихора.
Нестрый лезонько поаплодировал ему.

--- Bravo, Морр, и снова ты доказал,
что можешь превозмочь любые
препятствия, что встанут пред тобой! ---
улыбнулся он и театрально кашлянул в
рукав. --- Хотя, конечно же, не стоит
недооценивать маленький вклад,
сделанный твоим отважным соратником.

Морр сверкнул глазами при этом
намеке.

--- Тварь была под контролем до
твоего вмешательства, --- запальчиво
возразил он. --- Оно могло ускорить исход,
но не изменило его.

--- Что ж, время для нас важнее, так
что на здоровье, друг мой. Осталось совсем
немного, и Разобщение изолирует
Колморру, и мы застрянем здесь среди
многих тех, кто хотел бы видеть тебя
мертвым, --- весело сказал Нестрый и
поддел распростертое крыло изящно
заостренным носком. --- Утак... Я
предполагаю, что именно поэтому этот
нужь не пользуется популярностью?

Морр неразборчиво огрызнулся и

потопал вдаль по наклонному туннелю. Пестрый осторожно обошел утирающее создание, которое когда-то было патриархом с тысячей потомков, и проворно устремился следом.

Опустившись еще на десять метров, туннель выровнялся. Сверху в потолке показался еще один вертикальный лаз, подняться по которому не представлялось возможным. Сам же туннель заканчивался тупиком, большую часть которого занимал широкий овал из блестящего металла и серебристого камня, напугивающий своими очертаниями огромный глаз. Позади сооружения выдвинулись голые камни, которые как будто висели в воздухе, не поддерживаемые стенами туннеля. Портал излучал ауру гремлющей силы, словно сквозь него беззвучно протекало мощное течение.

--- Ах-ха! --- воскликнул Пестрый. --- Это похоже на старые корабельные ворота, хотя и небольшие. Знаешь, Морр, за что я люблю этот город? Ты никогда не знаешь, на что наткнешься, просто завернув за угол.

В ответ Морр обратил на него испепеляющий взор.

— Архонт Крайллах давным-давно завладел этими воротами и сделал их своим собственным секретным входом и выходом из города. Они не привязаны к какому-либо пункту назначения и за ними не ведется слежение.

Нестрый слегка побледнел при этих словах.

— Но с приближением Разобщения это ведь значит...? — вопросительно произнес он.

Морр продолжил, как будто арлекин ничего и не говорил.

— Когда случится Разобщение, этот портал может разрушиться. Наверняка он какое-то время продержится открытым, и любое существо, которое обнаружит его, сможет проникнуть в город. Нам надо быть подальше отсюда, когда это произойдет.

— Нам? О, Морр, я и не думал, что тебе есть до меня дело! — зашебетал Нестрый. — Видишь, мы уже становимся добрыми друзьями!

— Я не могу избавиться от твоего
нежеланного внимания, но я должен
претерпеть неизбежные последствия своих
действий, — нараспев проговорил Морр.
Эти слова он произнес, как будто какую-то
личную мантру, и тихо повторил: — Я
должен претерпеть неизбежные
последствия своих действий.

— Не только претерпеть. Боюсь, мой
старый друг, что ты должен также
искупить их, — сочувственно добавил
Нестрый, — и не только те, о которых ты
думаешь.

Глухой шлем повернулся к нему
лицом, в хрустальных глазных линзах как
будто блеснуло алое пламя. На миг
Нестрый покорно погрузился в молчание,
прежде чем ступить в темноту.

— Так можно предположить, что ты
знаешь, как открыть ворота? Есть ли
способ запереть их за собой?

Морр фыркнул и переключил
внимание на панель у нижнего края
портала. Первоначально Нестрый с легким
интересом наблюдал за активацией ворот,
но все чаще отвлекался, чтобы взглянуть в

туннель позади. Он несколько раз обернулся, а потом бесцельно побрел куда-то в сторону от Морра, который сидел на корточках. Арлекин наклонил голову, будто прислушиваясь, а потом вдруг с щелчком сжал пальцы, одним полуразмытым движением выхватив что-то из воздуха, и с любопытством рассмотрел свою добычу.

— О, интересно, — прокомментировал Пестрый. — Думаю, тебе стоит посмотреть, Морр.

Он протянул в сторону инкуба нечто маленькое, нечто настолько крошечное, что его едва можно было различить между большим и указательным пальцами руки, затянутой в перчатку. Оно походило на насекомое, но, конечно, не существовало ни одного живого насекомого, которое было бы столь умело сотворено из металла и хрустала, как то шпионское устройство, которое сжимал Пестрый.

— Вспышка, должно быть, исключила их первоначальные источники, поэтому им пришлось быстро выслать поддержку, и, несомненно, вокруг должны быть и

другие, -- на какой-то низ голос Пестрого утратил прежнее легкомыслие и шутовство, но затем он снова расцвел и весело улыбнулся. -- Кто-то следит за нами, друг мой, -- сказал он, повернувшись к устройству к себе и четко произнес прямо в него: -- Надеюсь, они просто наблюдают и не намерены как-либо помешать нам, это было бы прискорбно.

И с этими словами Пестрый растерял духу шпиона между пальцами и сгулявший оставшийся от нее прах.

-- Давай выясним, чего хотят эти наблюдатели, -- отозвался Морр голосом, не предвещающим ничего хорошего, выпрямился и отступил от ворот на шаг. Внутри овала начала проявляться занавесь из мерцающей энергии. Поначалу она состояла из чистого серебряного света, но по мере уплотнения ее пронизывали вспышки золотого и янтарного цвета. Через низ по поверхности зазмеились извивающиеся зеленые и синие нити. Виг портала навевал мысли о яде и излучал внутреннюю злобу, от которой и Морр, и Пестрый невольно отошли еще на шаг.

--- Это...? --- начал инкуб и не договорил до конца.

--- Разобщение. Да, --- поспешно закончил Пестрый, чье обычное ветреное поведение вдруг сменилось серьезностью. --- Видимо, до него остались считанные мгновения. Нужно уходить прямо сейчас, или в лучшем случае мы застрянем здесь до его окончания. В худшем случае в ближайшие пять минут мы окажемся по уши в демонах.

С плеч Морра как будто спала гора. Он поднял клэйв и встал лицом к центру портала.

--- Тогда пусть они приходят, --- провозгласил он. --- Я готов.

Пестрый недоверчиво уставился на инкуба.

--- Не время устраивать героическое самопожертвование, пытаюсь удержать единственный портал в городе миллиона порталов! --- отчаянно воскликнул он. --- Иди к своим иерархам, если так надо, но мы должны взяться за первопричину этого Разобщения вместе и быстро! Нам надо идти!

Морр нехотя страхнул с себя видение собственной смерти. Куда проще искуплять грехи через самоуничтожение, чем посмотреть в лицо своим преступлениям, и ему казалось несправедливым, что он должен лишиться этого шанса. Но сам факт того, что это было проще, убедил бы его в неправильности этого пути даже без пронзительных проклятий Пестрого. Портал неуверенно пульсировал и мерцал перед ними обоими — порог Паутины, которая сама по себе была путем, ведущим в миллиард других мест, ведомых и неведомых, потаенных и заметных, открытых и запретных. Место, куда должен был отправиться Морр, было хорошо скрыто, но никому не запрещалось туда вступить. Любой мог искать тайный храм Архры, истинный вопрос был в том, выживет ли он, чтобы покинуть его. Морр сделал один-единственный шаг к открытым воротам, а Пестрый, не отставая, шагнул следом, когда за спиной донесся резкий окрик, заставив обоих мгновенно остановиться и повернуться.

--- Стойте, где стоите! Вам не
дозволено покидать город!

--- Последний шанс, Сибрис, ---
предложила Аэз'ашья, ступая на
платформу. --- Отступи и присоединись ко
мне. Я даже сделаю тебя одной из своих
суккубов, если ты все еще желаешь этого.

С заплетенными волосами голова
Сибрис выглядела, как угловатый лик
статуи над высоким горлом прилегающего
к коже костюма. Она дерзко подняла
подбородок и бросила на Аэз'ашью взгляд,
полный жгучего презрения.

--- Эта честь уже должна была по
праву стать моей, --- выплюнула ведьма. ---
Ты предлагаешь мне объедки со своего
стола, хотя сама недостойна даже быть
архонтом, не говоря уже об иннитах
Верхней Колморры.

Иннитах, невеста смерти. Да будет
так, подумала Аэз'ашья, подняв перчатки
зигры и сжав кулаки. Кристаллические
осколки, торчащие из запястий и локтей,
с треском вытянулись, превращаясь в
свирепно загнутые, крючковатые клинки.

Сибрис не понадобилось иного приглашения, чтобы начать свою атаку. Плавными пируэттами она двинулась к Аэз'ашье, и ее полуплунные клинки закачались в воздухе, словно маятники.

Аэз'ашья нырнула под сверкающую дугу, которую описал в воздухе первый полуметра, шагом вбок ушла от второго и оказалась в центре диска. Высоко взмахнув ногой, Сибрис немедленно развернулась и с яростью набросилась на Аэз'ашью. Смертоносные спирали полуплунных клинков неотомимо приближались к ней, чтобы нанести двойной удар. Клинки рухнули вниз с непреодолимой силой, когда гекатрикс вложила в бросок всю массу своего тела. Аэз'ашья перекатом ушла от атаки и вскочила на ноги у самого края диска. Она как раз успела, чтобы перехватить обратный взмах Сибрис одной из своих шипастых перчаток, и свирепо крутанула ее в сторону.

Сибрис сделала обратное сальто, чтобы уберечь свое оружие, и Аэз'ашья легко уклонилась от неловкого удара, пытающейся восстановить свою позицию.

ведьмы. Бритвенно-острые лезвия перчаток гудры со свистом рассекли воздух в считанных миллиметрах от шелковистой кожи Сибрис, но та увернулась и сделала быстрый пирүэт, чтобы вернуть прежний темп наступления. Аэз'ашья по-волчьему хмыльнулась.

Каждое движение Сибрис было на долю секунды медленнее, чем следовало, и этот факт сама Сибрис, похоже, еще не осознавала. Она снова затахнулась на противницу, клинки в прямых руках метнулись к открытым горлу и животу Аэз'ашьи. На этот раз та осталась на месте и нанесла удары по стремительным полутесяцам, не для того, чтобы заблокировать их, но просто отвести в стороны, так что они без всякого вреда пролетели мимо тела. Один из клинков на перчатках Аэз'ашьи сверкнул у талии Сибрис, возвращаясь в защитную позицию, и прочертил алую линию, прорезав облегающий костюм и плоть. Кончик лезвия с тонким звоном отломился и остался в ране, и Сибрис охнула.

отдернувшись назад.

Увенчанная лезвиями коса Сибрис рванулась вперед, как атакующая змея. Это движение не запоздало ни на долю секунды и застало Аэз'ашью врасплох. Тугой узел из острых, как скальпели, клинков глиной в палец хлестнул рядом с ее глазами, вызвав мгновенную инстинктивную реакцию. Аэз'ашья поймала косу и рванула, заставив Сибрис перекувырнуться над собой. При этом она успела резануть одним из локтевых лезвий, но телькнувшись над ней бедру Сибрис, выпустив еще один красный шлейф и оставив новый кристаллический осколок в ране. Сибрис яростно взмахнула, метя в руку, схватившую косу, и Аэз'ашье пришлось разжать свою хватку. Она выпустила Сибрис и позволила ей отступить и снова занять позицию в центре диска.

Все это, в конечном итоге, сводилось к планированию, и как Аэз'ашья накрепко запомнила после недавних событий, подготовка означала победу. Прежняя Аэз'ашья попросту приняла бы этот вызов

и сражалась тем, что было под рукой, и там, где было удобно. Новая Аэз'ашья понимала, как важно знать место и тщательно подбирать оружие. Площадка, выбранная для поединка, была лишена лишнего, но тала для того, чтобы Сибрис развила полную скорость, и гравитация здесь была лишь чуточку сильнее, чем та, к которой она привыкла. Аэз'ашья твердо придерживалась мнения, что слишком многие ведьмы тренируются в средах с пониженной гравитацией, соблазненные тем, что благодаря ей можно продемонстрировать более зрелищный стиль боя. Сибрис была тому живым доказательством.

Теперь это только дело времени. Кристаллические лезвия на перчатках Аэз'ашьи уже отросли заново. Фрагменты, которые остались в ранах Сибрис, будут способствовать кровотечению, несмотря на все попытки ее костюма закрыть порезы. Стил Сибрис был основан на использовании инерции, на постоянном движении, которое теперь только ускоряло потерю крови. Аэз'ашье оставалось только

ждать неизбежного конца.

От процессии эпикурейцев отделился развалина в маске и открыто пошел ему навстречу. В то же время Харбир незаметно вытащил свой нож и стиснул его наготове под плащом. Развалина поднял обе руки, чтобы показать отсутствие оружия, хотя вместо правой кисти у него торчала изогнутая лапа, похожая на птичью, которая сама по себе могла сойти за оружие. Харбир пришел к выводу, что она приживлена недавно, судя по тому, как неуклюже прислужник орудовал ею, снимая маску. Угрюмое лицо с густыми бровями, открывшееся его взгляду, выглядело знакомым, но это ничего не значило, ведь в Котморре можно было как угодно исказить и переделать плоть по цене горячего обеда. Харбир фальшиво улыбнулся и заговорил первым.

--- Приветствую, «Ксагор». Сколько демонов у ворот?

--- Шесть, и Харбир почти поддался, тут же отозвался развалина.

Лицо Харбира серdito покраснело от

вспоминания.

--- Очень уютно, так чего ты хочешь? ---
резко спросил он.

--- Тут слишком открыто. Внутрь?
Ксагор шагнул ко входу в притон,
пожалуй, с немного чрезмерной
готовностью, но Харбир поднял руку,
останавливая его.

--- Здесь будет нормально. Никто на
нас не обратит внимания, пока
продолжается парад.

Он кивнул в сторону берега, где
теперь мимо них маршировали ряды
воинов под аккомпанемент громовых
барабанов и лязгающих цимбал. Их оружие
и доспехи были разнообразны, но имели
общий стиль: темные цвета, плавные
изгибы, шипы и лезвия, количество
которых посратило бы скорпиона.
Некоторые воины несли трофейные шесты
с ярко окрашенными шлемами почти
сферической формы и многочисленными
сушеными головами, напоминающими
отвратительные плоды. Воины шли
тесными рядами соответственно своим
кабалам, и горе постигло бы того из них,

кто ступил бы на путь своих соперников. В отличие от переменчивых словности ремесленников, неверный воин был бесполезен, как оружие, которому нельзя довериться. Солдату лучше было умереть, чем предать хозяина, которому он поклялся служить (по крайней мере, так говорили хозяева). Поразмыслив над этим, Харбир решил, что из этого, скорее всего, следует некий урок.

Ксагор горестно наморщил лоб, но покорно остался на месте и успокоил себя тем, что начал шептать хриплым, привлекающим внимание шепотом, чтобы удовлетворить свое неуклюжее стремление сохранить секретность.

--- Хозяин... передает приветствие.

--- Славно, --- фыркнул Харбир, не пытаясь понизить голос. --- Где он?

Ксагор, если это был Ксагор, на миг затаялся, и подозрительность Харбира только выросла. Даже идущие строем воины выглядели настороженно, их шлемы и маски то и дело поворачивались, неосознанно ища угрозы. Всеприсущее подозрение и кипящая внутри, затаенная

жажда насилия висели над парадом воинов, словно тяжкая грозовая туча.

--- Секрет... у хозяина много работы.

--- Я вижу, хотя не могу сказать, что так уж впечатлен той работой, которую он провел над тобой.

Обычно безжизненные глаза Ксагора вспыхнули гневом от насмешки.

--- Не стейся над хозяином! --- рявкнул он, мгновенно забыв о своем дурацком стремлении к сфлерскому шепоту. Раб в своем закутке не обратил на это ни малейшего внимания, а Харбир глумливо расстелился в лицо развалине.

--- Он не может защитить нас! --- прошипел он. --- Не может защитить самого себя! Нам просто надо убежать...

--- Хозяин сказал, что Харбир захочет бежать, --- разгоряченно перебил Ксагор. --- Хозяин сказал, это хорошая идея. Беги далеко! Хорошо спрячься.

Развалина внезапно повернулся, чтобы уйти. Харбир был поражен таким поворотом событий.

--- Подожди, что? Ты не можешь взять и уйти! --- Харбир быстро шагнул к нему.

выглядела ценной, но он знал, что в Колморре внешний вид может быть обманчив. Столь малый объект может содержать в себе, в сжатом виде, нечто куда более огромное. Например, маленький взвездолет, портал в иной мир или бомбу, достаточно большую, чтобы от Харбира наверняка не осталось ни единого кусочка.

--- Это секрет... которого Ксагор не знает, --- развалина посмотрел на Харбира почти что со смирением. Похоже, он намекал, что угрозы или пытки, неважно, насколько они будут приятны для Ксагора, ничего больше не раскроют.

--- Тогда... он мне как-то поможет? --- спросил Харбир, опустив клинок и чувствуя, что ему придется смириться.

--- Хозяин говорит, да, --- утешил его Ксагор.

--- Лучше бы он предложил награду за все это.

--- Хозяин сказал наполнить Харбиров, что покровительство хозяина многократно ценнее жизни Харбира.

--- Толку-то я от него видел, --- буркнул Харбир.

--- Хозяин еще сказал, что он уже сделал для тебя больше, чем тебе известно.

--- Очевидно, Бел... --- в гневе Харбир едва удержался от того, чтобы назвать мастера-гемүнкүла по имени. --- Очевидно, хозяин много чего говорит, только не мне.

Он кипел от злости и в сомнении покусывал губу. Подняв взгляд, Харбир увидел, что приближается конец процессии эпикурейцев. Последними (не считая арьергарда из других воинов: даже эпикурейцы обладали инстинктом самосохранения) явились мелкие архонты нижнего Метзүха и аристократия стесанных кровей. Они двигались по двое-трое в ряд в последовательности, которая наверняка была причиной многих ссор и междоусобиц. Как бы то ни было, их возглавляли лорд Наксинаэль из Яговитого Потомства и Безует Сто Шрамов, архонт Дүшерезов. Харбир знал обоих архонтов и когда-то выполнял для них кое-какие мелкие поручения. Повелители эпикурейцев ехали в богатых украшенных паланкинах и носилках.

вознесенных наг толпами их
приближенных: телохранителей,
конфидентов, лакеев и льстецов.

Несмотря на все непочтительные
высказывания, покровительство мастера-
гемүнкүла Беллатониса стоило для
Харбира больше, чем он готов был
признать. Оно уже отпугивало врагов и
открывало двери, которых раньше для него
даже не существовало. Не так давно
Харбир сменил круги общения, в которые
был вхож, и начал подниматься по высоким
и скользким склонам кабалитской
политики, несмотря на низкое
происхождение. Если он хотел когда-нибудь
взобраться на один из этих паланкинов, то
нуждался в могущественных союзниках,
таких, как Беллатонис. Развалина ждал с
довольной ухмылкой на лице, по-прежнему
держа в руке металлический предмет,
словно ждал, когда Харбир заберет его, но
тот по-прежнему сомневался. Он никогда
не сможет возвыситься, постоянно служа
другим. Каким-то образом, но он должен
сам взять ситуацию под контроль.

Шум парада мешал нормально

думать: гудели рога, беспрестанно стучали барабаны, от групп ремесленников доносились пронзительные звуки труб, а ушедшие вперед звери продолжали визжать и реветь. Воины молчали, единственным аккомпанементом с их стороны был лишь топот сапог. Через весь этот гам уши Харбира уловили ясный высокий звук, который немедленно завладел его вниманием. Он повернулся обратно к Ксагору и забрал у него металлический пятиугольник.

--- Я думаю, --- торопливо проговорил Харбир, --- нам правда лучше зайти внутрь.

Глава 3

Разоблачение

--- Кто смеет мешать инкубѹ в его трудах? --- медленным, угрожающим голосом проговорил Морр. --- Покажи себя, чтоб я увидел, достоин ли ты отдавать мне приказы.

Из темноты донесся издевательский смех.

--- Спасибо, но мы лучше останемся здесь. Не такие уж мы и глупцы, чтобы бросаться под твой клэйв и клинок клоуна.

--- О? --- спросил Пестрый, выступив вперед легким шагом танцора. --- Тогда как же вы планируете остановить нас, грузья? Два шага, и нас здесь уже не будет. И как вы сможете помешать этому?

--- Ты не единственный, у кого есть гранаты, шут.

Если бы неизвестные не бахвалились, их попытки могли бы оказаться более успешны. Но теперь Пестрый заметил первый маленький металлический шарик,

күвыркающийся в воздухе, поймал его и бросил обратно одним быстрым плавным движением. Вспышка статики осветила туннель там, где она приземлилась, и стало видно бегущие фигуры, озаренные ее ползучим свечением. Электромагнитная, решил про себя Пестрый, они используют электромагнитные гранаты, чтобы отключить ворота. В любой момент они могут бросить еще сразу несколько. Пестрый бросил взгляд назад, чтобы увидеть Морра и прокричать предупреждение.

Он не увидел ни следа великана-инкуба, а ворота уже закрывались.

В одно паническое мгновение Пестрый увидел всю сцену, как будто застывшую на месте. Время затегло, растянулось, и каждая мельчайшая деталь стала ясна как день. Сияющие красные линии расползались по металлу и камню, из которых состоял портал. Он должен был закрыться навсегда, так, что от него ничего бы не осталось, кроме кучи бесполезного шлака. Вуаль мерцающей энергии все еще висела внутри врат.

завихряясь и переливаясь разными цветами, но неумолимо истончалась. Пестрый кинулся в утирающий портал, и в тот же миг вокруг него со звоном посыпался дождь из крошечных гранат.

Чередой яростных взрывов потрясла ворота, электромагнитные разряды и клубки плазмы — некоторые из нападавших уже сценили свои намерения от пленения к убийству — стремились в катастрофической буре насыщенных энергией частиц. Когда она рассеялась, портала больше не было, на его месте возвышалась лишь оплавленная и искаженная масса. От инкуба и арлекина не осталось и следа.

Агенты прощупали ее, проверили и бесцельно проанализировали окрестности, но было совершенно ясно, что тут уже ничего нельзя сделать. Они утешили себя тем, что их хозяин в данный момент был занят и недоступен, и неприятную необходимость проинформировать его о том, что добыча ушла, можно было отложить до другого времени.

Если бы только агенты знали, что их хозяин в тот момент был не так далеко. Архонт Ниос Уллитан из кабала Белого Пламени ковылял по переплетенным кишкам туннелей, пронизывающих огромное многослойное подножие Колморры. Теперь лишь считанные минуты отделяли его от Разобщения, к приближению которого он, сам того не зная, приложил так много усилий. Угрозою, воздаяние уже обрушилось на него. В почти полной темноте он брел по затхлым скользким туннелям, налетал на сырые каменные стены, отчаянно пытаясь найти выход и вытягивая перед собой немеющие руки. Во многих километрах над ним поднимались серебряные башни вышиной с горы, поместья размером с города, целые крепости-континенты и острова-дворцы непревзойденной красоты и величия. Его собственная крепость находилась совсем недалеко и полнилась придворными, воинами и рабами, готовыми выполнять все его прихоти. Но архонт Уллитан был одинок, заточенный в злобонных внутренностях мира, и утирал.

По природе своей Уллитюан был не из тех, кто склонен к сожалениям. Он всецело разделял граничащее с патологией стремление своей расы глядеть только вперед. Прошлое было прошлым, и ничего иного сказать было нельзя. Таково было здоровое отношение к жизни среднестатистического комморрита, не считая разве что того, что оскорбления, распри и вендетты он помнил с кристальной ясностью. Но все же сейчас Уллитюан чувствовал горькое сожаление. Не потому, что выпустил на свободу потусторонние силы, которыми не мог управлять, чтобы воскресить эту бестию Эль'Уриака. Не потому, что его самонадеянность и спесь стала причиной гибели его соратников, не из-за массового убийства в банкетном зале проклятого Эль'Уриака, который так и остался позади, застыв в гробовом безмолвии. Нет, единственное, о чем жалел Уллитюан, это то, что ему не повезло оказаться затронутым падением воскрешенного архонта.

Уллитюан вынужден был признать в

душе, что его уничтожение было довольно ловко спланировано. Он понял истинную опасность плана лишь в последние моменты, и даже тогда предпочел бежать, чем попытаться предупредить Эль'Уриака или предотвратить это. И все же слишком, слишком поздно. Теперь его зрение быстро мутнело, а кожа стекленела буквально на глазах, приобретая оттенок блестящего нефрита, который скоро потемнеет до полной черноты. Мастер-гелүнкүл, Беллатонис, придумал, как выпустить стеклянную чүтү на Эль'Уриака и его гостей. Это была вирусная спираль, созданная для того, чтобы превращать живую плоть в стекло, что для колморрита означало истинную смерть, ибо его тело полностью уничтожалось в процессе. Ни регенерация, ни оживление не могли спасти от этой болезни, и поэтому любой колморрит, который чего-то стоил, обычно имел прививки против нее. И вот в чем заключалась хитрость: гелүнкүл уговорил колдунью-экзодиткү, мироневицү, преобразить чүтү, сделать ее настолько

сильной, что та смогла одолеть все
воздвигнутые против нее презрады.
Способность общаться с низшими
форматами жизни казалась такой безобидной
и приземленной силой, но лишь до тех пор.
пока ее не использовали для обхода твоей
умственной системы. Уллитриан знал, что
он все равно, что мертв.

Но архонт Белого Пламени все равно
продолжал волочь вперед свое негнущееся
тело, и в его разуме ярко пылал животный
инстинкт самосохранения. Холодная,
логическая часть сознания продолжала
твердить, что это безнадежно, что нужно
лечь и сохранять оставшуюся энергию. В
этом призыве сдаться он слышал
отдаленный, похожий на песню сирены
шепот Той, что Жаждет, которая с
нетерпением ожидала его души, обещая
заклучить его во всепоглощающих
объятиях, стирающих все скорби и
невзгоды. С немеющих губ Уллитриана
срывался непокорный хрип, и он, шатаясь,
ковылял все дальше.

Беллатонис и старуха Анжевер, вот
кого надо винить. Это они сделали

возможным злополучное возвращение
Эль'Уриака. Уллитюан вигел себя
руководителем заговора, создателем
планов, сборщиком всех необходимых
ресурсов. Теперь было ясно, что это ил все
время управляли... Нет, это не так ---
Беллатонис был так же изумлен, как и все
остальные, и, на самом деле, воскресший
Эль'Уриак даже нанес ему почти
смертельные раны. Значит, это старуха и
экзодитка, это они придумали какой-то
план, чтобы принести разрушения в
Колморру, и отравили все планы
Уллитюана своим колдовством. Это
казалось более правдоподобным, но все
равно не выглядело верным. Теперь он
чувствовал, что тут приложил руку иной,
более великий архитектор, сущность, не
сдерживаемая ни временем, ни
пространством. При всем этом ей,
видимо, больше нечего было делать со
своей мощью, кроме как использовать ее на
погибель Уллитюану.

Утирающий разум архонта
продолжал бурлить домысли и
паранойей, как делал это всю его жизнь. У

может быть, впервые за все свое существование он не имел возможности отомстить или хотя бы показать виновным, что он знает. Невидимый убийца уже победил и сразил его, просто он еще не умер до конца.

Затухающие чувства ощутили угрозы: пол тоннеля вибрировал, словно туго натянутая нить. Значит, все-таки старуха была права, пусть Лилит съест ее закрытые глаза, и действительно приближается Разобщение.

Сибрис начинала утрачивать свою змеиную грацию. Как сломанная игрушка, она закружилась по краю диска, постоянно пробуя на прочность оборону Аэз'ашьи, но та оставалась непреодолимой, по крайней мере, пока Сибрис не бросалась на нее со всей силой — а этого она уже не постеливалась делать. Серебряная поверхность арены была крест-накрест испещрена красными потеками и струйками. Осталось недолго. Аэз'ашья дожидалась последней отчаянной атаки, прежде чем запас сил ее соперницы

окончательно иссякнет. Она разминала
руки в усеянных бритвами перчатках,
предвкушая это мгновение.

И наконец, Сибрис свирепо метнулась
к ней. Она бросила себя вперед, чтобы
налететь на Аэз'ашью со всей мощи, и
полуплунные клинки от скорости размылись
так, что выглядели сплошной лентой из
стали. Аэз'ашья поддалась под натиском,
пригибаясь или отражая удары кулаками и
предплечьями. У нее не было выбора: глаза
Сибрис остекленели, а губы покрылись
пузырьками пены — верный знак того, что
она использовала дозу «расколотого
разума», чтобы усилить свою ярость.
Аэз'ашья обнаружила себя оттесненной на
край платформы, где у самых ее пят
разверзалась многокилометровая бездна.

Аэз'ашья неожиданно пнула Сибрис в
бедро, от чего гекатрикс на миг потеряла
равновесие. Она немедленно
воспользовалась шансом, чтобы
повернуться и подступить вплотную к
Сибрис, сводя на нет ее преимущество в
длине оружия. Клинки перчаток гидры с
хрустом вонзились под грудину Сибрис,

пробив прочный как сталь корсет и вскрыв
гладкую белую плоть под ним. Глаза
ведьмы широко распахнулись, она
пошатнулась и откашлялась кровью,
прежде чем яростно контратаковать
Аз'ашью. Это был опасный момент, время,
когда враг понял, что уже умирает, и
готов сделать что угодно, чтобы только
забрать с собой своего убийцу.

Аз'ашья перехватила опускающееся
запястье Сибрис и выкрутила так, что та
оказалась на краю диска. Отчаянный
режущий удар второго клинка был
презрительно отброшен в сторону, и
Аз'ашья безжалостно вытолкнула
гекатрикс с платформы. Сибрис
закричала, почувствовав, что ноги
потеряли опору, и беспомощно забилась над
бездной. Аз'ашья улыбнулась и позволила
Сибрис еще немного подумать над своим
решением, в отчаянии болтаясь в пустоте,
а затем резко схватила ее за горло и
вытащила ее обратно на край.

--- Знаешь что, Сибрис? --- выдохнула
она. --- Думаю, я должна быть тебе
благодарна. Я и сама сомневалась, могу ли

я преуспеть, будучи архонтом, а теперь ты подтвердила, что это так. Вопрос стоит так: достаточно ли ты умна, чтобы принять это?

Сибрис слабо кивнула. Вряд ли она смогла бы сделать что-то иное с клинками Аэз'ашьи у горла. Несомненно, гекатрикс устроит еще немало проблем, привлечет других мятежников и заговорщиков на свою сторону. Аэз'ашья теперь понимала, что это тоже полезно. Сибрис — известный противник, которого она в силах победить один на один, если это потребуется. И если Сибрис станет приманкой для других оппонентов, тогда даже лучше, их будет гораздо проще вычислить и разобраться с ними. Аэз'ашья выпустила шею своей противницы и стиснула в руке ее косу.

— На этот раз ты останешься жива, Сибрис, за свои старые заслуги и за то, что помогла мне доказать, что я достойна, — объявила Аэз'ашья. — Но это я оставляю себе как сувенир!

Она отсекла косу Сибрис вплотную к черепу и подняла в воздух, чтобы показать

зрителям. К своему неудовольствию Аэз'ашья заметила, что ведьма уже не смотрит на нее. Она уставилась куда-то в небо Верхней Колморры, пристально глядя поверх плеча Аэз'ашьи, и на ее лице явственно проступал ужас. Мелкая дрожь прошла по платформе под ногами. Опасаясь ловушки, Аэз'ашья быстро бросила взгляд в том направлении, куда глядела Сибрис. И от того, что она увидела, у нее едва не затерло сердце.

Шлеи, кружащие в высоте, менялись. Вокруг черных солнц расползались круги белого огня, и тонкие, как бич, протуберанцы извивались над ними, как затеделенные молнии. Солнечный свет испускал ядовитые отблески и придавал всему, на что падал, маслянистый, нечистый оттенок. Что-то происходило, и это было очень и очень неправильно.

По черному бархату Великого Канала плыла артага увеселительных барок, следующая за процессией эпикүрейцев. Пассажиры кораблей, в зависимости от настроения, выкрикивали ободряющие

кличи или издевательские оскорбления, играли на музыкальных инструментах и танцевали. Большая часть развлекалась тем, что сладострастно пыталась соблазнить тех, кто шел по берегу, чтобы они прыгнули в канал и поплыли к ним. Это была жестокая игра, если учитывать, что «воды» Великого Канала представляли собой странную смесь из наркотиков, отходов и других хиткатов, которые вызывали сумасшествие или потерю памяти у любого, кто к ним прикасался. В целом, Безиет, Наксинаэль и другие лорды эпикүрейцев могли согласиться, что все шло хорошо.

Слишком хорошо, на взгляд некоторых созерцателей. Первым признаком проблемы стал пронзительный вой многочисленных двигателей. Вскоре за звуком появился и его источник: беспорядочный поток реактивных мотоциклов, похожих на ос, с наездниками дикарского вида, спикировал на парад откуда-то с высоты. Мотоциклы с ревом промчались над головами кабалитов, заложили петлю и вернулись, на что ушло

меньше времени, чем требуется, чтобы
это описать. На этот раз их загнутые
лопасты-клинки прошли в одной ширине
ладони от эпикурейцев, оставив позади
рассеченные плюмажи, изорванные трофеи
и горстку обезглавленных рабов, которыми
не повезло оказаться самыми высокими.

Ручные животные зарычали и начали
угрожающе подниматься на дыбы при виде
атакующих, воины демонстративно
поднимали оружие, бросая вызов,
ремесленники осторожно наблюдали за
развитием событий. Когда разбойники
достигли конца процессии, Безиет
вскинулась с паланкина с
нечленораздельным рыком, готовая на
лету кромсать незваных гостей своим
клинком-джинном. Воздух дрожал от
насилия. Его неизбежность казалась почти
осязаемой, оно сгущалось,
кристаллизовалось и готово было в любой
момент взорваться бешеной схваткой.

Несколько резких слов лорда
Наксинаэля как будто сразу остудили гнев
Безиет. Она рухнула обратно на сиденье,
глядя, как стая разбойников улетает вдаль

канала и рассеивается в небесах, как
листья на ветру.

--- Они --- просто приманка, ---
прошипел Наксинаэль.

И он был прав. Через несколько
мгновений вторая, куда большая стая их
сородичей прогудела над головами
эпикүрейцев, с беззаботной
медлительностью повторяя путь первой.
Первая группа была специально послана,
чтобы спровоцировать атаку и оттянуть
на себя огонь, в то время как реальная
угроза вырывается на подходящую
позицию. Кто-то пытался втянуть
эпикүрейцев в грязную драку на побережье
Великого Канала --- несомненно, это было
подстроено для того, чтобы
проиллюстрировать отдельным кабалам,
что их зыбкая коалиция не может
предоставить им реальной защиты.
Простая проверка, которую они прошли,
всего лишь не напав на приманку.

Однако процессия не тронулась с
места даже после того, как разбойники
улетели. Все взгляды были прикованы к
преграде, возвышающейся на дальнем

берегу Великого Канала. Она простиралась так далеко, сколько хватало глаз — тускло мерцающая вихрящаяся занавесь, которая изгибалась, уходя за горизонт. За ней клубились необузданные энергии пустоты, навечно отрезанные от города тайными технологиями. Неподалеку через канал был перекинут тонкий дугообразный мост и как будто пронзал презраду в Берилловых воротах, постоянном портале, ведущем в субцарство Вольеров Маликсиана. Времена от времени внутри нее всплывали размытые образы других реальностей, видения волшебных башен или странных ландшафтов, но для обитателей нижнего Метзуха поблескивающая энергетическая презрада была столь же прочной и повседневной, как каменная стена.

Теперь же было очевидно, что происходили какие-то перемены.

Маслянистые болезненные цвета пустоты завихрялись все быстрее, приобретая новые, невозможные формы и пульсируя, как будто сквозь них пробегали толщи. Паучья сеть жуткого

ослепительного света медленно
расползалась по поверхности презрады,
начиная от Берилловых ворот, словно
трещины, сквозь которые пробивалось
лучезарное сияние иных реальностей за
пределами Котморры. Низкий, животный
стон ужаса пронесся по процессии при виде
этого зрелища. Некоторые откололись от
нее и побежали к дворцам, но спасти себя
уже было слишком поздно. Началось
Разобщение.

Первый удар был физическим. Город
затрясся, как будто стиснутый в кулаке
разъяренного гиганта. Канал взбурлил и
покрылся пеной, когда по нему прошли
ударные волны. Увеселительные суда
переворачивались и сбрасывали пассажиров
в воду, где их крики быстро утолкали. Тех,
кто стоял на берегу, сбilo с ног, и
расщелины, открывшиеся в полированном
камне, целиком проглотили отдельные
части процессии. Камень раскалывался,
металл выл от напряжения, нижние
дворцы поддавались под натиском и
рушились, раздавливая тех несчастных,
что оказались под нити.

Сразу же за первым, физическим сотрясением сквозь преграду ударила психическая волна, энергия Элпирей, которая искажала перед собой саму реальность.

Некоторые попросту сошли с ума, когда камни заколыхались под их ногами и отрастили визжащие лица или хватающие руки. Они бросились друг на друга, как дикие звери, бессловесно рыча, кусаясь и царапаясь. Другие кинулись в бурлящий канал, забывая от смеха, пока черная тягучая жижа стыкалась над их головами. Некоторые погибли на месте: вспыхнули жарким пламенем, или были вконец разорваны молниями, или растерзаны невидимыми когтями, или растаяли, как горячий воск. Но это были те, кому повезло. Остальные, подавляющее большинство присутствовавших, пережили первую волну, лишь чтобы привлечь внимание иных, более разумных сущностей, прорывающихся через преграду.

Эти хищные твари питались душами и сырой энергией страданий смертных. Определенным образом они весьма

походили на самих котморритов, но в то время как последние усовершенствовали свои методы до высокого искусства чувственной жестокости, эти существа были грубы и примитивны. Их манифестации выглядели, как ночные кошмары — соблазнительницы с острыми клешнями, крутящиеся волчком живые языки пламени, зловонные разлагающиеся твари, ковыляющие на тонких, как прутья, ногах, и сотни других демонических ужасов, обретших реальность. Одновременно с их появлением на эльдаров нахлынули волны тошноты, лихорадочного бреда и истерии. Призрачная орда сгустилась, расплзлась и напирала своей скверной воздyx, словно чернила, выпущенные в сосуд с прозрачной водой. С samozабвенной радостью они ворвались в ряды эпикурейцев, и засверкало оружие, когда котморриты попытались обороняться, но на каждую мерзость, которую они рубили в куски или разносили выстрелами, появлялась еще дюжина тварей, толкавшихся, чтобы занять ее место.

Безиат Сто Шратов, замыкавшая процессию, сражалась клинком-джинном с искусностью, порожденной отчаянием. Ни одно адское отродье не смогло даже прикоснуться к ней когтем, пока она прорубала себе путь наружу из борющейся массы, возглавляя горстку других выживших. На этот раз злобный разум меча, похоже, был полностью на ее стороне и не совершал никаких неожиданных рывков и поворотов, как он любил это делать в самые неподходящие моменты. Разгневанный дух предыдущего архонта Душерезов, Акзириана, был пленен внутри кристаллического клинка-джинна в качестве готового источника энергии для Безиат, к которому она могла обращаться, когда вздумается. Ярость Акзириана делала его непостоянным орудием, но сейчас Безиат требовалось любое преимущество, каким она только могла воспользоваться. Лорд Наксинаэль следовал по пятам Безиат, направо и налево разя врагов при помощи пары бластнпистолетов мастерской работы. Позади него сформировался неплотный

клин придворных, но их ряды редили с каждой секундой.

--- Кажется, наши владыки из Верхней Колморры решили разделаться с нами, как с настоящими аристократами! --- прокричал Наксинаэль поверх воплей.

--- Не время болтать, змея! --- яростно отозвалась Безиет. --- Просто... убивай!

Остальные участники процессии уже полностью исчезли под извивающейся массой жрущих демонов. Безиет и Наксинаэль шли против потока --- бесконечного потока щелкающих зубами, тянущих лапы чудовищ --- пробиваясь к полуразрушенным дворцам, где надеялись найти место, подходящее для обороны. От берега канала до нижних дворцов было всего сто шагов, которые теперь казались сотней миль. Призрачные энергии, истекающие из бреши в преграде, постоянно проносились по поверхности сознания Безиет, порождая странные видения и чужеродные эмоции. Она видела спиральные башни из железа, поднимающиеся в бесконечность, кровавые небеса и реки внутренностей, луга, где

Вместо травы росли пальцы, и облака, состоящие из мұх. Крошечные, похожие на вспышки статики, уколы веселья сражались в ее душе со стремительно сменяющимися груз груза чувствами освобождения и трачного удовлетворения.

Из многоцветного ментального тумана на нее выковылял квартет однорогих, вооруженных ржавыми мечами демонов-циклопов, из слюнявых настей которых раздавалось жужжание мұх. Она свалила их короткими рубящими ударами, словно деревья. Омерзительные тела легко поддавались клинку-джинну и лопались, как спелые фрукты, где бы он в них не вонзился.

Повинуясь шестому чувству, Безиет нырнула в сторону, и усеянная шипами и зазубринами металлическая масса рухнула там, где она стояла мгновение назад. Взглянув наверх, она увидела, что с высоты летят, кувыркаясь, обломки столбов, колонн, статуй, минаретов и арок. Стаи разноцветных огненных шаров промчались над головой и врезались в нижние дворцы, объяв их пляшущим

сверхъестественным пламенем, которое тут же принялось поглощать руины, издавая вопли радости. Безиет увидела, что добралась до кучи перекрученных рабских клеток, и решила, что пора повернуться и дать бой.

Она вовремя приняла решение. Позади нее расползалась всепожирающая орда потусторонних сущностей, ища новую добычу. Они уже покончили с процессией, от которой осталась только мешанина изорванных знамен и кровавых останков, и обратили голодные взгляды на дворцы — а заодно на Безиет и других выживших. Она с демонстративным презрением плюнула в сторону демонов, которые тчались вперед, отталкивая друг друга, и грызлись за право полакомиться этой новой добычей. Гниющие и огненные как будто враждовали друг с другом и столь же готовы были бросаться друг на друга, как и на нее, и этот факт она немедленно использовала к своему преимуществу.

Клинок-джинн Безиет рычал, кромсая щупальца, клешни, языки и ложноножки с одинаковым самозабвением. Обжигające

сетчатку вспышки из пистолетов.
Наксинаэля взрывали все больше
стремительных тел, и на какой-то миг
пространство вокруг Безиет оказалось
пустым. Существа, похоже, слабели и
теряли координацию. С ними происходили
какие-то перемены, и они начали
показывать первые признаки страха.
Теперь Безиет чувствовала себя так,
будто рубила дым, каждый взмах ее меча
рассеивал по полдюжины тварей за раз.

Пulsирующая, трескучая световая
пелена вокруг Берилловых ворот
постепенно угасала. Безиет бросила взгляд
вверх и увидела нечто внутри преграды,
силуэты, похожие на громадные башни,
или щупальца, или торнадо ---
колоссальные, титанические силы,
которые слепо проталкивались в ворота
под невозможными углами. Она заставила
себя отвести взор, прежде чем ее здравый
рассудок пошатнулся, и сфокусировалась на
близких, материальных вещах, чтобы не
утратить разум в безбрежности тех сил,
что бушевали у края ее вселенной. Жуткий
свет продолжал меркнуть, несмотря на

все их попытки пробиться внутрь, сверкающие трещины тускнели, как будто состояли из остывающего металла. Демоническая орда то исчезала, то снова проявлялась в реальности по мере того, как бесконечно древние защитные механизмы преграды с трудом пытались запечатать брешь. Огонь за другими ковыляющие трупы, соблазнительницы и танцующие огни проваливались внутрь себя или исчезали, как пламя на ветру.

На сцену опустилось тяжкое почти безмолвие. В отдалении все еще слышались душераздирающие шумы, грохот и бесчисленные вопли, но на берегу канала воцарилось зыбкое относительное спокойствие, когда исчезла визжащая и течущаяся демоническая орда. Берилловые ворота исчезли, их заменила шевелящаяся многоцветная звезда, портал, который, несомненно, вел во многие места, но только не в Вольеры Маликсиана Безумного. В слишком много мест. Пустота позади преграды выглядела какой-то раздутой, угрожающей, как грозные тучи, готовые разразиться молниями.

Оставшиеся в живых таленькой кучкой
столпились вокруг Безует и Наксинаэля,
неуверенно глядя друг на друга. Среди них
было много незнакомых лиц.

--- Все закончилось? --- спросил один.

--- Закончилось? Все только началось!

--- сердито прошипел Наксинаэль. --- Пока
все врата не запечатывают...

Словно чтобы подчеркнуть его слова,
еще одна волна грожи побежала по берегу
канала. Разноцветная звезда, которая
когда-то была Берилловыми воротами,
злоюще затерцала. Наксинаэль
продолжил, не желая поддаваться страху:

--- ...пока все врата не запечатаны,
будут новые вторжения и еще больше
демонов!

--- Неплохо иметь такой клинок во
времена вроде нынешних, --- небрежно
заметил голос откуда-то из-за спины
Безует.

Она резко развернулась, чтобы
зарубить говорившего за нахальство,
острое лезвие клинка-джинна запело,
рассекая воздух. Потом, прямо на глазах
Безует, произошло неизбежное. Ее меч

стал сильнее, чем когда-либо, напавшись украденной силой демонов. Он предательски выкрутился из усталой руки, бритвенно-острое лезвие скользнуло в сторону и глубоко взрылось в бедро. Безиет почувствовала внезапный холодный прилив адреналина, как бывает от настоящего серьезного ранения. Нога поглотилась под ней, навстречу поглетела земля, и она с трудом попыталась оттолкнуть клинок-джинн подальше от своего горла. Грохот крови в ее ушах звучал, как стех Акзириана.

Глава 4

Стеклянный правитель

Ведомый фортуной в той же мере, что и быстрыми рефлексами, Пестрый вывалился в Паутину и рухнул неоправданно, но, к счастью, невредимой кучей. Он не сомневался, что попал именно в нее (что само по себе было облегчением): странная атмосфера, ощущение нереальности, чувство, как будто тонкие стены вокруг неплотно растянуты поверх бесконечности, и если заглянуть за одну из них, то можно увидеть всю вселенную, распростертую перед тобой. Пестрый поднялся и тщательно отряхнул свою одежду, несмотря на то, что здесь не было ни пыли, ни грязи, ни вообще чего-либо столь же грубого и материального. Туннель Паутины, в котором он находился, состоял из всеохватной неясной белизны, которая как будто ускользала из виду, когда на нее смотрели прямо.

Только когда Пестрый начал идти по

Нету, стало видно широкий, почти
круглый туннель, тихо волнующийся под
ногами. Позади не осталось никаких
признаков тайных врат Крайллаха.
Чистая белизна перед ним тянулась вдаль
и исчезала в какой-то бесконечно
удаленной невидимой точке. Ничто не
пятнало ее, кроме резкого черного
силуэта, который колебался и подскакивал
где-то посередине. Высотой он был всего в
палец и быстро скрывался из виду.
Нестрый тут же потчался за ним.

Расстояние оказалось обманчивым, и
Нестрый вскоре догнал Морра, который
удалялся широкими шагами, закинув клэйв
на плечо. Когда арлекин приблизился, тот
как будто слегка опустил плечи и
прибавил шаг.

--- Не бойся, Морр, твой верный
товарищ не врежет и снова готов
сопутствовать тебе в странствиях, --- с
живостью сообщил Нестрый, двигаясь
рядом легкой трясцой. Слова в Паутине
казались необычно плоскими и глухими,
как будто этот незначительный шум
рассеивался в ее огромном просторе.

Глубоко в гортле Морра слышалось рычание, гортанный звук, которому удалось не затеряться в тумане.

--- Так значит, корабельный туннель? --- продолжал беседовать Пестрый. --- Твой архонт был невероятно предусмотрителен. Могу ли я предположить, что он спрятал здесь и корабль? Не возражаю против пеших прогулок, но время...

--- ...жизненно важно. Это ты уже говорил, --- трачно отозвался Морр. --- Повторение одних и тех же клише не расположит меня к тебе. Нет такого корабля, который мог бы отправиться туда, куда нам нужно.

--- Хм, это довольно правдиво --- хотя я даже не знаю, как выразить свое восхищение тем, что ты снова сказал «мы».

--- Я уже привык считать бремя твоего присутствия частью своего наказания.

--- И это тоже довольно правдиво, хотя и несколько отдает самобичеванием, но, я думаю, в том что касается причины

и следствия, ты прав.

Морр резко остановился и повернулся лицом к Пестрому, сдернув клэйв с плеча легким отработанным движением.

--- Так ты признаешь, что пришел лишь для того, чтобы покарать меня? --- В вопросе инкуба не было никаких эмоций, это была мертвая фраза, которая повисла в воздухе между ними. Пестрый скорбно залотил руки и ловко отступил назад, где его не мог достать меч.

--- Нет! Нет! Совершенно не так. Я пришел помочь тебе, Морр. Это ведь ты попросил о помощи, чтобы справиться с твоим архонтом и его кабалом, и это меня послали помочь!

Клэйв слегка приподнялся, движение было менее заметно, чем подрагивание крылышка насекомого, но Пестрый сразу его увидел. Он был более чем уверен, что сможет избежать любых атак Морра, если дойдет до боя, но инкуб уже показал, что удивительно быстр и умело владеет огромным двухметровым клинком, чью смертоносность сложно было переоценить. Пестрый еще раз шагнул назад, просто

чтобы чувствовать себя безопаснее, и продолжил говорить.

--- Подумай, Морр! Без моей помощи скверна распространилась бы дальше, другие кабалы пали бы под ее воздействием, кто знает, что могло бы случиться! Твой архонт уже был потерян, мертв, ты вел себя с ним, как с живым, только потому, что хотел... хотел...

--- Сохранить о нем память, --- тихо закончил Морр. --- О том, каким он был, а не каким стал.

--- Да, да, и ты поступил правильно, неважно, что скажут иерархи, когда --- если --- мы достигнем храма Архры. Крайллах уже погиб, ты только убил тварь, поселившуюся в его трупе...

При воспоминании клэйв Морра дернулся, и Пестрый решил, что смерть Крайллаха --- скверная тема, которую лучше не развивать.

--- Подумай... --- Пестрый облизал губы и придал своему лицу самое убедительное выражение. --- Ты должен увидеть большее, не только эти непосредственные последствия, и вспомнить, что сама

Комморра теперь под угрозой!

Клэйв инкуба снова медленно опустился. Про себя Пестрый отметил, что надо извлечь как можно больше из его чувства долга. Безликий шлем повернулся к Пестрому, как будто Морр увидел его впервые. Арлекин продолжал говорить, и слова истекали из него, словно стремительный чистый ручей.

--- Город нуждается в твоей помощи, Морр! Разобщение само по себе никогда не заканчивается, о нет. Это было бы слишком просто! Разобщение можно прервать, только найдя его первопричину и сделав с ней...

--- Не пытайся меня учить, --- перебил Морр. --- Может, ты и путешествовал по Наутине больше многих, но она принадлежит Комморре. Так было всегда и будет вечно. Эти вещи нам известны.

--- Не сомневаюсь, что архонты будут чесать в затылке и озираться в поисках того, кого можно обвинить, или что Вект устроит одну из тех ужасных публичных демонстраций, которые он так любит. Ничто из этого ничего не изменит, разве

ты не видишь? Разобщение будет продолжаться, пока не найден истинный источник разрушения, а его они найти не смогут.

Морр просто глядел на него, не двигаясь, и все его мысли были скрыты под темной броней. Он положил кляйв на покрытую дыткой белую поверхность. Пестрый закрыл рот, понимая, что и так уже сказал слишком много. Великан-инкуб не собирался так легко отпустить его. Прошли долгие секунды, прежде чем Морр заговорил снова, и когда он это сделал, единственное слово, которое вырвалось из голосовой решетки его шлема, было пронизано угрозой.

--- Почему?

Первое сотрясение Разобщения бросило Уллитана на пол, и от удара он издал мучительный вопль: кожа растрескалась, осколки стекла врезались в живую плоть. Это оказался лишь один из многочисленных толчков, от которых туннель подпрыгивал и корчился, как напуганное животное. Архонт не мог

ничего пожелать, кроме как бесполезно хвататься за камни и пытаться кричать среди содрогającychся корней мира.

Казалось, минула бесконечность, прежде чем яростные сугороги Разобщения притихли и перешли в несчастную дрожь. Уллитван лежал там же, где упал, и больше не мог сдвинуться с места. Его бесконечности теперь были слишком непогатливыми и тяжелыми, чтобы шевелиться. Один глаз полностью ослеп, второй был затмнен слоем стекла, расползающимся поверх него. Несмотря на все увечья, Уллитван чувствовал, что Разобщение далеко от завершения. Воздух пронизывало ощущение неправильности и перемен, столь же очевидное и опасное, как сернистые испарения вулкана. Периодически по слоям основания пробегали ударные волны, то ли от того, что в гругих презрадах города образовывались бреши, то ли от падения невообразимо огромных обломков весом в мегатонны, обрушившихся от тряски с башен Верхней Колморры.

Уллитван с удивлением обнаружил,

что все еще может слышать. Сначала он подумал, что доносящиеся до него звуки отдаленных громоподобных ударов -- лишь иллюзия, созданная остекленением тела. Возможно, подумал он, возник некий симпатический резонанс из-за того, что даже неживое вещество содрогалось от насилия, творимого где-то вдали над иной, родственной ему материей. Он издал стешок, который вырвался наружу прерывистым шипением, и понял, что по-прежнему слышит звуки. Он задался вопросом, по какому извращенному капризу судьбы он должен утратить именно так -- застывшим, парализованным, способным лишь слышать, как мир погибает вокруг него.

Углубиться в жалость к самому себе ему не дал какой-то тихий повторяющийся звук, который постепенно приближался. Это было медленное шарканье ног, идущих с болезненной осторожностью, как будто шел кто-то тяжело раненный илиотягощенный бременем. Улитчан попытался оглянуться, чтобы увидеть незнакомца своим единственным зрячим

глазом, но шея не поворачивалась. Он не попробовал что-нибудь сказать, но из сомкнутых губ лишь с присвистом выходил воздух. Вдруг перед ним припало к земле нечто темное, похожее на паука, чьи тонкие, как палки, конечности поблескивали металлом. Улиткиан мог лишь беспомощно наблюдать, как оно три или четыре раза запустило в его распростертое тело какие-то острые шипы, и каждый укол казался ему неясным далеким прикосновением.

Снова минуло время. Таинственная фигура по-прежнему сидела над лежащим Улиткианом, и постепенно вырисовывалось все больше деталей ее облика. Бледное размытое пятно лица, острая талия, узкие плечи, металлические штифты толщиной в палец, торчащие из конечностей и позвоночника. Длинные белые руки уверенно ощупывали его тело, останавливаясь то здесь, то там, чтобы убрать пластинки черного стекла. По рукам и лицу Улиткиана начало медленно распространяться покалывание. Внезапно на него нахлынуло узнавание, и он снова

попытался заговорить.

--- В-б-хронсс, --- удалось прохрипеть
Уллитуйану.

--- А, прекрасно, мой архонт,
подвижность возвращается, --- ответила
тощая как веретено фигура. --- Это
действительно я, верный Беллатонис,
прибыл на выручку в ваш час нужды ---
факт, который я попрошу вас запомнить
до тех времен, пока мы не окажемся в
более счастливых обстоятельствах.

--- В-в-в... --- Уллитуйан с трудом
добивался звуков от своих застывших губ.
Положение было настолько унижительным,
что грозило свести его с ума, но он с
маниакальным упорством продолжал
попытки. Беллатонис наблюдал за ним с
плохо скрываемым весельем. --- В-в-лечил? ---
--- наконец произнес он.

--- Ах. Не совсем, ибо в настоящий
момент чума временно затихла благодаря
антигенам, которые я, по счастью,
совпадению, держал при себе. Боюсь, что за
полным исцелением нам нужно
отправиться в мою лабораторию или то,
что от нее осталось. А пока что, как ни

жаль, вы будете испытывать
значительный дискомфорт, ибо
необратимо трансформированная ткань
отслаивается с тела.

--- Т-м-ты... --- слово вырвалось из рта
приятно низким, угрожающим рыком.
Уллитриан про себя порадовался своему
маленькому триумфу, Беллатонис же
выглядел не столь впечатленным.

--- О, перестаньте, архонт, не надо со-
мной спорить. Если бы вы действительно
винили во всем этом меня, то вряд ли
стали бы предупреждать меня об этом, не
правда ли? А в особенности в такой
момент, когда ваша жизнь буквально
находится в моих руках. Мы оба знаем,
что вы не глупец. Пожалуйста, уделите
мне такой же милости.

Дальнейшие попытки Уллитриана
сформировать слова стали
нечленораздельны, ибо стеклянная чума
достаточно ослабила свою хватку, чтобы
он смог кричать. Только одна мысль
помогала ему сохранить рассудок в
раскаленной плавильне боли. Неважно,
насколько утным, насколько любезным

лнит себя Беллатонис, он познает те же страдания, усиленные в тысячу раз, когда Уллитван наконец свершит свое возмездие.

Аз'ашья потчалась по узкому серебряному мосту, позабытая коса Сибрис трепыхалась сзади, зажатая в одном кулаке. Мост выгибался и предательски извивался под ее стремительными ногами от содроганий, пробегающих по крепостным стенам. Сверху доносились пронзительные потусторонние крики и чудовищный звук чего-то разрываемого, который казался бесконечно повторяющимся, как гул вращающегося колеса. Она не смотрела вверх.

Ядовитый свет Улмей стал невыносимо ярким и превратил серебряную дорожку в раскаленную полосу белого света. Аз'ашья прищуривала глаза и прыгнула со всей силы — теперь, покинув зону повышенной гравитации, она преодолевала метры с каждым скачком. У все же она двигалась недостаточно быстро, чтобы достичь безопасного места

до того, как произошло первое настоящее сотрясение. Сам воздух вспыхнул свечением, словно неожиданно ударила молния, и тут же налетела ударная волна опустошительной силы. Мост раскололся, и Аэз'ашья с криком рухнула в бездну вместе с ярким дождем обломков.

От чистого отчаянья она продолжала двигаться, бежала, прыгала, карабкалась сквозь воздух то по одному, то по другому крутящемуся куску. Остались считанные секунды, прежде чем ее полет прервут моноволоконные сети.

Что-то промчалось вверх мимо Аэз'ашьи — крылатая летящая фигура, за которой встретились еще одна и еще. Стая бичевателей поднималась в небо и хлопала мощными крыльями, отчаянно пытаясь уклониться от остатков моста, валиющихся сверху. Аэз'ашья, не раздумывая, бросилась вперед, оттолкнувшись ногами от очередного обломка, чтобы приземлиться на замыкающего бичевателя с распростертыми руками и загнутыми клинками, полностью выпущенными из перчаток гидры.

Крылатый воин в последний миг
мельком увидел ее силуэт, летящий
навстречу, и попытался увернуться, но
тщетно. Аэз'ашья поймала бичевателя в
русеянные лезвиями объятия и притянула к
себе, как давно потерянного возлюбленного.
Крылья бешено забились, колотя по ее
телу, однако все трепыхания бичевателя
были бесполезны против ее хватки.
Летучее создание уже утирало, оставляя
за собой шлейфы артериальной крови,
истекающей из ран, но его инстинктивных
попыток остаться в воздухе было
достаточно, чтобы замедлить падение
Аэз'ашьи. Она нетилосердно оседлала
крылатого воина, используя свой вес, чтобы
направить дергающийся коток из двух
падающих тел к внутренней стене
крепости. Повинуясь инстинкту, крылья
бичевателя продолжали хлопать вплоть
до того момента, как Аэз'ашья выпустила
его и прыгнула, а сам он врезался в стену.

Она приземлилась на покатую
поверхность из рифленого металла и
вонзила клинки гидры, чтобы зацепиться.
Тело бичевателя упало рядом с ней.

скатилось и исчезло из виду за краем.
Вскоре после этого кристаллические
лезвия перчаток откололись, и она сползла
на несколько метров по склону, повторяя
его путь. Аэз'ашья отчаянно ударила по
металлу, клинки заскрипели и
заскрежетали, но смогли-таки
остановить ее падение. Ее положение по-
прежнему казалось невероятно шатким.
Она сделала паузу, чтобы собраться с
чувствами. Сердце все еще сильно
колотилось, руки дрожали от адреналина,
струящегося по жилам. Аэз'ашья с
удовольствием отметила, что не
чувствовала страха, только пульсирующее
возбуждение.

Она остотрелась, пытаясь понять,
куда приземлилась. Небо наверху
выглядело, как круг белого пламени,
давящий на раскаленные стены крепости.
Мимо нее с ревом проносились падающие
обломки. По металлу, на который она
опиралась руками и ногами, пробежала
грозь и сотрясения. Воздух казался
наполненным летящим мусором и
крошечными силуэтами бичевателей.

геллионов, разбойников и других, пытающихся спастись от бедствия. Где-то в двадцати метрах над ней покатая металлическая поверхность переходила в вертикальную стену с рядом узких окон. Аз'ашья попыталась вскарабкаться к ним, но едва не утратила опору и начала постепенно сползать вниз. Хрупкие кристаллические лезвия перчаток плохо подходили для этой работы, и Аз'ашья пожалела, что не взяла с собой обычные ножи.

Но тут она с легким весельем заметила, что на ее руке все еще трепещет коса Сибрис, зацепившаяся за крючковатые кристаллы. При взгляде на трофей у нее появилась идея, и она осторожно отцепила одну перчатку от склона, чтобы схватиться за болтающийся кончик. К нему все еще был прикреплен клинок, зазубренный клык длиной в ладонь из заточенной до мономолекулярной остроты стали. Аз'ашья ухмыльнулась и вонзила клинок в металл. Острое толщиной в молекулу с легкостью вошло внутрь, словно в

поглотливую плоть. Теперь, с прочной опорой под рукой, она начала медленно продвигаться вверх, к безопасности.

Безиет могла сразу сказать, что находится на грани смерти. Она чувствовала, как жизнь и тепло быстро уходят из тела через нанесенный собственным мечом глубокий порез в бедре, а вместо них остается ужасная парализующая слабость. Где-то вдали она ощущала присутствие зловещих сил. Они как будто наблюдали голодными глазами за ее медленным умиранием, с нетерпением ожидая, пока душа выскользнет из тела. Клинок-джинн все еще лежал неподалеку на растрескавшихся камнях и слабо вибрировал. Похоже, никто не хотел подбирать его после того, что он сделал с Безиет.

На краю угасающего зрения возник встревоженный архонт Наксинаэль, нежелающий унижаться, помогая ей самостоятельно, но и не хотевший бросать одного из немногих выживших союзников. Узкие глаза змеиного архонта

группы установились на одного из маленькой группы уцелевших, стоящего неподалеку.

— Эй, ты! — резко окликнул Наксинаэль. — Да, ты, что в маске развалины. Надеюсь, ты и есть развалина, иначе тебе же хуже. Немедленно займись ее раной, я хочу, чтоб она могла сражаться! Всем остальным — мы выдвигаемся через пять минут. Общитесь с уцелевшими, заберите все полезное.

Какая-то часть сознания Безиет одобрительно кивала, в то время как другая планировала, как выжить в дальнейшем. Наксинаэль взял руководство на себя и занял остальных делом, чтобы они не думали о том, что происходит, но Безиет понимала, что прямо здесь и сейчас формируется новый кабал, возглавляемый архонтом Наксинаэлем. Он собирался отправиться на поиски других уцелевших, чтобы принять их в свою наращивающую силы группировку. Они, по большей части, наверняка будут рады присоединиться к нему, что увеличит их шансы на выживание, и любой, кто покажется достаточно несговорчив, чтобы

отказаться, просто станет еще одной жертвой катастрофы. В зависимости от того, как выпадет жребий, архонт Наксинаэль, вероятно, выйдет из всего этого бедствия куда более могущественным, чем прежде. Может быть, в хаосе он даже сможет пробить себе путь в Верхнюю Комморру.

Фигура в темном одеянии покорно зашаркала ногами и села на корточки рядом с Безиет. Она уставилась на решетчатую маску развалины, когда тот нагнулся и начал осматривать ее рану. Наксинаэль видел в ней ценный ресурс, но это не навсегда. Вскоре он начнет задаваться вопросом, зачем ему рисковать, держа ее рядом...

--- Как твое имя? --- властно потребовала она. Она не чувствовала себя властной. Казалось, будто она провалилась на дно колодца, и маска развалины парит над ней, заслоняя небо.

--- Ксагор. Этого зовут Ксагор, архонт Безиет, --- покорно представился развалина.

Что ж, это, по крайней мере, хоть

что-то. Когда прислужник начал копаться в раненом бедре, начался неприятный жар, но она упорно не показывала никаких признаков дискомфорта. Она обнаружила, что это помогло ей сконцентрироваться, давало возможность проявить контроль.

--- Кто твой хозяин? --- более спокойно спросила она.

--- Мастер... Беллатонис, --- несколько нерешительно ответил развалина, и эта необычная деталь не ускользнула от внимания Безует, которая запомнила ее на будущее.

--- Кого ты здесь знаешь?

--- Никого, Ксагор просто пришел посмотреть на процессию, --- пробормотал он, углубившись в работу над раной, что бы он там с ней ни делал. Безует проницательно посмотрела на него.

--- С чего бы это? Беллатонис уже много лет не работал ни на один из нижних дворов, он возмнил, что слишком хорош для нас... О-о!

В ране вдруг словно вспыхнул огонь, и Безует скрипнула зубами. На миг ей показалось, будто ее снова полоснули.

— Закончено, — торопливо сказал развалина, встал и попятился назад.

Бежит свирепо выругалась в его адрес, оперлась на локоть и поднялась на ноги. Боль перешла в глухое пульсирующее нытье, но сама нога казалась негнущейся, деревянной. Она с сердитым лицом несколько раз попробовала перенести на нее вес, потом нагнулась и подобрала такникет и нетронутый клинок-джинн. Бешеная энергия, которую продемонстрировал дух Акзириана, похоже, иссякла, меч теперь был не более чем неживым объектом. Наксинаэль оглянулся на нее и одобрительно кивнул. Да, подумала она, осторожно вертя клинок в руке, по-прежнему ценный ресурс.

Она оглядела пришедшую в запустение набережную: рухнувшие куски зданий, разбитые плиты, пьяно торчащие под разными углами. Видно было горстку хорошо вооруженных уцелевших, которые собирали останки участников процессии. Наксинаэль разглагольствовал и с необходимостью найти подходящий паланкин, но все, что могло за него сойти,

было либо изломано, либо оплавлено и совершенно бесполезно. В отдалении все еще мерцала и бросала отблески на канал разноцветная звезда, похожая на глаз злобного бога. Пора было приниматься за работу.

--- Забудьте все это, нам надо идти, --- сказала Безиет, направляясь к ним и старательно пытаясь не хромать. Она обвиняюще ткнула пальцем в сторону измененных ворот. --- Нам ни секунды нельзя задерживаться возле этой штуки.

На лице Наксинаэля мелькнуло мимолетное раздражение, которое быстро сошло. Сгладилось.

--- Ты уверена, что можешь идти? --- заботливо спросил он. --- Я думал найти что-нибудь, чтобы нести тебя.

Маловероятно, подумала про себя Безиет. Скорее всего, Наксинаэль хотел отыскать быстрый способ увеличить свой авторитет.

--- Я могу и идти, и сражаться. Надо уходить. Сейчас же.

Безиет осознала, что не только бравада заставляет ее давить на

Наксинаэля. Она действительно чувствовала постепенно нарастающий ужас, она видела его на нервных лицах вокруг себя. В самом этом свете было нечто тревожное. Как будто он незримо излучал нечестивый жар, опаляющий и разум и душу. Это было ощущение, от которого Безиет хотелось убежать и спрятаться где-нибудь в глубоком и темном месте.

У Наксинаэля было достаточно здравого смысла, чтобы уловить преобладающие настроения, и он повел свою маленькую группу в руины, пробираясь среди расколотых камней и перекрученного металла. Фасады дворцов, глядящих пустыми глазницами окон, были лишь пародией на прежнее величие, однако большая часть нанесенного им урона была поверхностной. Декоративные колонны и балконы рухнули тысячами, но основные структуры были выстроены из более прочных материалов. Внутрь их вели темные коридоры и покосившиеся ступени, где под ногами хрустели всюду разбросанные чаши, сосуды и кристаллы.

Время от времени откуда-то из двorcовых глубин доносились вопли и завывания, которыми аккомпанировали странные заунывные мелодии, то всплывающие, то снова теряющиеся для восприятия. Выжившие крепко сжали оружие и начали двигаться с опаской.

Ближе к концу неровной колонны, рядом с Ксагором, шел настороженный Харбир. Он спрятал пятиугольный металлический талисман гелүнкула под одеждою, но тот оставался таким же холодным и безжизненным, как и тогда, когда он взял его у развалины. Когда ударило Разобщение, Харбир понадеялся, что эта вещь должна была как-то его защитить, и отчаянно стиснул ее в руке, но никакого видимого эффекта она не произвела. Вместо этого ему пришлось сражаться за собственную жизнь бок о бок с Ксагором, и только то, что им обоим пришлось пережить в Шаа-гоме, позволило им выжить в приливе этой скверны иных измерений, которая хлынула сквозь преграду. Потом появились Безует и Наксинаэль, прорубающие путь сквозь хаос,

и в тот миг присоединение к ним показалось простым и мудрым решением. Но вот когда Безиет повернулась к Харбигу и едва не зарыбила его на месте своим ненормальным мечом, он поменял свое мнение.

--- Нам надо отделиться и самим разыскать Беллатониса, --- прошептал Харбиг Ксагору.

--- Хозяин сам найдет нас, когда понадобится, --- с разгорающейся уверенностью отозвался Ксагор.

--- А до этого времени мы будем шляться по кишкам нижнего Метзуха, помогая Наксинаэлю и Безиет клепать себе армию?

--- Ксагор желает узнать альтернативы.

--- Оторваться от остальных и где-нибудь скрыться.

--- Численность --- преимущество.

Откуда-то впереди, из изломанного коридора, донесся дребезжащий, безумный хохот. Отсветы пламени, или что-то очень на них похожее, вырисовывали на стенах и потолке пляшущие тени. Когда

они подошли ближе к источнику света, стало ясно, что коридор заканчивается в большом зале. Изредка можно было мельком увидеть, как в его глубине скачут какие-то силуэты.

--- Я бы не был настолько в этом уверен, --- мрачно сказал Харбир.

Глава 5

Рассказ о началах

На сотый день после катастрофы на девственном мире Лилеатанир выжившие члены клана Светлых озер наконец подошли достаточно близко, чтобы увидеть Лил'эш Эльдан Ай'Мораи, Священную гору первых лучей зари. Их путешествие по истерзанному лику девственного мира было долгим и тяжким. Те немногие запасы еды, что уцелели во время набега, погибли в катаклизме, который случился следом, и поэтому на каждом шаге пути их преследовала нужда. Самые способные предводители и воины клана пали в великой небесной битве против темных сородичей. Храбрые воители отдали свои жизни, чтобы изгнать охотников за рабами, но этот поступок оставил их народ без вождей среди ужасного опустошения, оставленного природными бедствиями. И поэтому те путники, что

отправились на север, чтобы найти Мировой Храм, поначалу представляли собой идущую вразброд толпу, что состояла в основном из юных и старых, немощных и малодушных.

Сначала они искали совета у Саргон Тир Ланиэль. Она была высока, спину ее не согнули многие прожитые зимы, и волосы все еще хранили цвет спелого зерна. Полвека назад она была защитницей племени и миропевцей, чем заслужила большой почет клана, поэтому было естественно, что они решили сделать ее своим лидером в это тяжелое время. Единственное, что стогла придумать Саргон — это отправиться в путь к Мировому Храму и попросить там помощи. Поначалу она хотела пойти одна, но другие выжившие не желали и слышать об этом: они говорили, что призрачные тропы слишком опасны, чтобы по ним можно было ходить, и что сама земля пребывает в смятении. Огромные птерозавры отказывались летать, выючные звери быстро слабели от насыщенного неплот воздуха. Неший поход

и Мировому Храму занял бы месяцы. Полные страха экзогиты взвесили все эти возражения и многие другие, но никто не спорил, что путешествие необходимо. Вопрос стоял лишь в том, кто пойдёт. В конце концов весь клан, все, кто от него остался, просто собрали свои скудные пожитки и присоединились к Саргон, идя на север.

Великие леса Лилеатанира горели, как факелы, в его богатом кислородом воздухе. Вдали, над южным и восточным горизонтом, небо продолжало озарять злобещее свечение отдаленных пожаров. На протяжении всего похода они видели эти огни, но те регионы, через которые они проходили, были уже мертвы и остывали. Во многих местах все еще вздымались задевающие облака стволы могучих деревьев, словно города из почерневших башен, в других яростные подземные толчки с корнями выворотили сотни лесных гигантов, превратив леса в непроходимые лабиринты из обугленной древесины. На всем лежали толстые наносы серого пепла, заглушая любые звуки.

и каждый шаг поднимал в воздух
пыльные облака. Периодически
путникам приходилось огибать
трясущиеся разломы в земле или
медлительные потоки лавы, ползущие от
множества молодых вулканов,
поднимающихся по всему миру.

На одиннадцатый день они
встретили других выживших. Это были
члены болотных кланов, которые
прятались в подземных оплотах, пока
грозя земли не выгнала их на поверхность,
и мир предстал перед ними
преображенным. Дни переходили в недели,
и они находили других уцелевших, или те
находили их. Поодиночке или малыми
группами, день за днем они присоединялись
к их походу — шокированные, стямленные,
все более и более истощенные. Клан озер
принимал их всех и заботился о них, как
только мог, хотя у них осталось совсем
немного драгоценных припасов. Поэтому
неоскудевающего притока выживших
собратьев, они не встречали на своем пути
практически никаких иных живых существ
— все создания, способные передвигаться,

давно уже сбежали, а кости остальных присоединились к черным погребальным кострам выгоревших лесов.

Во время катастрофы небеса скрылись под толстым слоем злобещих туч, и температура уже начала падать. Солнце теперь было видно только на закате и рассвете, выглядело оно красным и распухшим и лишь ненадолго появлялось из-под сплошного покрывала облаков. Поначалу холод слягчался за счет неспособного уйти сквозь тучи тепла от лесных пожаров и вулканов, которое создавало пагубные, пахнущие костром ветра, но теперь огонь отступил на юг и на запад и больше не согревал путников. Через три недели после начала похода утренняя роса осела и неет, принеся долгожданное облегчение от вездесущего тепла. Примерно с сорокового дня они стали временами видеть снег. Это были настоящие кристаллы затерзшей воды, совершенно непохожие на хлопья соседствующего непа, которые стали привычной деталью их ежедневных невзгод. Через несколько ночей начали утирать

первые путешественники: пробирающаяся до
костей стужа и постоянное недоедание
взимали свою дань. Дорогу на север теперь
отмечали маленькие одинокие пирамиды
из камней, наваленных над телами тех,
кто погиб за ночь.

Некоторые забросили путешествие,
откололись и ушли искать свой
собственный путь и бороться за новую
жизнь с миром, который столь внезапно
обернулся их врагом. На стелу ил
приходили новые, и их становилось все
больше, пока наконец тоненький ручеек
жителей озер не превратился в стешанный
поток многих кланов, а затем в целое
море выживших племен Лилеатанира.
Большую часть путников, судя по всему,
вело желание держаться вместе и
убедиться, что они по-прежнему часть
чего-то большего. Все жаждали понять,
что произошло с их миром. Некоторые
хотели отыскать способ отомстить тем,
кто был в этом повинен. В определенный
момент их странствие стало больше
походить на паломничество, в котором
обычно разрозненные кланы Лилеатанира

объединились против общего врага. И вот тогда Саргон начала ощущать страх.

Саргон, разумеется, верила, что путешествие обрело более возвышенное значение для ее народа, но с течением недель она все больше и больше боялась того, что могла обнаружить в священной горе. Она по-прежнему чувствовала связь с мировым духом, витающую где-то на краю ее сознания. Присутствие, которое она ощущала с самого детства, но не такое, каким она его помнила. Совокупная сущность мирового духа имела множество различных аспектов; он мог быть извивым, заботливым, охраняющим, мудрым, но в любом случае его присутствие было благим и служило для всех постоянным источником радости и уверенности. Теперь все изменилось. На задворках ее разума бурлила и извивалась змеей примитивная ярость — свирепая, негативная, разрушительная, внушающая ужас. Все экзодиты чувствовали эту перемену, но никто не отваживался заговорить о ней. Все они лишь смотрели на Саргон утешающими глазами, как

бүгто она каким-то чудесным образом
могла излечить неизлечимое и вернуть
мир на прежний путь.

Время на ее душе становилось
тяжелее с каждым шагом к цели. Когда на
горизонте показалась священная гора,
многие пилигримы начали петь и
танцевать, с нетерпением ожидая конца
путешествия. Саргон не радовалась
вместе с ними, ибо ей казалось, что это
странствие было только началом.

Лил'эш Эльган Ай'Мораи был
воистину титаническим ником. Его
плоская верхушка обычно была окутана
слоем облаков, из которого по склонам
стекали опоясанные радугами водопады и
искрящиеся ручьи. Теперь гора выглядела
такой же холодной и мерзлой, как и
мертвые леса у подножья, и похожие на
плесень снежные наносы уродовали ее
неровный каменный лик, словно проказа.
Грость земли оставила в горе множество
черных рваных провалов. Из них
поднимались испарения, как будто внутри
гнездилась целая стая граков. Мировой
Храм находился в самых корнях горы.

надежно защищенный сотнями метров твердой породы. Он не имел никакой физической связи с окружающим миром, поэтому до него можно было добраться лишь по самым тайным из призрачных троп. Раньше Саргон отваживалась надеяться, что Мировой Храм по-прежнему недостижим, но, глядя на изломанную гору, она с гнетущим чувством неизбежности поняла, что сквозь один из этих провалов можно будет пробраться внутрь.

В конце концов Саргон покинула своих товарищей и из последних сил двинулась в путь. Они слезно распрощались с ней, но никто не попытался пойти следом. Экзодиты понимали, что встретиться с духом-драконом можно лишь в одиночку, и решили ждать у подножия священной горы, пока она не вернется или пока холод и голод не заберут их всех. Саргон неуверенно карабкалась по склону, чувствуя на себе неизмеримую тяжесть ответственности за свой народ. Она медленно продвигалась к наиболее низко расположенному отверстию, которое увидела снизу, ползла

среди скал, подтягивалась на выступы и перепрыгивала трещины. Под руками и ногами постоянно ощущалась дрожь горы, временами сверху сыпались щебень и камни и с треском и стуком катились мимо в опасной близости от ее головы.

Много раз провал терялся из виду, но струи пара, поднимающиеся оттуда, неизменно направляли Саргон в нужную сторону. Когда она подобралась ближе, то начала понимать, насколько огромным был этот разлом на самом деле. С расстояния в несколько миль он казался тонкой черной трещинкой, вблизи же становился огромной зияющей пещерой высотой больше, чем карнозавр, и достаточно широкой, чтобы весь клан мог войти внутрь, выстроившись плечо к плечу. Саргон проползла через последнюю грядку упавших камней, достигла выступа, торчащего перед входом, и неуверенно встопорелась внутрь.

В лицо ей ударил горячий, пахнущий серой ветер — сильный и непрерывный поток воздуха, поднимающегося снизу. Из глубин доносилась устрашающая мешанина

шумов: отдаленное гроыхание и какие-то
шипящие звуки. Саргон преисполнилась
храбрости, насколько это было возможно, и
начала спускаться.

Простыми словами и, как ему самому
показалось, с похвальной лаконичностью
Нестрый объяснил, в чем была причина
Разобщения, терзающего Котморру, и
роль, которую Морр в ней сыграл. Инкүб
молча принял новую информацию, а затем
продолжил свой путь, как будто Нестрого
не существовало. На самом деле, эта
реакция была лучше, чем тот надеялся.

Молчание Морра растянулось,
казалось, на целые эпохи, пока они брели по
Паутине. Нестрый болтал, делился
наблюдениями и даже временами пел,
чтобы заполнить пустоту, но так ничего
и не смог вытянуть из грохочущего инкүба,
за которым следовал. Отсутствие прямой
агрессии со стороны Морра он
воспринимал как положительный знак и
просто улыбался этому. В конце концов,
инкүб задал ему прямой вопрос, и то, что
ему не понравился ответ, не было

проблемой арлекина. Гладкие стены Паутины проплывали мимо, путники выбирали все более и более тонкие нити, и инкуб с уверенностью шагал в каждый новый поворот. Изгибающиеся эфирные стены стали более тонкими и разреженными: они продвигались в регионы, где целостность путей нарушалась и становилась прерывистой. Тогда инкуб остановился, повернулся к Пестрому и наконец заговорил снова.

— Я поразмыслил над твоими словами, — медленно произнес он, — и нашел... вероятным... что ты можешь быть прав.

Пестрый улыбнулся с неподдельной теплотой.

— Тогда это еще можно исправить! Уги со мной, и, хотя я не могу гарантировать, что все будет забыто и прощено, ты наверняка сможешь спасти Колморру.

— Я не могу, — ответил Морр.

Улыбка Пестрого исчезла так же быстро, как солнце скрывается за тучами. Он тяжело вздохнул.

--- Ты все еще считаешь, что обязан
дойти до храма Архры и покаяться за
убийство своего архонта. Это, конечно же,
важнее, чем даже мысль о том, чтобы
заняться явно менее срочным делом по
спасению собственного города от
неизбежного разрушения. Довольно-таки
предсказуемо, на мой взгляд.

Морр угрюмо кивнул.

--- И ты по-прежнему считаешь, что
должен предстать на суд этих твоих
иерархов, несмотря на то, что знаешь,
что они скорее всего убьют тебя за
содеянное.

Морр снова кивнул. Пестрый закатил
глаза.

--- Я не предполагаю, --- сказал он с
некоторой долей отчаянья, --- что ты по...

--- Я бы хотел, чтобы ты отправился
вместе со мной в храм, --- перебил Морр.

От удивления Пестрый захлопнул
рот, но только на мгновение.

--- Что ж, я польщен. Надеюсь, не в
качестве жертвы или, может быть, козла
отпущения?

Дерзкое замечание, похоже, не

возытелю никакого эффекта на огромного
воина.

--- Теперь я вижу, что, если иерархи не
сочтут нужным прервать мое
существование, ты можешь мне
понадобиться, --- невозмутимо продолжал
Морр, --- и что будет полезно держать
тебя рядом.

--- А что если иерархи сочтут
нужным попытаться прервать мое
существование на основании --- о, не знаю ---
какого-нибудь малозвестного
принципального правила?

--- О вероятности подобного я ничего
не могу сказать.

--- Хм-м-ф, ну что ж, независимо от
своих шансов я буду очень рад
сопровождать тебя на этот танец, Морр,
--- просветлел Пестрый. --- Я счастлив, что
ты становишься столь добрыми друзьями,
товарищами, и, если можно так сказать,
наследниками великого будущего,
сражающимися против превратностей
судьбы.

--- Не принимай выгодный союз за
дружбу, маленький клоун.

--- Хорошо, хорошо, не беспокойся, не буду, --- несколько ворчливо отмахнулся Пестрый. --- Я хотел лишь возвысить наше уникальное содружество, как оно того заслуживает, и знал, что на тебя можно положиться: ты всегда готов снова обрушить наши совместные надежды в никуда.

--- Прекрасно. Тогда иди за мной и не сходи с того пути, по которому я ступаю.

--- Вот уж мне-то об этом можно было и не напоминать, --- фыркнул Пестрый и последовал за инкубом по пятам.

Перед ним простиралось расширение Паутины, ступенчатое переплетение скрещающихся нитей, часть которых волновалась на эфирном ветру, а часть была растрепана, и сквозь них временами просачивались радужные лучи. В целом это место походило на огромную пещеру, затянутую фосфоресцирующими паучьи сетями, которые развевались от призрачных дувовений. Морр направился к подернутому рябью цветному контуру, который переливался то охрой, то

янтаре́м, то нефритом. Сломанный портал, превратившийся в слабое место нескольких измерений, который все еще связывал множество иных реальностей и путей, но действовал неопределенным и изменчивым образом.

— Он ведет к храму? — спросил Пестрый, поддавшись природному любопытству. — Нам надо быть уверенными, куда мы хотим направиться, прежде чем пройти — иначе мы, знаешь ли, можем оказаться где угодно.

На близком расстоянии в разноцветной пелене стало видно тонкие зеленые и синие нити, которые гипнотически извивались в ее толще, говоря о том, что Разобщение в далекой Комморе слабо отдавалось даже здесь.

— Нет, я должен вернуться по своим шагам, чтобы войти в храм. Нам надо отправиться назад, к началу.

Морр стремительно вошел в многоцветную пелену, словно титан, шагающий по океану. Пестрый юркнул следом за инкубом, и выходящие энергии поднялись и окутали их обоих. На них

нахлынули мощные противоборствующие течения, разделяющиеся реальностями, рассыпали их на мельчайшие частицы, закрутили в вихре и снова соединили. Их омыли бесконечные потоки чуждых концепций и странных стимулов, исчезающих в тот же миг, как их воспринимал разум. Но

целеустремленность Морра продолжала вести его вперед, сквозь ужасное разрушение, раздирающие, терзающие душу силы, а Пестрый жался позади него, как будто двигаясь в кильватере корабля. Уверенность инкуба была ошеломительна, она искажала и изгибала неустойчивые реальности, покоряя их его воле. Наконец они на мгновение очутились в невесомости, портал неохотно поддался и исторг их из себя... где-то в другом месте.

Они стояли среди простора, усыпанного белым песком, который ярко сверкал, подобно свежавывавшему снегу. Стояла ночь, но темноту изгоняли непрекращающиеся вспышки от горизонта до горизонта. Резкий барабанный бой взрывов сливался в непрекращающийся

гром, который раскатывался по всему небу. Где-то на расстоянии виднелись громадные зловещие силуэты размером с горы, которые, казалось, прыгали и менялись в неверном свете.

— Что это за место? — тихо и благоговейно спросил Пестрый.

— Место, которое больше не существует, земля привидений, — загадочно прогормел Морр и устремился куда-то по белым пескам. Ветер придал песку форму идеально повторяющих друг друга волн, пересекающих его путь. Морр поднимался на гребни барханов и соскальзывал по их противоположным склонам, не теряя скорости. Агские отблески взрывов и эхо грома не утихали.

— Могу я хотя бы поинтересоваться, кто сражается — или, точнее, сражался? — спросил Пестрый, когда они добрались до третьего такого гребня. Он легко взбежал по ним, не оставляя следов. — Если хочешь, считай меня фанатом истории.

— Народ, который должен бы быть осмотрительнее, сражается сам с собой, — нараспев произнес Морр. — Их мелочная

ссора уже полностью разрешилась.

Нестрый уловил в словах Морра немалое удовлетворение и оглядел озааренный горизонт.

--- Почему мне кажется, что это было для них не самый лучший исход? --- подумал он вслух. Морр ничего не ответил. Он был занят тем, что пристально разглядывал скачущие тени вдалеке. Наконец инкуб ткнул пальцем куда-то во тьму.

--- Вот и я, --- сказал Морр. --- Следуй за мной, но не подходи слишком близко и ничего не говори.

Нестрый послушно встретился за темным силуэтом инкуба. Его шлем и плечи ясно вырисовывались в отраженном свете далекого обстрела, но все остальное выглядело лишь как еще более черное пятно посреди черноты. Когда волнообразные барханы остались позади, стало видно, что эти массивные, похожие на горы очертания впереди принадлежат титаническим наростам мозгового коралла. Из песка рядом с ними торчали ряд окаменевших ребер, нерукотворное надгробие какого-то зверя невероятной

величины. В тенях, отбрасываемых ребрами, двизались два силуэта. Морр натеренно заметлил шаг, чтобы эти двое могли уйти достаточно далеко вперед, прежде чем последовать за ними.

Описать зрение Пестрого как кошачье или ястребиное значило бы сослужить плохую службу всем благородным зверям, вовлеченным в это сравнение. Достаточно будет сказать, что его зрение было ясным, острым и проникало в те глины волн, которые обычно остаются неизвестны и для млекопитающих, и для пернатых. Он внимательно всмотрелся в силуэты впереди и разглядел, что один из них, тот, что был ближе к осторожно ступающему Морру — это молодой, худой и долговязый эльдар, забрызганный кровью. Юноша был явно изможден и почти наг, если не считать тряпья, одна рука неуклюже висела, как будто раненная. В другой руке он сжимал изогнутую дубинку, чей шарообразный набалдашник был покрыт коркой запекшейся крови.

Юноша крался за второй фигурой.

которую едва можно было четко разглядеть; это был воин в черных как ночь доспехах, чей усыпанный множеством лезвий шлем поднимался на высоту, превышающую даже немалый рост Морра. Фигура казалась неземной, чуждой даже для этого странного места. Она один раз оглянулась назад — Пестрый успел заметить горящие глаза — прежде чем неторопливо продолжить путь в направлении коралловых утесов. Юношу как будто тянуло к бронированному воину, и он беззвучно и решительно шел за ним, невзирая на страх.

Пестрый перевел взгляд с нескладного толстого эльгара на Морра и обратно, внезапно осознав. Он сказал: «Вот и я». Здесь, в нарушенной части Паутины, куда просачивались бесконечные вероятности Хаоса, по-прежнему обитала старая сущность инкуба. Первые шаги Морра к инициации застыли во времени и продолжали существовать, как осколки воспоминаний, и их можно было восстановить, чтобы заново найти тот же самый путь — путь к потаенному

святилищу Архры.

Нестрый подумал, не было ли то существо, которое вело за собой юного Морра, воплощением самого Архры. Об отце инкубов ходило множество легенд. Большая их часть была лжива или противоречила друг другу, но все они сходились в одном: сам Архра был уничтожен много лет назад, и единственным его наследием был основанный им орден инкубов. Вероятнее всего, они просто видели то, что увидели юноша, или же думал, что увидел отраженное и воспроизведенное в этой истерзанной взрывах ночи.

По мере приближения над ними начали подниматься хмурые утесы кораллов. У подножий этих складчатых, изгибающихся бледных скал лежали останки огромного корабля. Тупые ребра из ржавого железа торчали сквозь дырявую шкуру из разлагающихся пластин брони, сломанный хребет растянулся на целый километр. Из гигантских турелей на верхней стороне корабля торчали застывшие пальцы пушек, слепо тыча в

небеса. Когда телная фигура и следующий за ней подросток исчезли за расколотым носом, Морр снова ускорил шаг, чтобы не потерять их из виду.

Нестрому попалось на глаза все больше и больше мусора, лежащего в песке на дне коралловых каньонов: металлические детали, изломанные и проржавевшие до полной неузнаваемости, наполовину засыпанные останки множества других машин, разнящихся по типу и величине от летучих механизмов с тонкими крыльями до меньших собратьев того корабля-великана, к которому они приближались. И кости. Всюду лежали кости и зубы, местами так плотно, что они полностью скрывали из виду песок. Кости тысяч, а возможно, и миллионов скелетов, простирались так далеко, сколько хватало глаз.

Они обогнули нос упавшего корабля, и впереди Нестрый увидел высокий нанос песка, образовавший седловину между двумя утесами. Небо за ним было ярко освещено адским пламенем бомбардировки. Длинные, причудливые тени скакали за

фигурою в доспехах и юнцом, которые поднимались по песку, не обращая внимания на опасность. Морр зашагал вперед, сконцентрировавшись на далеких силуэтах, которые уже достигли верха седловины и перевалили через нее, исчезнув из виду.

Крутой склон трясся от ярости обстрела. Морр с трудом продвигался сквозь песок, который постоянно обрушивался небольшими лавинами. От бомбардировки в воздухе висел отвратительный запах горелого. Временами он становился сильнее от бьющих в лицо порывов жаркого ветра, порожденных накладывающимися друг на друга ударными волнами ближайших взрывов.

Морр и Пестрый достигли гребня одновременно и остановились. Перед ними простиралось видение из преисподней: усеянная оспинами кратеров равнина, освещенная потоками пламени и световыми следами от гудящих снарядов. Внизу не было видно ни одного живого существа, лишь текущие огни казались

живыми и триумфально, со стихийной яростью проносились по оплавленным пескам. Единственный язык пламени нефритового цвета ярко и ровно горел на самом горизонте, словно сияющий зеленою наконечник копья, вонзенный в землю.

Шлем Морра закрутился направо и налево, быстро выискивая его прежние «я», но он не смог разглядеть даже следов будущего неофита и его загадочного покровителя.

--- Нет! Это неправильно! --- неверяще взревел Морр поверх какофонии взрывов.

--- Что? Где мы должны быть? --- прокричал Пестрый.

Морр указал на ровное зеленое пламя, висящее у горизонта.

--- Врата, --- мрачно сказал инквѳ.

Глава 6

Новоприбывшие

Несмотря на то, что Мировой Храм Лилеатанира находился под землей, он всегда был приятным, естественным местом. Саргон помнила огромные пилоны из живого камня, высокие столбы, благодаря которым пещеры казались открытыми, как будто ты забрел в узкую долину под звездным небом. Мерцающие водопады пробивались сквозь трещины в камне и наполняли глубокие пруды, столь кристально чистые, что с первого взгляда можно было подумать, что они пусты. Звезды в верхних пределах храма были созданы при помощи забытого искусства и проливали свет, которого хватало, чтобы здесь, вдали от неба и солнца, могли жить растения. Весь храм покрывала живая зелень, от простых папоротников и мхов до маленьких деревьев элох и вьющихся лоз. Минеральные жилы и выросты кристаллов сверкали среди прудов и

готов, придавая храму ауру
потустороннего царства фей, как будто
здесь, скромно прячась от чужих глаз,
развились волшебные создания.

Теперь святилище изменилось, и
немного в нем осталось прежним — если
вообще осталось. Саргон пришлось
протискиваться сквозь узкую расщелину,
чтобы пробраться внутрь, хотя она
ожидала увидеть широкий и
гостеприимный путь. Вместо этого
зубчатые края вулканической породы
немилосердно кромсали ее руки и колени.
В конце концов она была вынуждена
ползти на животе, словно змея, а потом
выпала из трещины внутрь
храма и униженно повалилась на пол.
Ее окружали шипящие и булькающие звуки,
усиленные замкнутым пространством.
Менее чем в двух метрах от ее
простертой руки кипела грязевая яма,
плюясь котьями едкой жижи, и за пеленой
дыма и испарений скрывалась еще дюжина
подобных ям. Пол покосился и
растрескался. Широкие разломы,
освещенные внутренним пламенем,

испускали потоки жаркого воздуха, словно
адские печи. В некоторых местах потолок
обрушился, образовав беспорядочные груды
плит, и горстка упавших звезд по-
прежнему сверкала из своих углублений,
будто злые глаза.

Мировой Храм представлял собой
символическое и метафизическое место
слияния психических течений, чья сеть
опутывала всю планету. Нарушение его
материального строения было симптомом
куда большего внутреннего повреждения.
Психическая аура этого места наполнилась
тошнотворными тизмами бессильного
гнева, в ней вихрилась ненависть,
настолько сильная, что она обратилась
вовнутрь и отравила свой источник.
Саргон плакала, чувствуя ее так близко
от себя, и мировой дух разъяренным
чудовищем бился о стены ее сознания,
угрожая затянуть ее в свой водоворот
ярости и горечи утраты.

Все живые существа Лилеатанира
были соединены с мировым духом, и,
утирая, они соединялись с ним и усиливали
его. Казалось, что все те, кто массово

погиб в катаклизме, напитали только
огонь, самый опасный аспект духа ---
дракона. Дракон был разрушителем, силой,
которая очищала пространство, чтобы на
нем могло вырасти нечто новое. Он был
лесным пожаром и мощной бурей, его гнев
поднимал горы и испивал моря. Саргон
почитала дракона и признавала, что
такие силы должны существовать, но не
питала к нему любви. Теперь же дракон
вырвался на свободу и в своей ярости
пожирал весь Лилеатанир.

По ощущениям Саргон, прошло немало
времени, пока она рыдала в полутьме.
Наконец она с трудом поднялась на ноги,
кашляя от жгучих испарений. Она не
знала, что делать дальше. Увидев храм,
она подтвердила свои худшие опасения, но
ничем не могла разрешить их. Она могла
вернуться к беженцам, ждущим снаружи, и
увидеть, как надежда исчезает с их лиц,
когда она скажет им, что ничего нельзя
сделать. Она могла оставаться внутри и
плакать, пока ее не задушит дым, или же
она могла попытаться разведать, что
творится дальше, как бы тщетно это не

было. И, будучи столь же стойкой, как и
весь ее народ, она решила продолжить
исследование храма.

Местами камень был отполирован и
покрыт сложными резными рунами,
которые пульсировали собственным
колдовским светом. Их не загели
конвульсии земли, и связи с другими
мистическими местами планеты
остались в целости. Саргон не
отваживалась протянуть руку и
использовать руны, чтобы напрямую
соприкоснуться с мировым духом. Она
попыталась спеть утешающую песнь, как
ее учили в те дни, когда она была
тироневицей, но у нее ничего не вышло,
кроме пустого, безжизненного подобия, как
будто вырвавшегося изо рта визгливой
старухи. После этого она ощутила ясное
чувство неприязни, разрастающееся вокруг
нее, и стены неодобрительно содрогнулись.
Она решила, что больше не будет и
пытаться.

Спотыкаясь о покосившиеся камни,
она набрела на скелет, застрявший между
двумя плитами. Судя по агрессивному,

лужскому виду одеяния, тело принадлежало одному из хранителей храма. Его раздавило камнями, но это случилось уже после смерти. Его убил не обвал и не кипящая грязь. Прямые линии, оставленные ножом, покрывали кости практически с ног до головы, но ни один порез не был достаточно глубок, чтобы быть смертельным. Столь вопиющая жестокость могла означать только одно: темные сородичи проникли в Мировой Храм. Мысли Саргон взметнулись вихрем, когда она подумала об этом, и она немедленно ощутила прилив болезненного облегчения. «Это сделал кто-то другой, не мы».

Не могло быть просто совпадением, что налет охотников за рабами и последующий катаклизм произошли почти одновременно. Но даже в худших своих страхах Саргон не способна была представить, что гети Кхейна могли на самом деле ворваться в Мировой Храм. Теперь все становилось ясно. Ярость дракона была высвобождена не кланатами, как она боялась, но коварным вторжением

темных сородичей в самое сердце мира. Саргон не могла понять, зачем ил нужно было осквернять Мировой Храм, но она не понимала и причин всех тех кошмарных деяний, которые ил приписывали. Зло, чистое и искреннее зло, казалось их единственной мотивацией.

Саргон сплюнула, пытаясь избавиться от мерзкого привкуса смерти во рту, но она упорно не желала уходить, мешая ей думать. В нижних пещерах храма таились врата, ведущие на тропы духов... и секрет, который многие уже давно забыли. Она начала пробираться вниз, так далеко, как только можно было пройти, и попыталась восстановить пред внутренним взором карту святилища, сравнивая то, каким оно стало сейчас, с тем, каким оно было пятьдесят лет назад. В конце концов она нашла покатый спуск, который лишь наполовину был засыпан обломками, и пошла по нему. В самом низу он заканчивался сводчатым залом, который был весь покрыт трещинами и испачкан высыхающей грязью, но в остальном уцелел, что само по себе было чудом.

В каменных стенах зала было проделано семь арок, дверных проемов, за которыми виднелись лишь глухие стены. Руны, вырезанные по их краям, казались тусклыми и безжизненными, но Саргон чувствовала их латентные энергии, текущие под самой поверхностью. Она приблизилась к центральной арке, которая была ненамного больше остальных. Кроме того, переплетающиеся руны этой арки были более сложными и выглядели старше, чем их собратья у других дверей. Саргон попыталась припомнить, чему учил ее наставник пять десятилетий тому назад.

«Во времена крайней нужды к этому месту можно привлечь внимание далеких скитальцев. Они горды и резки в своих суждениях, но обладают великой силой. Говорят, что они помогают, если сознают необходимость в этом».

Вот они, слова, но где же инструкции? Нужно было прикоснуться к рунам в правильной последовательности, чтобы послать зов, но Саргон не помнила, как это делать. Она отвернулась и попыталась сфокусироваться на

воспоминании, закрыв глаза и очистив разум для быстрой медитации. Глаза распахнулись через секунду — неумолчный пульс драконьей ярости слишком сильно бился в ее сознании, чтобы сконцентрироваться. Память продолжала прокручивать слова учителя, которые она тогда сочла чрезмерно трюшным предостережением.

«Лилеатанир уже сто веков не призывал на помощь далеких скитальцев — скажи спасибо, что это так, и никогда не призывай их все. За их спинами всегда хлопают крылья войны».

Саргон вдруг замерла, осознав, что видит свою собственную тень. Она тянулась по покрытому слякотью полу до самого склона, по которому она спустилась, и свет за спиной становился все сильнее. Саргон, потемлев, повернулась, чтобы увидеть его источник, прикрыв одной рукой глаза — настолько он был ярким. Центральную арку наполняло серебряное свечение, окаймляющие ее руны сверкали внутренним огнем. Внутри виднелась очерченная светом фигура

неестественного высокого роста, казавшаяся непропорциональной. На голубовицеобразной голове поднимались разветвленные рога, руки сжимали клинок глубиной почти с саму фигуру, который потрескивал от неземных энергий. Колени Саргон предательски загрожали, и она едва подавила крик. Незнакомец взметнул на нее взор горящих янтарных глаз и приблизился, подняв одну раскрытую ладонь. Из арки позади него вышли другие фигуры, худые, с прямыми тонкими руками и ногами и даже более высокие, чем появившийся первый.

«Мир».

Слово отдалось в сознании Саргон, как удар колокола. Она почувствовала, что ее страхи начинают отступать перед этим ментальным прикосновением, но все равно страхнула его. Дракон здесь был слишком силен, чтобы устричь его таким простым трюком. Он вскинул яростью в углу ее сознания, превратив ее мгновенный испуг в гнев.

--- Говори открыто, чужак, --- ошестинилась Саргон, --- и назови себя, пока

я не позволяла хранителей храма, чтобы они изгнали тебя.

Фигура остановилась, опустила руки и быстро изобразила поклон, в котором, похоже, не было притворства.

— Прости меня, — сказал незнакомец густым, медоточивым голосом приятного тембра. — Я желаю лишь поддержать, а не оскорбить.

Свет угас, и арка вернулась в прежнее состояние непримечательной каменной структуры. Теперь вместе с Саргон в сводчатой комнате стояло шесть других фигур. Она видела, что тот, кто появился первым и заговорил с ней, был закутан в золотисто-коричневую мантию, достигающую лодыжек, а голова его скрывалась под шлемом с янтарными глазами линзами, украшенными толстыми рогами цвета кости. На его одеждах были начертаны аскетические боевые руны, дарующие удачу и защиту, грудь скрывал узорчатый нагрудник, сплетенный из прозрачной кости. Длинный прямой меч, который он держал в руке, также был исписан рунами.

символизирующими разрушение и путь колдовства. Это мог быть лишь чародей из рода далеких скитальцев, боевой проводец кланов, обитающих на искусственных мирах, и Лилеатанир не видел ему подобных уже много сотен лет.

Остальные пятеро сохраняли молчание и, судя по поведению, были бдительны и настороже. На каждом из них были доспехи оттенка сапфира, слегка отличающиеся по внешнему виду, но все с идеальными пропорциями, напоминающие ожившие статуи героев. Их шлемы, полностью закрывающие лица, были увенчаны высокими гребнями, раскрашенными в перемежающиеся полосы синего, белого и желтого цветов. Воины были вооружены древним глинооствольным оружием, которое Саргон знала по именам «түэлеани» — метатели звезд, способные, по рассказам, с одинаковой легкостью рассечь стаю атакующих карнозавров или ствол лесного гиганта.

Чародей опустил руку в сумку, висящую на боку, и вынул оттуда миниатюрную резную руну. Он выпустил ее

в воздух, и она зависла между ним и Саргон, медленно вращаясь. Руна плетения.

--- Меня зовут Караэис. Я ступаю Путем Провидца. Я пришел на твой зов, ---
нараспев проговорил чародей. --- Этот путь был предопределен.

Караэис снова запустил руку в сумку и достал другую руну. Он поместил ее во взаимодействие с руной плетения, и та закружилась вокруг первой по хаотичной орбите. Это была изломанная, похожая на кривой клинок руна темной родни. Потом появился мировой дух, за ним --- несчастливый образ пожирателя души. Последним явилось Разобщение. Кружащиеся и вращающиеся руны образовали в воздухе узор, который причинял боль глазам Саргон. Она подняла руки и отвела взгляд в сторону.

--- Достаточно фокусов, --- сказала она. --- Ты знаешь о нашей боли, ты знаешь о боли нашего мирового духа. Я верю тебе. Ты можешь нам помочь.

--- Боль Лилеатанира отдается далеко и широко, --- ответил чародей. ---

Его нужно исцелить, прежде чем случится еще большее разрушение.

— Как все это можно исцелить? — недоверчиво прошептала Саргон. — Само ядро мира осквернено, и духи жаждут лишь кровопролития и мести.

— Именно, — сказал Караэис. Он уронил еще одну руну в круговорот, и та немедленно привела диссонирующие узоры к равновесию. Руна возмездия. — Я испытал тысячу других вариантов, — добавил чародей, — и каждый раз с одним и тем же результатом. Это единственный путь вперед.

— Возмездие? — с горечью воскликнула Саргон. — Как мы можем отомстить тем, до кого не можем добраться? Нас осталось так мало, мы не можем даже и думать о том, чтобы сражаться!

— Я прошу лишь, чтобы вы разрешили нам быть вашим оружием мести. Позвольте мне и моим компаньонам предать правосудию тех, кто совершил это отвратительное злодеяние.

Саргон заторгала, не в силах

поверить.

--- Вы... вы можете это сделать? --- с запинкой выговорила она, на миг отважившись дать себе надежду. --- Найти их и наказать?

Чародей в розатом шлеме торжественно кивнул.

--- В моей власти отследить судьбы темных сородичей, которые явились сюда и осквернили храм. Узор изменчив и рассеян, но еще будут ключевые моменты, в которые можно будет применить воздействие. Дашь ли ты позволение на то, чтобы это свершилось?

Наказание, возмездие. Эти слова казались Саргон отталкивающими, но то, что она увидела в Мировом Храме, потрясло ее веру до самого основания. Если чародей прав, и если именно с этого можно начать процесс исцеления, то кто она такая, чтобы отказывать дракону в его доле? Какая-то часть ее хотела посоветоваться с племенами, узнать, чего желают они, другая часть же твердо знала, каковы окажутся их желания. Суровая жизнь экзодитских кланов

сформировала бескомпромиссное понимание справедливости: око за око, кровь за кровь. После всего, что они пережили, нелегко будет сдержать их самые фундаментальные инстинкты.

Саргон даже не была уверена, что сможет найти путь и спуститься с горы, будучи настолько ослабевшей. Будет ли чародей сидеть и ждать, пока след становится все холоднее, а она пытается разобраться с кланами? Скорее всего, нет. Он терпеливо наблюдал, возвышаясь над ней, и между ними кружился узор из рун, пока скитальцы ждали ответа.

--- Хорошо. Приведи их ко мне. Этого я прошу, Караэис.

--- Ты хочешь сама свершить правосудие?

--- Я хочу посмотреть им в глаза, прежде чем отдам их дракону, -- сказала Саргон голосом, не допускающим возражения.

Мигающий свет и близость горизонта не давали четко определить, насколько далеко на самом деле находятся

эти врата по ту сторону разоренной равнины. Может быть, до них было всего несколько тысяч метров, может быть, в два раза больше.

— Попытаются ли они попасть в нас, или же все в руках госпожи удачи? — требовательно спросил Пестрый.

Морр резко повернулся, что свидетельствовало об удивлении, и посмотрел на своего маленького спутника.

— Не знаю, — признался он, — но эти орудия грубы и крайне неточны, ибо полагаются на большую площадь и силу поражения.

— А они реальны? Реальны здесь и сейчас, я имею в виду! — возопил Пестрый.

— Весьма реальны.

— Ну хорошо, тогда я попробую отвести их огонь на себя, пока ты пробираться к вратам, — прокричал Пестрый поверх грохота снарядов. — Не Уходи. Без. Меня.

С этим финальным напутствием Карлекин быстро сбежал по склону на равнину. На бегу его стройный серый силуэт рассыпался облаком ярко

окрашенных осколков, которые хаотично
кружились и метались туда-сюда. Новый
многоцветный, калейдоскопический сполох
появился среди мрачных оранжевых и
красных собратьев и заплясал между ними.

Трассирующий огонь первым
отреагировал на дерзкое вторжение.
Светящиеся линии начали хлестать
вокруг, преследуя танцующее облако
световых пятен, которое тчалося прочь по
равнине. Через несколько мгновений вокруг
него стали вспыхивать взрывы, заглушая
друг друга своим ревом и грохотом в
тщетных попытках уничтожить
пришельца.

Морр ринулся к воротам по песку,
который все еще был жарким от
бомбардировки. Всюду лежали темные
мятые обломки гытящегося металла —
шипанель, если именовать их правильным
архаичным названием. Кое-где валялись и
куски того, что некогда было живыми
существовали, ошметки мяса и костей, по
которым едва возможно было сказать,
были ли они раньше частями чего-то
целого. Почерневшие ямы отмечали

места, где рухнули большие снаряды, и контрастировали почти котишно темные выжженные пятна от меньших бомб. Не все летящие на равнину снаряды преследовали безумно летящегося арлекина: самые тяжелые продолжали рушиться как будто случайным образом, и каждый из них, врезаясь в землю, сотрясал все вокруг и поднимал огромный пылевой гриб. Морр низко пригнулся и продолжал упорно двигаться к своей цели, вскоре полностью скрывшись за дрейфующими в воздухе облаками пыли.

Земля дрожала под стремительными стопами Пестрого. Воздух наполнился шумом, визгом и треском обломков металла. Он пристально вслушивался в шум, улавливая характерные свистящие звуки, с которыми приближающиеся снаряды рассекали воздух, и пронзительный вой шрапнели, разлетающейся при каждом взрыве. Он метался туда и сюда, чтобы не попасть под огонь незримых врагов, и танцевал среди некла с казавшимся безрассудным самозабвением. Домино-поле размышляло облик арлекина, и в него

невозможно было точно прицелиться. К несчастью, большей части примитивного вооружения, использовавшегося здесь, и не нужно было точно прицеливаться --- фактически, ему достаточно было огнораз удачно попасть. Однако медлительные в сравнении с ним тучи трассирующих снарядов были бы весьма опасны, если бы не поле, и даже с его помощью Пестрый был вынужден то отскакивать в сторону, то перепрыгивать через ищущие его потоки пуль. Так случилось не менее дюжины раз.

Но даже сверхъестественное проворство Пестрого имело свои границы. Ему пришлось сделать петлю и отступить, когда огонь стал слишком интенсивным, чтобы бежать вперед. К несчастью, это поместило его в не менее опасную ситуацию --- убегая, он едва не попал под шальную очередь. Вереница взрывов в десятке метров от него сбила Пестрого с ног. Шрапнель загудела вокруг, словно рой рассерженных пчел, и ужалила его в грудь и плечи. Он инстинктивно перекувырнулся, почувствовав удар, вскочил на ноги и тут же помчался прочь.

Через несколько шагов он покачнулся, все еще ошеломленный взрывами, и едва не упал.

— Сейчас не время отдыхать, — старина, — пьяно пробормотал он самому себе и прыснул со стеху, пытаясь заново овладеть своими вихляющими ногами. Наконец они подчинились и понесли его дальше. Холодная ноющая боль начала распространяться по груди — явно недобрый знак. Пестрый решил, что ему надоело играть роль тишени, аудитория, похоже, все равно не оценила, и Морр уже наверняка приближается к воротам. Он отключил домино-поле и стал невидимым серым пятном, мелькающим среди огней, которое мчалось прямым курсом к воротам.

Морр появился из-за колышущегося занавеса пыли и вышел на участок истерзанной земли вокруг врат. Они, казалось, нависали над ним, еще когда он был за сто метров от них — угловатая стена нефрита высотой с шестиэтажное здание, которая светилась собственным внутренним светом. Теперь, когда

болбардировка сфокусировалась в другом месте, преследуя отвлекающего огонь арлекина, врата выглядели практически тиранно. Морр вскинул голову, заслышав звук винтовочного огня, затрещавший неподалеку. Он был не единственный, кто воспользовался отвлечением.

Залпы бессильно ярились позади Пестрого, слепо обрушиваясь туда, где он уже был, вместо того места, где он был сейчас, или — еще лучше — того, где он только собирался быть. Однако некоторые стрелки с трассирующими пулями продолжали приближаться, выпуская очереди в его летящий серый силуэт, и это становилось неудобным. Пестрый ускорил темп, теперь каждый шаг-скачок уносил его на пять и более метров за раз. Впереди и чуть в стороне, почти на уровне земли, он увидел мерцание крошечных искр. Две группы стреляли друг в друга, одновременно пытаясь прокрасться к вратам. За ними виднелась маленькая фигура Морра, стоявшая у самого портала.

Пестрый на миг задумался о

моральном значении этой ситуации, а потом реактивировал домино-поле. На бегу он вновь взорвался ярким светом, рассыпался на осколки, словно витражное окно, и протчался буквально над головами стрелков. Они начали беспорядочно стрелять в вихрящееся облако светлячков, нули свистели тимо арлекина, но он преодолел их ряды, не получив и царапины. Вокруг хлестал трассирующий огонь, преследуя его — невидимые стрелки снова обнаружили цель. Через секунду послышался свистящий вой первого приближающегося снаряда.

Впереди Пестрый увидел, как Морр повернулся и явно намеренно вошел во врата без него. Арлекин изверг обильный жгучий поток проклятий и метнулся следом за коварным инкубом. Отвесная стена из сияющего нефрита взмыла перед ним, и позади с новой силой раздался многоголосый вой бомбардировки.

Глава 7

Интермедия в глубине

Гемүнкүлы вечного города --- последние судьи над жизнью и смертью, мрачные хранители врат, ведущих в великое неведомое. С их благословением любая рана перестает быть смертельной, и любая гибель, кроме полного изничтожения, может быть обращена вспять. Они невероятно важны для нестареющих правителей Котморры, ведь только с помощью гемүнкүлов те могут обманывать смерть и проглатывать свои долги и порочные жизни. Такое могущество, несомненно, могло бы дать гемүнкүлам полную власть над Котморрой, если бы только они этого возжелали, и если бы с этим смирились остальные ее обитатели, но гемүнкүлы питают страсть единственно к своим искусствам. Или, по крайней мере, они хотят, чтобы в это верили все другие.

В лишенных света ямах под Южной

Колморрой кроются логовища
гелүнкүльских ковенов. Именно здесь
телное братство скульпторов плоти и
художников боли практикует свои
искусства самыми дьявольскими
способами, какие только можно
вообразить. Густые тизмы терзаний
пропитывают тесные камеры и
извилистые туннели, из которых состоят
их владения. Здесь бессмысленно борются
перекроенными глотками существа,
пребывающие в вечной тьме, чья грубая
плоть раз за разом меняется и
переделывается заново, искажается и
разделяется, приобретая бесчисленные
новые формы страдания. В этом царстве
вечной ночи ковены гелүнкүлов строят
планы, как возвеличить себя и повергнуть
своих соперников, возвращают вековые
схемы генетического шантажа и
манипуляции, чтобы обеспечить себе
доступ к наиболее влиятельным и
могущественным кабалам.

Ковен Черного Схождения таится в
запутанном лабиринте абсолютной тьмы,
наполненном ловушками для тех, кто не

прошел инициацию. Говорят, что бездны
их лабиринта выходят за пределы
Колморры в саму Паутину, затрагивая ее
расщепленные волокна и разорванные нити,
давнo уже заброшенные всеми, кто
сохранил здравый рассудок. Члены Черного
Схождения выучивают маршруты,
которыми они должны пользоваться для
прохождения отдельных частей
лабиринта, разделенных так называемыми
расщелинами. Обучение происходит шаг за
шагом соответственно строгой иерархии.
Подмастерья-развалины, занимающие
нижнее положение, знают только путь, по
которому можно добраться до первой
расщелины. По мере того, как член ковена
поднимается в ранге, ему открывается
больше маршрутов, верных троп, ведущих
к второй, третьей и четвертой
расщелинам, где начинается истинный
лабиринт. Совершенный мастер должен
выучить десятки отдельных маршрутов,
приближенный секретарь — сотни, а
патриарх-ноктис известны тысячи.

Единственный неправильный шаг в
сторону от заученного пути — и

нарушителя ждет ужасная смерть или, по крайней мере, внезапная потеря конечностей. Достаточно совершить одну ошибку, и жертва сойдет с маршрута, заблудится в путанице моноволоконных сетей, ловушек сингулярности, ульев кровавых ос и разъедающих туманов, откуда нет возврата. Если записать все случаи, когда эта техника использовалась членами ковена для устранения нежелательных соперников, то получится множество томов. Это происходило так часто, что приобрело статус традиции.

В шестьдесят четвертой расщелине лабиринта происходило собрание членов ковена. Здесь стояли четверо тайных мастеров с масками на лицах, пятый же был облачен в изумрудно-черные одежды приближенного секретаря. Случайно или намеренно шестьдесят четвертая расщелина имела вид пятиугольной камеры с дверями-арками в каждой из пяти стен. Каждый из присутствующих несколько мгновений назад вступил в помещение из своей арки, как будто их всех собрал одновременный зов. Даже

эмоционально бесплодные гетункулы могли почувствовать лиазмы ярости, скопившиеся внутри камеры. Она давила на подсознание, словно беззвучный и бесконечный вопль, полный ярости, не находящей выхода.

В самом центре комнаты стоял вертикальный саркофаг со стеклянной передней стенкой, но его содержимое скрывал кроваво-красный туман, клубящийся внутри. Саркофаг опутывало несколько цепей из темного металла, крепящихся к кольцам, вделанным в пол. Эта мера безопасности казалась излишней, саркофаг и без того выглядел надежным --- это была тяжелая, уродливая глыба камня охряного цвета, которому неаккуратно придали человекоподобные черты. И все же собравшиеся члены ковена разглядывали скованный предмет с явной настороженностью.

--- Еще раз проверь оковы, --- сказал приближенный секретарь тайному мастеру справа от себя.

--- Секретарь? --- нервно отозвался гетункул в траурно-черной маске.

— Если мне придется повторять, я просто срежу с твоей головы эти глухие уши. Сделай, что я сказал. Сейчас же.

Тайный мастер, скрепя сердце, шагнул вперед и начал осматривать цепи со знанием дела скручивая их в руках, чтобы проверить на растяжимость и прочность. Он начал с пяти колец, утопленных в полу, и проверил их все, но в конце концов был вынужден погодвинуться ближе к саркофагу, чтобы осмотреть цепи, обмотанные вокруг него. Красный туман тут же завихрился в ответ, выпуская тонкие щупальца в сторону гелүнкүла, которые просто разбивались о непроницаемый барьер между ними.

— Секретарь, они явно очень сильно изношены, — сообщил тайный мастер после краткого изучения цепей. — Я не знаю, как это о...

Две окровавленные руки скелета с неожиданной силой ударили по стеклу, и тайный мастер с проклятием отшатнулся. Костяные когти секунду царапали стекло, а потом исчезли, стенившись лицом, которое выплыло из

тупана. Это была отворотительная, ухмыляющаяся пародия на лицо. Красная плоть растягивалась в подобии щек и губ, вместо глаз зияли влажные ямы. Члены ковена столпились вокруг, с удивлением глядя на жуткое привидение.

--- Как... как такое может быть? --- заикнулся один из тайных мастеров.

--- Невероятно! --- воскликнул другой.

--- Тихо! --- прошипел приближенный секретарь. --- Вы тараторите, как рабы!

Тайные мастера вмиг утолкли и покорно повернули к нему лица, скрытые под масками.

--- Это явление выходит за рамки вашей степени схождения. Уходите сейчас же и никому об этом не говорите. Я призывал избранного мастера Девяти, он назначит верный курс действий. Помните, никому не говорить! От этого зависят ваши жизни!

Остальные гетункулы только рабы были покинуть это проклятое место и скрылись в тех же арках, из которых пришли, не сказав более ни слова. Приближенный секретарь огладил свои

мантии и твердо посмотрел на неописуемое лицо, щерящееся на него из-за стекла.

— Признаюсь, что не знаю, как тебе удалось так быстро восстановиться, но это не принесет тебе ничего хорошего, — прямо сказал он существу. — Когда прибудет избранный мастер, мы просто разработаем новый способ удержатъ тебя здесь.

Скупность и недоверие к подчиненным немало послужили приближенному секретарю в получении его нынешнего статуса. Вскоре он сам начал проверять цепи, дожидаясь прихода избранного мастера Девахи. Тонкие, окрашенные в цвет изумруда губы секретаря подергивались и извивались, когда он шептал, обращаясь и к себе, и к своей пленнице:

— Инструкции насчет этого были точными, очень точными. Не должно быть ни побега, ни воскрешения, за исключением определенных обстоятельств. Пока что ты нас не покинешь.

Цепи были натянуты не туго, и

секретарь поймал себя на тревожной мысли, что не понимает, почему так произошло — он не видел, что они провисли. Чтобы затянуть их заново, нужно будет отсоединить одну цепь от кольца в полу и пропустить сквозь него больше звеньев. Он снова бросил взгляд на саркофаг, но лицо уже исчезло, и внутри снова не было видно ничего, кроме шевелящегося тумана. Темүнкүл неуверенно протянул руку, чтобы открепить цепь.

— Не трогай, — сказал голос у него за спиной.

Приближенный секретарь тут же повернулся и увидел, что стоит лицом к лицу с избранным мастером Девяти. У того было узкое лицо с выступающими скулами, а вместо глаз на секретаря злобеще поблескивали пластинки черного кристалла.

— Если, конечно же, ты хочешь жить, — проскрежетал избранный мастер. Его голос сам по себе был пыткой, он походил на звук, с каким точат друг о друга ножи, на скрип колес и визг пил, режущих кость.

Омерзительный тембр безжалостно терзал, будто лезвиет, уши и чувства всякого, кто его слышал. Приближенный секретарь отшатнулся, словно обжегся.

— Простите меня, избранный мастер! — пролепетал он. — Я лишь хотел предпринять необходимые меры предосторожности, пока ждал вашего прибытия.

— Это не угроза, секретарь, просто констатация факта, — негантично пояснил избранный мастер. — Если говорить точно, то ты попытался выпустить ее. Ты просто этого не осознал.

Избранный мастер подступил к саркофагу и взгляделся в его содержимое, а затем начал ходить по комнате кругами и изучать одну сковывающую цепь за другой. Он ничего не проверял, ничего не трогал, его руки даже ни разу не покинули рукава шиферно-серой мантии. Он шел необычно выверенной походкой, на почти негнущихся ногах, как будто его конечности были созданы из колес и стальных стержней. Тошнотворные психические тизмы внутри помещения

сгустились в осязаемую ауру, которая волнами билась о разум. Приближенный секретарь обнаружил, что вспомел, несмотря на прохладный воздух. Но полупробежала легкая дрожь, и наконец избранный мастер снова повернулся к секретарю.

--- Здесь есть опасность, но не от того источника, который ты предполагаешь. Это, в конечном итоге, сводится к деяниям Беллатониса. Горький плод его трудов, Разобщение, питает ее попытки ожить. Ее желание сильно и притягивает к ней силу.

Избранный мастер сделал паузу, когда через помещение пробежала еще одна судорога, более долгая и выраженная, чем первая.

--- Добудь кислоты, чтобы заново наполнить саркофаг, и достаточно развалин, чтобы отвлекать ее, пока мы это делаем.

--- Очень хорошо, избранный мастер, --- залебезил приближенный секретарь, прежде чем остелиться задать вопрос. --- Это... это теперь точно известно?

Беллатонис вызвал Разобшение?

--- Точно, --- слово упало с губ избранного мастера, как лезвие гильотины. Приближенный секретарь заметно побледнел, услышав его, а затем его лицо исказилось от страха, когда его озарила другая мысль.

--- Если Верховный Властелин узнает, что Беллатонис затешан... --- прошептал он.

--- Ковен исчезнет. Изгнание или истинная смерть всем, кто в нем состоит, за то, что они были связаны с виновником, --- интонации избранного мастера рассекали слова на визжащие фрагменты и окунали их в кислотную ванну отворачивания. --- Так можно сказать на основании более ранних прецедентов.

--- Но Беллатонис --- отступник! --- визгливо выкрикнул секретарь. --- Он сбежал из наших рядов! Мы не оказывали ему помощи!

--- Не имеет значения. Верховный Властелин Асгубаэль Вект назначит наказание вне зависимости от степени вины всех вовлеченных. Ковен Черного

Схождения повинен в том, что был связан с преступником в прошлом, и этого будет более чем достаточно, чтобы сделать его тишенью.

Избранный мастер бесстрастно, почти механически препарировал потенциальное будущее своего ковена. На лице приближенного секретаря сражались за власть страх и мстительная ярость, и последняя вскоре победила.

--- Этого нельзя стерпеть! ---
выплюнул приближенный секретарь. ---
Беллатонис ответственен за это, и именно он должен поплатиться! Нужно заткнуть его, прежде чем до него доберется Вект!

--- Такие слова уже говорились раньше, ---
проскрежетал избранный мастер. ---
Тот, кто изрек их, был послан против отступника, но потерпел неудачу. Скорее всего, Беллатонис уничтожил его.

--- Тогда надо послать еще одного! У
еще! Пока не... --- приближенный секретарь
внезапно понял, по какому пути его ведут,
и попытался отступить, запинаясь. --- Я
имею в виду... со всем уважением.

избранный мастер, я не хотел сказать...

--- Я тепло принимаю твой энтузиазм
и преданность, --- избранный мастер
улыбнулся, и в его улыбке не было ни следа
теплоты. --- Можешь начинать
готовиться прямо сейчас.

Глава 8

Наследование

Ослепительная вспышка, мучительное чувство распада, и на миг Пестрый ощутил, что падает в зеленое озеро. Нет, озеро было позади, и в падении он отдалялся от него. Верх и Низ начали с другом краткую гражданскую войну за территорию, пока Пестрый беспомощно кувыркался между линиями фронта. Перелюрие воцарилось только тогда, когда зеленое озеро было объявлено суверенной территорией Низа, и Пестрый покорно начал падать в его сторону. Тупая боль в руке и груди запульсировала, предвещая возвращение в место своего возникновения. Однако падение арлекина внезапно прервалось благодаря руке в латной перчатке, которая перехватила обмякшее тело Пестрого и оттащила его в сторону.

Пестрый, моргая, благодарно уставился снизу вверх на Морра,

возвышающегося над ним. В стороне
выднелся гладкий зеленый пруд,
источавший нефритовый свет в
пространство, которое, видимо, являлось
пещерой. Где-то секунду арлекин переводил
дыхание, а потом вскочил на ноги, снова
полный бьющей ключом энергии. Слегка
поторщившись от боли, он принял
воинственную позу.

--- Братья по оружию! --- с бравадой
выкрикнул он. --- Одолеют любого врага и
все препятствия, как уже отмечалось
ранее!

После этого Пестрый внезапно снова
рухнул наземь, сел и поглядел на инкуба.

--- Ты так не думаешь? --- немного
печально спросил он через миг. На его
одеянии выднелись яркие красные капли
там, где шпаннель прошла сквозь ткань.
Умная материя уже начала затягивать
дыры волокнами, одновременно работая и
над поврежденной плотью под нити.

--- Это был храбрый поступок, не хуже
многих, что я видел, --- поразмыслив,
сказал инкуб. --- Я был... удивлен, что ты
выжил.

--- Я думал, ты снова оставишь меня позади.

--- Не было времени объяснить, что выход будет вертикальным. Когда я мог быть уверен, что ты последуешь за мной, то вошел во врата, чтобы успеть перехватить тебя и не дать вынасть обратно.

--- Этот мир когда-то был твоим домом, так ведь, Морр?

Тишина растянулась на несколько долгих мгновений, прежде чем инкуб ответил.

--- Давным-давно это была моя родина, --- медленно проговорил Морр. --- Ушант, девственный мир. К вечному моему стыду, я родился там и во мне течет кровь экзодитов.

Он снова затолчал и уставился сверху вниз на Пестрого, выискивая на лице арлекина признаки осуждения или презрения. Тот неуверенно улыбнулся в ответ и слабо взмахнул рукой, призывая продолжать. Морр фыркнул.

--- Возможно, ты воображал все девственные миры райскими кущами в роде

Лилеатанира? Ушант был не таков. Старшие рассказывали мне, что его когда-то покрывали громадные океаны, но к моему времени от них почти ничего не осталось, кроме пустынь. Клань экзодитов были выносливы и выживали, а некоторые даже разрастались. Они оставались многочисленны, можно сказать, процветали, все то время, пока моря медленно высыхали. За четырнадцать веков до моего рождения клань собралась вместе, чтобы отразить вторжение врага, проникшего на Ушант через врата, которые мы только что использовали.

Морр кивнул на зеленое светящееся озеро и погрузился в молчание.

— Они победили? — подтолкнул Пестрый. — Если да, то, судя по всему, выигранный или мир оказался прискорбно краток.

— Клань победили, но на них легло проклятие. В том конфликте они научились от врагов новым способам ведения войны. Грубым, действующим без всякого разбора, эффективным способом. Уж когда общая угроза была преодолена, клань

повернули свои боевые машины друг против друга.

--- Что? --- пораженно воскликнул Пестрый. --- Зачем они это сделали?

--- Честь, гордость и глупость в равной мере. Начался спор из-за того, какой клан будет контролировать ворота и оборонять их от будущих вторжений. Сильнейшие кланы --- Дальний Свет и Многие Острова --- противостояли друг другу, желая завладеть порталом и вместе с ним --- престижем. К обеим сторонам присоединились кровные сородичи и союзники, чтобы силой поддержать их притязания. Старейшины моего племени говорили, что многие из них так глубоко втянулись в войну с чужаками, что не могли отказаться от нее, когда воцарился мир.

--- Трагично, --- Пестрый печально нахмурился. --- Жаль, что никто не вмешался и не потушил кланы.

Морр издал едкий стешок, больше похожий на кашель, пропитанный желчью и горечью.

--- О нет, они вмешивались. Много раз.

Аскеты в красивых одеждах нисходили с
этих дрейфующих колыбелей, которые
называются искусственными мирами,
чтобы рассказать нам, что делать с
нашей судьбой. Они прятались за своими
масками и проливали крокодильи слезы
над нашими несчастьями, но не собирались
жертвовать ни толикой своего комфорта,
чтобы помочь. Уже при мне они как-то
явились снова и сели судить нас, как
небесные создания, с неохотой
спустившиеся в мирскую грязь. Они
наконец устали от этого спора и объявили,
что намерены оказать поддержку
выжившим членам клана Дальнего Света.

Пестрый поджал губы, но ничего не
сказал, размышляя, какой искусственный
мир мог так небрежно распорядиться своей
опекой над Ушантом. Каждый такой мир
брал на себя номинальную
ответственность за какое-то количество
реальных планет, разбросанных по
Великому Колесу. Некоторые видели в
реальных мирах надежду на будущее
эльдарской расы, семена, из которых они
снова могли бы вырастить могущество.

Другие считали экзодитов не более чем бременем, примитивными и отсталыми народами, а их тиры — бесполезной растратой ресурсов, пережитками неудачного плана спасения.

— Вместо того, чтобы утихомирить вражду, это решение лишь придало ей новую силу. В ту же ночь клан Многих Островов атаковал Дальний Свет и их покровителей... они, судя по всему, удивились такому повороту событий. Защищались они плохо, — при этом воспоминании шлем Морра приподнялся, и клыки из кровавого камня заблестели на свету, как будто окрасившись свежей кровью.

— И тогда ты увидел фигуру, за которой пошел следом?

— Архру, — Морр произнес это имя с уверенностью. — Не сомневайся, тогда ко мне пришел сам Архра. Он без слов объяснил мне, что я достоин прийти в его храм и испытать свою силу. Он бросил мне вызов, чтобы я это сделал.

— Легенды гласят, что Архра был уничтожен.

--- Ничто и никогда не утирает по-настоящему.

--- Может быть, легенды подразумевают, что он был до неузнаваемости изменен.

--- Ступай осторожно, маленький клоун. Ты ничего не знаешь о том, что говоришь.

--- Тысячи извинений. Я проклятой склонностью задавать неуместные вопросы в неподходящие моменты. Прости меня.

Морр что-то буркнул и пошел в сторону. Пестрый видел, что инкуб направляется к выходу из пещеры, рваной ране в камне, за которой виднелся слабый намек на дневной свет. Устало поднявшись на ноги, он двинулся следом. Проход открывался в узкую расщелину посреди голых скал, затем этот путь переходил на ненадежный уступ. Одна стена исчезла, открыв взгляду практически отвесный обрыв и долину под ним, другая же поднималась вверх, образуя крутой склон, местами поросший травой и лишайниками, с которых капала влага. Над всем этим висела непонятно откуда

берущаяся золотая гылка, солнечный свет без солнца. Уступ тянулся вниз, к клубящемуся туману, который накрывал землю, подобно одеялу. Вдали можно было различить костлявые силуэты деревьев, пробивающихся сквозь туман, но они как будто двигались и неопределенно колебались среди моря белизны.

--- Бүгөт ли неүместно поинтересоваться, где мы и куда идем? --- с надеждой спросил Пестрый, ловко прыгая по неровным ступеням следом за Морром.

--- Мы прибыли к концу нашего странствия, --- наконец ответил инкүб. --- Храм Архры находится в долине внизу.

Пестрый начал брезгливо счищать с одежды засохшую кровь, хотя она быстро терялась из виду под воздействием самой ткани.

--- Что ж, это путешествие оказалось куда легче, чем ожидалось! --- несколько неубедительно воскликнул он. --- Всегда добрый знак, как я говорю. Нам дует попутный ветер!

--- Это болото не без своих опасностей, --- педантично предупредил Морр. Тон

инкуба не мог замаскировать тот факт, что даже его обычно меланхолический настрой стал чуть приподнятым.

Бежит осторожно двигалась вперед, чувствуя тупую ноющую боль в ноге. Все остальные шли тесной массой позади нее, как будто она была для них крепким, непроницаемым щитом. В конце коридора раньше были двери — богато украшенные створки из драгоценного металла, которыми резьбой и ковкой пригнали вид двух фениксов-близнецов — но теперь какая-то немыслимая сила скрутила их и отбросила прочь. Внутри, за дверным проемом, мелькали танцующие тени, и музыка вилась и искажалась, вторя их хаотическим движениям. Бежит Сто Шратов не боялась ничего, ни живого, ни мертвого, но даже она помедлила, прежде чем заглянуть внутрь.

Она чувствовала, как в спину ей глядит дюжина глаз, желая, чтобы она сделала шаг вперед, и в то же время ощущала некий бесформенный и неведомый ужас перед собой, который теснил ее назад.

Две силы какое-то время боролись на равных, но гордость неумолимо взяла верх и заставила Безиет заглянуть за угол и узреть, что там творилось.

Пол зала был выложен из фарфоровых плиток, покрытых бороздками, которые сходились к шестиугольным стокам, отделанным серебром. Эта деталь, наряду с множеством ярких светильников и цепей, свисающих с потолка, говорила, что это место было ярмаркой кровопролития, где прохожие могли насладиться демонстрацией публичных пыток и унижений, которым подвергались рабы и рьяные мазохисты.

Теперь на цепях никто не висел, и единственным источником света был гудкий дымный огонь от костров, неаккуратно наваленных из обломков и мусора по всему залу. Среди огней, под пронзительные звуки музыки, безумно отплясывали какие-то фигуры. Большинство из них, похоже, были рабами, которые выглядели еще более уродливыми и непропорциональными, чем обычно, но к ним примешалась и горстка чистокровных

котторритов, которые с необыкновенной энергией скакали и выкидывали коленца.

В центре всего этого лежал источник сүтасшества, огромная груга розовой и голубой плоти, в которой лиш стүтно угадывались очертания конечностей и головы. Она непристойно извивалась и корчилась, как ищущий пищу червь, и по всей ее глине торчали ряды пүстотелых трүбчатых шипов, которые то открывались, то снова закрывались, извергая отвратительную визгливую музыку. Танцоры кружились вокруг твари, плескали на нее вином или бросали еду в качестве подношений, сосали ее, словно материнскую гругь, и кричали от обожания. Время от времени звук трүб делался настойчивым, почти плачущим, и тогда они хватали кого-то из своего числа и кидали его в эту мясистую массу. Трүбы были в экстазе, пока груга плоти стыкалась над жертвой, бүгто рүка с короткими толстыми пальцами. В последние мгновения жертвы внезапно выходили из экстатической радости и жалобно кричали в хватке твари, так что

безумная музыка издевательски смешивалась с их предстертными воплями.

Беэует увидела достаточно, и к тому же вой труб начинал воздействовать на нее. Она снова скрылась за полотанными дверями. Наксинаэль вопросительно посмотрел на нее, в ответ она слегка пожала плечами и кивнула обратно, на тот путь, которым они пришли. Наксинаэль раздраженно потопал головой и поднял свои бластнестолеты, при этом его движение безмолвно повторили остальные выжившие. Все они чувствовали страх, гнев и бессилие, и поэтому хотели с кем-нибудь сразиться. Беэует закатила глаза и вслеп за ними осторожно приподняла свой клинок-джинн. Лезвие издало сердитый, ноющий звук, как будто его злили отвратительные флейты, воющие впереди. Беэует выставила оружие перед собой и буквально позволила ему возглавить толпу, ворвавшуюся в комнату.

Она атаковала без слов и зарубила двоих танцоров, прежде чем те хотя бы

успели осознать чужое присутствие. Лучи не-света внезапно хлестнули еще по двоим, и испарили скачущие тела черными, как туманности, взрывами темного вещества. Наксинаэль пытался ранить трубящую тварь, но ее поклонники бросались прямо под выстрелы, превращая себя в живые щиты. С циничным стехом он пробивал себе путь вперед, разнося на куски то одного, то другого.

Бежит тоже прорубалась сквозь танцоров, но быстрее, чем Наксинаэль. Она, прихрамывая, шагала среди миньонов, практически без интереса ударяя то влево, то вправо, и концентрировала всю энергию на том, чтобы добраться до бести. Слишком медленно. Трубные звуки изменились, превратились в визг, водящий пилой по ушам — тварь призывала своих детей к бою. Оставшиеся танцоры набросились на архонтов с ненавистью, начертанной на безумных лицах. В их глазах горело бледное пламя, с губ каждого слетала фосфоресцентная слюна. На них уже ясно виднелись знаки порчи: плоть таяла и превращалась в щупальца, мех,

перья или чешую, конечности странно изгибались, явно выделялся излишек телесных отверстий.

Выпущенные остальными выжившими в Метзухе сверхскоростные осколки и лучи дезинтеграторов рыскали по залу в поисках добычи и безжалостно сражали безумцев на месте. Некоторые из убитых исчезали, словно подожженные шары с водородом: с них слезала кожа, а то, что было под ней, сгорало в разноцветной вспышке. Большая часть задеваемых выстрелами воспринимала раны столь бесстрастно, будто глина заменяла им живую плоть. Из розовых ям, которые оставались на их телах, сочилась та же светящаяся слизь, что волокнистыми сосульками стекала с их губ.

Миньоны воющей твари млчались вперёд с распростертыми руками, которые сверкали эфирным пламенем. Огонь метался вокруг Безует и Наксинаэля, образуя обманчиво тонкие, похожие на паутину нити розового и голубого цвета, которые при малейшем касании опалили броню и обугливали плоть. Обойм

архонтам пришлось уйти в оборону и сконцентрироваться лишь на том, чтобы отбиваться от скачущих вокруг них чудовищ. Сзади доносились пронзительные вопли — некоторых выживших, пытавшихся пробиться в зал, настигло и пожирало обжигающее пламя. Безиет увидела воина, который горел как факел, но продолжал стрелять из осколочной винтовки, пока его не загавили числом. Огни возносились все выше, создавая иллюзию, будто весь зал превратился в павильон, сотканный из пламени.

Безиет рассекла скалящееся лицо, пригнулась, уходя от сгустка разноцветного пламени, и отрубилa руку, которая метнула его. Плененный дух Анзирисана наполнял ее энергией через канал внутри клинка-джинна, который пока что оставался покорен ее рукой и нес смерть врагам. Те сражались без какой-либо стратегии, просто хаотично скакали туда-сюда и кудыркались друг через друга, торопясь схватить и сжечь. Она упрямо пробивалась ближе к Наксинаэлю, который пожинал богатый урожай врагов, но

получил при этом сильные ожоги на груди и спине.

Остальные выжившие сформировали тесную группу прямо позади них, и их также свирепо осаждали со всех сторон, поэтому помощи от них ждать не приходилось. Количество нападающих как будто и не уменьшалось, казалось, их даже стало больше по сравнению с тем, сколько было, когда Безиет ворвалась в зал. Вой труб приобрел триумфальное выражение, и их дикий клекочущий стех врезался в самую душу.

Позади раздался хриплый крик и заставил ее снова оглянуться на других выживших. Безиет удивленно воззрилась на то, что увидела. Они подставили плечи развалине, который лечил ее, — Ксагору — и подталкивали его все выше, в то же время отбиваясь от тварей практически спина к спине, чтобы не дать им сорвать этот сложный маневр. Развалина при этом неуклюже пытался навести на цель длинную винтовку с толстым стволом.

Безиет поняла, что они замыслили. Развалину поднимали, чтобы он смог

выстрелить по верх голов мечущихся
миньонов в их демонического хозяина.
Тяжелое орудие развалины неуверенно
грохало, и огнерукие танцоры безумно
скакали перед выжившими, скрывая из виду
цель. Наконец глиноствольная винтовка
выплюнула снаряд, не дав никакого
видимого результата. Эта попытка
только продемонстрировала их отчаяние.
Они схватились за последний шанс, за
тщетную попытку поставить на удачу,
прежде чем всем придет конец, и она не
сработала.

Жуткое завывание флейт вдруг резко
заколебалось, то набирая, то теряя
частоту с такой скоростью, что это
причиняло боль слуху. Танцоры
закружились по сторонам, прижимая к
головам объятые пламенем руки и
пошатываясь, и даже Безиет, Наксинаэлю
и другим выжившим пришлось бороться с
волной тошноты. Огни погасли, и стало
видно, что бестия пятится и встает на
дыбы, корчась, как будто от боли. Но ее
плоти пошли отвратительные волны, и с
последним рывком гряда живого тьса

треснула и раздалась от одного конца до
другого. На пол хлынула волна желчи,
червей, нечистот и полуразъеденных
костей. Безумная музыка внезапно
оборвалась. Танцоры загрохали и рухнули
сгубившись мешками из кожи. Наксинаэль
и импровизированная пиратка из
выживших тоже упала, так что развалина
растянулась на полу. Онемев, Безиет на
миг застыла, ожидая какого-то нового
кошмара, который мог вырваться наружу.
Но зал оставался безмолвным и темным.

Она заметила, что развалина тут
же пополз к винтовке, которую выронил, и
прижал ее к себе, защищая руками, словно
любимого зверька. К ее удивлению, один из
выживших протянул руку, чтобы помочь
развалине подняться на ноги. Потом еще
несколько похлопали его по спине и
поздравили, как будто этот сложный
выстрел сделал один из них, а не
хирургически измененная мясная кукла
безумного ученого-истязателя. Безиет
покачала головой. Часть проклятия
Разобщения состояла в том, что нужда
порождала странные союзы, и

общественное строение города рассыпалось на части, точно так же, как и физическое.

Теперь выживших осталось только семеро, не считая ее самой и Наксинаэля. Шансы на то, чтобы добраться до Верхней Колморры, значительно упали, и архонт был этому не рад. Она посмотрела на Наксинаэля и позвала развалину, чтобы тот позаботился о нем. Голос подействовал на прислужника, как щелчок кнута. Тот бросился выполнять приказ, едва не уронив свое возлюбленное оружие.

--- Одержимые! --- бессвязно ругался Наксинаэль. --- Все они предатели, каждая проклятая душа! Отдать свою собственную плоть! Тьфу!

Развалина засуетился, осторожно положил оружие на пол и побежал осматривать раны Наксинаэля.

--- Мы опоздали, --- Безиет пожал плечами. --- То, что пробралось сюда, было достаточно большим и мерзким, чтобы удержаться, когда преграда закрылась. Все крупные демоны на расстоянии лизги, скорее всего, втиснулись в первые упавшиеся теплые тела, чтобы их не

утянуло. Можно ожидать, что нам
попадутся другие одержимые.

--- Преклоняюсь перед твоими
превосходящими знаниями в этой области.
Беулет, --- прошипел Наксинаэль сквозь
стиснутые зубы.

--- И правильно, свои сто шрамов я
заработала не в уличных драках в
Некрополе.

Как и в случае Беулет, методы
развалины оказались действенными,
несмотря на грубость. Свежие раны,
которые виднелись под частично
оплавившейся броней Наксинаэля, быстро
покрылись коростой. Лицо Наксинаэля
искажилось от боли, став похожим на
маску, и он испустил поток проклятий.

--- Со всем уважением, --- почтительно
произнес развалина, --- этому хотелось бы
спросить, почему у канала не было
одержимых.

Беулет секунду холодно смотрела на
прислужника, прежде чем прийти к
решению.

--- Потому что более крупные твари,
говоря иначе --- более умные, не стали

задерживаться и пировать сразу же, как только пролезли сквозь преграду, -- сказала она. Ее взгляд на миг расфокусировался и затуманился от воспоминания. -- Они проникли вглубь и зарылись в тех местах, где они могли найти пищу, где могли разрастаться подобно раковым опухолям.

Развалина закивал и при этом так активно кланялся и расшаркивался, что практически бился головой о мостовую. Наксинаэль снова что-то забормotal, когда короста начала отслаиваться, обнажая розовые пятна новой кожи.

-- Ксагор, так тебя зовут? Расскажи мне про оружие, Ксагор, -- приказала Безиет, внимательно разглядывая винтовку. С эстетической точки зрения эта уродливая штуковина была ближе к инструменту мясника или набору пробирок, чем к элегантному оружию комторритов.

-- Это устройство именуется гексовинтовкой, о досточтимая, -- с некоторой гордостью ответил развалина. -- Оружие акофиста. Ксагор нашел его в останках процессии, среди свиты мастера

Ре'риринкса. Весьма прискорбно.

--- Это неважно. Чем оно стреляет?

--- Цилиндром, в котором находится ускоренный вирусный состав, как правило, стеклянная чума. Ксагор не знает, какой состав используется в этом устройстве, возможно, мутагенный, возможно, нет. Ксагор сделал из него только один выстрел и предлагает отыскать других подопытных субъектов для более точного анализа.

--- Что ж, что бы это ни было, оно работает, так что держи его под рукой на случай, если оно снова понадобится, --- Безиет подавила отвращение и похлопала развалину по затылку в кожу плечу. --- Хороший был выстрел, кстати.

Наксипазель, похоже, вернулся в более адекватное состояние, его бессвязная брань перешла в вереницу кратких ругательств, и он встал на ноги, хотя и немного неуверенно. Он бросил на Безиет непонятный взгляд и пожал плечами, не обращая внимания на боль.

--- Итак, Безиет, я готов выслушать твои предложения по поводу того, что

делать дальше, -- хладнокровно сказал он.

-- Идо иди к Горе Скорби, --
ответила Безует, -- и быстро.

-- Почему?

-- Пока что установилась некоторая
стабильность, но это ненадолго, все
станет еще хуже. Гора Скорби окружает
Центральный пик, и это единственный
ярус, который будет достаточно
организован, чтобы пережить худшее --
Вект лично за этим проследит.

-- Ты предполагаешь, что наш
великолепный и всеми любимый Верховный
Властелин выжил, -- фыркнул Наксинаэль.
-- Может быть, прямо сейчас какая-нибудь
нежить пожирает его потроха.

-- Скорее уж, какой-нибудь
чистокровный из Верхней Колморры
пытается вонзить нож в его спину, но я не
нахожу ни то, ни другое сколько-то
вероятным. Вект по-прежнему жив, и ты
знаешь, что это так. Когда придет конец
вселенной и останется одна пуста,
Вект все равно выживет и будет парить в
непроницаемом пузыре из собственного
коварства и чувства полного

удовлетворения собой.

Наксинаэль ощерился, но не стал возражать. Железная рука Асдрубаэля Векта правила Колморрой на протяжении шести тысячелетий. Верховный Властелин сохранял свое положение, невзирая на катастрофы, восстания, гражданские войны, вторжения чужаков и предыдущие Разобщения. Казалось, что от них он только процветает, выходя из каждого бедствия еще более сильным и со значительно меньшим числом оппонентов. Наксинаэлю пришлось признать, что план Безует имел смысл, в отличие от обыкновенных времен сейчас было действительно мудро искать защиты у Векта, а не чураться его.

Безует и Наксинаэль сообщая заставили выживших снова отправиться в путь, понося их леность и грозя отставшим ужасными каратами. Осталось три воина, все из разных мелких кабалов, поэтому они все время подозрительно наблюдали друг за другом. Была тут и пара Этондрийских Ускателей в бордовых плащах с капюшонами, из-под которых

выднелись полускрытые лица, постоянно крутящиеся туда и сюда, словно торгочки хорьков. Они держались вместе, неизменно прикрывая спины друг другу. И, наконец, оставались еще развалина и потертого вида наемник, который казался Безиет незнакомым.

Они были подавлены и не хотели никуда идти, но все понимали, в какой опасности находятся, и, недолго пороптав, подчинились. Не такое уж это было и войско, чтобы пробиваться с ним к Горю Скорби, подумала Безиет, но любому из них, кому удастся пробраться через руины Нижней Колморры, легко достанется должность при высших архонтах, которыми в это время наверняка не хватает рук. Готовая работа и относительная безопасность, пока не закончится Разобщение.

По крайней мере, на это она надеялась.

На стене мигали изображения, стелая друг друга, и мягкий янтарный свет в комнате непредсказуемо колебался. На

краю слуха (или, может, на краю сознания) мелькали отдаленные пугающие звуки, но пока что они, казалось, исходили с безопасного расстояния. Те, кто находился в комнате, все еще могли на какое-то время отстраниться от тревоги Разобщения и сконцентрироваться на жизненно важном деле.

Одно из изображений выделилось и растянулось на всю стену, показав крупным планом какого-то представителя комторрской аристократии с несколько вялой нижней челюстью, плоским лицом и волосами цвета воронова крыла. Вокруг изображения развернулись изгибающиеся потоки данных, и один из находившихся в комнате заговорил.

--- Это --- Квайсор Уллитуан, одиннадцатый потомок ветви Мол'зиньеар, мой архонт.

--- Слишком безобразен, --- оборвал единственный другой присутствующий. --- Следующий.

Первый образ тут же стенился другим, на сей раз довольно сильно напугивающим Ниоса Уллитуана. Правда,

это явно было лицо прожигателя жизни, чье равнодушное выражение, судя по всему, никогда не менялось.

--- Разицик Уллитан, семьдесят третий потомок ветви Ватинир, мой архонт.

--- Семьдесят третий? Ты обезумел?

--- В линии Ватинир значительно преобладают женщины, мой архонт.

--- Ты обезумел. Следующий.

Лицо за лицом, имя за именем. Все с острыми чертами, высокомерные, глядящие на зрителей с нескрываемым презрением. Были, конечно, и вариации: бледная или более темная кожа, вольно распущенные гривы или коротко остриженные волосы, но все они несли на себе семейную печать, сходство с Ниосом Уллитаном, которое ни с чем нельзя было спутать. Мастер-гемункул Беллатонис стоял неподалеку, пролистывая древние записи о благородном доме Уллитанов в попытках найти подходящего кандидата.

Несмотря на упорнейшие, как он сам утверждал, усилия гемункула, Уллитан

по-прежнему умирал. Стеклянная чума агрессивно мутировала и распространялась по его коже, словно армия завоевателей. Руки ничего не держали, ноги не ходили, и говорить он мог только благодаря многочисленным временным пересадкам кожи и механическим устройствам. Чума так глубоко внедрилась в тело, что полностью искоренить ее было невозможно. Возможно, ему осталось жить всего несколько дней, но архонт решил, что этого времени ему хватит, чтобы успеть подобрать себе достойного наследника. Сообщение, которое он только что получил, лишило его даже этой надежды — теперь ему оставались считанные часы.

--- Что насчет вон того?

--- Зарилс Уллитан, второй потомок ветви Оанизис, мой архонт. Судя по этой записи, вы задушили его собственными руками, а потом выбросили тело в вакуум.

--- Ах да. Я знал, что он неспроста выглядел столь многообещающе.

--- Могу ли я сделать предположение, мой архонт?

--- Можешь, --- вздохнул Улитуан. ---
В ближайшее время я определенно нигде
не уйду. Никаких особо срочных дел.

--- Действительно. Меня преследует
мысль, что, учитывая ограниченное время,
которым мы располагаем, лучше всего
бюджет отбросить в сторону эстетику и
сосконцентрироваться на том, чтобы
найти... достаточно крепкого индивида,
который мог бы выжить в процессе
перехода власти. Физический облик, в
конце концов, поддается изменению, ---
Беллатонис улыбнулся неприятной
улыбкой акулы и повернул голову,
демонстрируя собственный глубоко
измененный профиль с глинным острым
подбородком и крючковатым носом. ---
Разумеется, без дополнительной платы.

--- Лицо и кровь --- это все,
Беллатонис, --- педантично возразил
Улитуан. --- Я буду глупцом, если
поставлю будущее своего гота в
зависимость от прихотей твоих ножей,
как бы талантливо --- по собственным
заявлениям --- ты ими ни орудовал. Это
должно быть само совершенство.

Асдрубаэль Вект, Верховный Властелин, призвал на собрание всех выживших архонтов. Любой кабал, который не сможет прислать своего лидера на Центральный пик, незамедлительно будет признан восставшим и уничтожен при первой возможности. Вект, должно быть, отчаялся, если предпринимал такие меры. Но крайней мере, Ниос надеялся на это всей душой. К сожалению, явиться на собрание в таком состоянии было хуже, чем сразу покончить с собой, и во имя всего благородного дома Улитуанов он должен был найти себе преемника.

— Что ж, если лицо важнее всего, тогда пострадает кровь, — без запинки парировал Беллатонис. — Это, конечно, тоже всегда можно поправить.

— Ты преподносишь свои мысли с деликатностью бойцового раба, Беллатонис, ты знаешь об этом? Я просто нахожу немого сомнительным то, что ни один представитель моего обширного, разветвленного и, прямо сказать, слишком большого рода не

подходит для того, чтобы занять мое место.

--- Рискую снова проявить деликатность бойцового раба, я осмелюсь сказать, что вы оказались чрезмерно успешны в укреплении своих позиций и не оставили никаких достойных претендентов в приемники. Еще более прямо -- вы их всех уже убили. Кроме того, это только те кровные родственники, которые сейчас находятся в крепости. Столь многие пропали в Разобщении, что число кандидатов в настоящий момент откровенно невелико.

--- Скажи-ка мне еще раз, почему ты не выращиваешь мне новое тело прямо сейчас.

--- Потому фантастически высокого шанса на то, что оно станет жертвой одержимости из-за Разобщения, мой архонт? Другая причина состоит в том, что его невозможно будет подготовить в срок. Третья же, если вы желаете ее услышать, в том, что оно будет создано в пробирке, а вы уже совершенно ясно выразили свои чувства по этому поводу.

Цллитиан прорычал нечто
нечленораздельное.

--- Простите, мой архонт, не могли бы вы повторить?

--- Я сказал, пошли тогда за молодым Разициком, ныне семьдесят третьим наследником пүстого места. Скоро в его судьбе произойдут большие перемены.

Глава 9

Охотники

Спускаясь все ниже, Морр и Пестрый прошли сквозь слой тумана, и тот превратился в низкие облака, висящие над их головами. В долине пред ними возвышался храм Архры, ступень за ступенью поднимающийся в небеса, где золотая дымка скрывала из виду его конические шпили. На его стенах в великом множестве громоздились колонны и арки из обсидиана, увитые ползучей паутиной паразитических лоз и яркоцветущими растениями. В этом месте царил тяжелая, влажная атмосфера, и тонкие щупальца тумана струились из темных входов и стекали вниз по растрескавшимся ступеням. Через неравные промежутки на лестнице стояли постаменты, увенчанные полуразрушенными от времени статуями. В некоторых изваяниях все еще можно было узнать воинов или зверей, другие же

приобрели странные, потусторонние формы, порожденные безумием и распадом.

Земля вокруг храма поблескивала, затопленная мелкими водами. В сумной дали виднелись очертания высоких мангровых деревьев, с которых свисали, словно бороды, глинные кисты тоха и лишайника. Неумолчно гудели насекомые, высоко в небе кружилось несколько крылатых силуэтов, но помимо этого вблизи храма не было никаких иных признаков жизни. Все вокруг пронизывало ощущение настороженности, как будто на новоприбывших пристально смотрели глаза, тающиеся в глубоких, скрытых тенях закоулках святилища.

--- Здесь я переродился, --- торжественно и почтительно провозгласил Морр. --- Именно в этом месте гитя, сбжавшее из темницы своей родины, познало истинный путь судьбы и чести.

Пестрый бросил на инкуба откровенно удивленный взгляд, но ничего не сказал. Слова Морра явно предназначались не для него, и ответ на них мог только загнать

его глубже в панцирь. То, что это живое оружие хотя бы на миг обрело собственный голос, само по себе было примечательно. Морр приподнял клинок и начал ступать по затишным камням, пробираясь к гати ведущей через болото. Путь этот был весьма ненадежен, но Морр даже не бросил ни единого взгляда под ноги. Его взор оставался прикован к далеким шпилям святилища. Пестрый прыгал следом, и его сердце наполнилось гурными предчувствиями.

--- Морр... Тебе не кажется странным, что это место как будто никак не затронутو Разобщением?

Вопрос, похоже, озадачил Морра.

--- Почему оно должно быть затронуто? Здесь нет прямой связи с Колморрой.

--- Так, но последствия Разобщения распространяются по всем иным частям Паутины. Я ожидал увидеть... почувствовать хоть какое-то свидетельство его воздействия и здесь.

--- Храмы Архры многочисленны, но говорят, что именно в этом месте он

отрекся от своей смертности, и что это святилище было создано из его плоти и костей. Несомненно, его дух здесь силен, и, возможно, силен настолько, чтобы защитить храм.

— Возможно, что это... Я... что ж, я уверен, что ты прав.

Морр замер на месте и резко, угрожающе развернулся к Нестрому.

— Ты говоришь так, будто боишься какой-то скрытой порчи. Тому, кто пришел сюда незапятнанным слабостью, нечего страшиться в этом месте.

— Слабость в данном случае включает в себя концепции наподобие сочувствия, альтруизма и милосердия. Если я правильно себе представляю, — несколько язвительно ответил Нестрый. Морр только фыркнул в ответ, отвернулся и продолжил свой путь.

Но вскоре он снова остановился. На гати впереди теперь возвышалась фигура, ожидавшая их приближения — воин, облаченный в черно-зеленую броню — и перед ней на земле лежал двуручный клэйв. Выждав миг, Морр осторожно обратился к

этому видению:

--- Приветствую, брат. Я ищю вход в храм. Ты вышел, чтобы встретить нас?

Фигура хранила молчание, не двигалась и ничем не выдавала в себе живое существо. С таким же успехом это могла быть статуя, вырезанная из черного зеленого камня.

--- Если ты не желаешь говорить, тогда отойди в сторону и дай нам пройти, иначе нам придется сразиться, и ты, возможно, об этом пожалеешь.

В ответ фигура подхватила свой клинок и подняла его в защитной позиции. Морр автоматически повторил движение, воздев собственный клэйв, сжатый обеими руками, и шагнул вперед.

--- Ты уверен, что в старых пенатах тебя ждут с распростертыми объятьями, а, Морр? --- поинтересовался Пестрый из-за его спины. --- Этот парень, похоже, явно так не думает.

В руках арлекина словно по волшебству появились короткий изогнутый клинок и глинный изящный пистолет.

--- Не вмешивайся, маленький клоун, ---

предупредил Морр, продолжая наступать на безмолвного стража.

Битва между двумя инкубами --- поистине грозное зрелище. Оба противника облачены в доспехи, которые могут уберечь от любых ударов, кроме самых сильных, однако вооружены мечами, способными прорвать ту же броню, словно бумагу. Против опытных, но не столь тяжело бронированных врагов инкуб должен биться осторожно, постоянно двигаясь, делая ложные выпады и уворачиваясь, чтобы сохранять баланс клэйва, сравнительно медленного и тяжелого клинка, и быть постоянно готовым нанести смертельный удар. Сражаясь с гордой неумелых врагов, инкуб может сконцентрироваться на том, чтобы поддерживать постоянный ритм, держа противника в страхе и одолевая его за счет силы, прежде чем тот сможет воспользоваться преимуществом в численности. В обоих случаях инкуб также полагается на свои кулаки, колени и стопы, удары которыми выводят врагов из строя, однако в бою против собственного

сородича подобные приемы могут лишь в
считанные мгновения превратить его в
кучу нарубленного мяса.

В состязании между двумя инкубати
важнее становится скорость, сила и
выносливость. Они обмениваются ударами
и контратаками быстрее, чем может
уследить глаз, и каждый их захват с
идеальной точностью нацелен в одно из
уязвимых мест — чаще всего это запястье,
голова или шея. В каждое парирование
инкуб должен вложить именно столько
энергии, чтобы отразить обрушившийся на
него клэйв, но при этом не выйти за
определенную грань, не открыть себя для
неизбежного обратного удара. Важнее
всего постоянно удерживать клинок в
движении, переплетая друг с другом
выпады и парирование, ибо тот боец,
который первым затеделится или собьется,
может сразу же лишиться головы.

Норр и его противник сражались
практически на равных, и их клэйвы
описывали сверкающие дуги в воздухе,
слетаясь вместе, сталкиваясь и вихрем
уходя в сторону, чтобы атаковать снова.

Благодаря преимуществу в росте Морр обрушивал на врага множество ударов, которые падали сверху вниз, словно молнии, вынуждая того уклоняться. В конце концов другой инкуб отступил на шаг, чтобы спастись от этой бури, уловил натиск и совершил серию стремительных выпадов слева и справа, пытаясь вынотрошить врага.

Морр ушел в защиту, перехватив клэйв за дополнительную рукоять, отстоящую от основной, и блокировал один выпад за другим. Вдруг великан-инкуб пошатнулся, едва успев вскинуть клинок и перехватить неожиданный удар над головой. Он шагнул назад, и его противник, желая сохранить преимущество, устремился вперед, без устали пытаясь пробить его защиту тяжелыми ударами.

Клэйв Морра мелькнул в воздухе и перехватил оружие наступающего врага крюком на конце. Это была попытка выиграть немного времени и восстановиться. В тот же миг оба воина налегли на клинки, как на рычаги, чтобы выкрутить оружие из рук оппонента. Ни

одному из них это не удалось, однако соперник Морра на миг потерял контроль над своим клэйвом, когда тот вылетел слишком далеко вперед. Морр ориентировался быстрее и тут же обрушил на врага удар, в который вложил всю свою массу. Тот успел вовремя парировать, но не смог отвести в сторону всю его мощь. Два воина на мгновение сцепились, один искрящий клинок к другому, а затем мышцы на плечах Морра вздрогнули, и он, при помощи одной лишь грубой силы, отшвырнул противника назад.

Мощный толчок сбил второго инкуба с ног, но тот отреагировал с быстротой кошки, перекатившись и припав к земле. Клёв Морра со свистом обрушился вниз. Противник парировал удар слабо, со скрещенными руками, и ему удалось лишь немного отвести клинок в сторону. Крючковатое острие вонзилось в бедро, и Морр тут же вырвал его, выпустив фонтан крови и фрагментов брони и оставив большую алую рану. Пошатываясь, соперник приподнялся и сделал отчаянный колющий выпад, но Морр без усилий

отразил его клэйвом. Отработанным движением он вырвал меч из хватки врага, оставив того совершенно беззащитным.

Морр без колебаний взмахнул клинком снова, целя его горизонтально в шею. В этот удар он вложил всю свою массу до последней унции и всю силу до последней толики. Инкүб поднял руки, возможно, пытаясь поймать летящий к нему клэйв, или отразить удар, или, быть может, даже моля о пощаде. Это уже ничего не значило. Мономолекулярное лезвие клэйва вспыхнуло энергией и с треском прошло сквозь оба бронированных запястья и шею, даже не замедлившись. Безголовое и безрукое тело, брызжа кровью, рухнуло на гать, словно тарионетка с обрубленными нитками. Голова в шлеме с лязгом упала в нескольких ярдах от него и покатилась, оставляя за собой след из таленых багряных спиралей.

Морр удовлетворенно рыкнул и пошел подобрать шлем и отрубленные кисти рук. Пестрый побледнел, увидев, как инкүб вытаскивает из пояса моток проволоки.

продел ее сквозь жуткие трофеи и прицепил их к похожему на часть скелета металлическому выступу, высоко поднимающемуся за его плечами именно для этой цели.

— Это так необходимо? — воспротивился Пестрый. — Разве мало отнять жизнь в честном поединке, что много потом еще и украситься, как вурдалак?

Морр поднялся и посмотрел на Пестрого сквозь сверкающие глазные линзы. Из-за глухой маски шлема невозможно было понять, что он думает, и Пестрый моментально пожалел о своей вспышке. Он позволил себе забыть, что Морр обитал в Темном Городе, где кровавые трофеи всегда были на пике моды. Рассказ инкуба о происхождении с девственного мира стягчил его образ в глазах арлекина, который и без того несколько сопереживал его нелегкому положению. Он решил, что нужно вспоминать этот момент всякий раз, когда он снова застанет себя за этой ошибкой. К удивлению Пестрого, когда

инкүб вновь заговорил, в его словах не было ни следа враждебности.

— Если один из братьев не пожелал впустить меня в храм, то есть немалый шанс, что будут и другие, кто думает так же, — пояснил инкүб. — Увидев останки своего предшественника, они, возможно, помедлят.

— Наверняка ведь иерархи не потерпят подобного вмешательства? — спросил Пестрый. — Ты пришел на их суд, разве они могут смириться с таким неуважением к их авторитету, как нападение из засады на просителя, еще не успевшего даже подойти к судье?

— Право инкүба бросить вызов своему собрату священно и неприкосновенно. Это закон, который превыше власти любого иерарха. Так было всегда.

— Так значит, тебя может ждать еще ряд дүэлей? — Пестрый фыркнул. — В таком темпе они всю дорогу завалят своими трупами.

— Более вероятно, что другие нападут группой и из засады, — хладнокровно возразил Морр. — Нем

такого предписания, что вызовы следует бросать по одному или открыто.

— Но почему они так активно противостоят твоему поиску правосудия?

Морр надолго замолчал, прежде чем ответить.

— Они считают — и имеют на то полное право — что моя вина очевидна и неоспорима. Я убил своего лорда и сожжена, отрицать этот факт невозможно. Для них это все, что следует знать. Они уверены, что для содеянного мною не может быть никаких смягчающих обстоятельств, и если я хотя бы представлю это дело на рассмотрение иерархов, это будет оскорблением их чести.

— Так значит, они хотят остановить тебя по пути в храм, пока ты не успел погладить кого-то против шерсти и задать какие-то неудобные для них вопросы? — недоверчиво спросил Пестрый. Морр лишь кивнул в ответ.

— Если они придут снова, то уже не будут делать разницы, — предупредил инкуб, — и попытаются убить тебя точно

так же, как и меня. Уходи, если хочешь, ты не обязан идти со мной дальше.

От этих слов Пестрый хищно ухмыльнулся.

--- Тем хуже для них! Я наделен не только прелестным лицом, фантастическим остроумием и необыкновенным талантом танцора, и ты это знаешь, --- иллюстрируя свою идею, он проделал несколько энергичных па, первых шагов сложной паваны. --- Так что, ты разрешаешь мне вмешаться в следующий раз? --- радостно спросил он. --- Защитить честь и, по совместительству, свою жизнь и все такое?

Морр снова кивнул и, не сказав ни слова, повернулся и пошел дальше по гати.

--- Конечно же, есть и другая вероятность, Морр, --- крикнул ему в спину Пестрый. --- Они могут подумать, что это ты подвергся порче --- ну, понимаешь, та же история, только наоборот. Так все время случается.

Морр не ответил. Пестрому пришлось потопорониться, чтобы догнать великана-инкуба, пока тот не растворился

В клубящемся тумане.

Приближенный секретарь был в ярости. Для него это было довольно обычным душевным состоянием, однако, как правило, оно имело менее определенные причины и заставляло его чувствовать себя могучим, а не беспомощным, как сейчас. Это была воистину бессильная ярость, и зазубренный язык секретаря ясно ощущал ее горький привкус. Избранный мастер Деваги поручил ему расправиться с Беллатонисом, чтобы Асдрубаэль Вект не успел узнать о том, какую роль этот отщепенец сыграл в возникновении Разобщения. Несомненно, этим избранный мастер исполнил свои собственные приказы, полученные от более глубоких ступеней Черного Схождения — патриарха-ноктис или даже великого управителя — чтобы «сделать что-то» с мастером-отступником, пока ковен не пострадал от гнева Векта. Это не оставляло приближенному секретарю иного выбора, кроме как повиноваться и постараться все исправить после того, как это не удалось.

Сийнү. К несчастью, секретарь в настоящий момент едва ли мог посвятить себя изобретению каких-либо достаточно коварных планов, потому что он был полностью занят тем, что пытался выжить.

Гелүнкүл сконцентрировался на пути сквозь закрученный лабиринт Черного Схождения. Он проделал семьсот девяносто одно движение, необходимое, чтобы добраться от комнаты с саркофагом на шестьдесят четвертой расщелине лабиринта до двадцать девятой расщелины, где располагались его собственные мастерские-лаборатории. Обыкновенно это не вызывало у него никаких причин для беспокойства. Шаги, которыми можно было пройти сквозь лабиринт, были выжжены в его памяти неизгладимыми огненными символами, но это было до Разобщения. Катаклизм изуродовал лабиринт в той же мере, что и город над ним. Сработали ловушки, агрессивные организмы вырвались на свободу, целые секции, по слухам, провалились в застенки внизу. Те

развалины, что вернулись с разведки, доложили, что обнаружили в ловушках множество извергов, ургулей и тысячи других мерзких тварей, которые выбрались из сломанных клеток.

И все же было необходимо произвести все эти движения, чтобы достичь определенной расщелины. Многие ловушки лабиринта автоматически восстанавливались после срабатывания, и некоторые из них работали так же эффективно, как будто ничего не произошло, ибо они были враждебны жизни по самой своей природе. Приблизженный секретарь кипел от злости и скрипел заточенными зубами из-за того, сколько времени ему приходилось терять, пригибаясь под невидимой мономолекулярной сетью, которая все еще могла быть на месте, готовая разрезать неосторожную жертву выше талии. В лабиринте имелись более удобные и быстрые маршруты, которыми можно было пройти к его цели, и ловушек там было немного или не было вообще, но ранг приближенного секретаря был

недостаточен, чтобы о них узнать. Он прошел еще шесть шагов и сдвинулся в сторону на шаг, чтобы не наступить на пластину, запускающую ловушку, которая считалась настолько ужасающей, что ему никогда даже не рассказывали о том, что она делает. Секретарь не мог сказать, сработала эта дурацкая штука или нет.

Следующие десять движений ему пришлось импровизировать, так как трубы наверху треснули, и содержащаяся в них органическая кислота вылилась на ровный базальтовый пол. Черный камень по-прежнему пузырился и шипел там, где его разъела кислота, и на нем образовались лужи едкой жидкости, от которой чудовищно воняло. Приблизженный секретарь с научной ловкостью прополз по стене, чтобы избежать всего этого месива, слез обратно на пол и проделал еще ряд шагов — с шестьюсот восемнадцатого по шестьсот тридцать первый — которые нужны были, чтобы не столкнуться с несколькими подвижными гравитационными аномалиями в следующем участке коридора. Еще один

шаг в сторону, чтобы избежать регулярно появляющегося в туннеле пламени, и он оказался у входа в двадцать девятую расщелину. Секретарь осторожно шагнул внутрь и осмотрел помещение.

К своему облегчению он обнаружил, что вход охраняют два громадных гротеска, блокируя его так же эффективно, как пара прочных дверей из плоти. Их крошечные головы, закрытые черными железными шлемами, как будто были добавлены к телам в самую последнюю очередь, после толстых слоев бугрящихся мышц и множества острых костяных наростов. Горбатые великаны пустили слюни, узнав его, и густая, вязкая жидкость повисла веревками с их решетчатых масок, словно желированные черви. Приближенный секретарь обругал обеих зверюг и отогнал их ударами своего короткого жезла статуса, чтобы пробраться внутрь.

За гротесками простирался глиняный темный зал, разделенный низкими стенами на отдельные боксы, где множество развалин трудилось за

верстакати, а горстка гелүнкүлов
руководила работами. Верстаки лотились
от множества разноцветных стеклянных
сосудов, бұлькающих реторт, склянок,
разнообразных металлических пластин и
компонентов, хирургических лезвий,
панелей с припиленными к ним органами,
потрескивающих проводов и рүнических
гримүаров. Их работу сопровождали
шипение, хлопки и взрывы, и над всем висел
клубящийся туман из үдүшливых
испарений и тлетворного дыма.

На какое-то время приближенный
секретарь погрузился в раздумья, не
обращая внимания на бурную
деятельность. Сийин попытался
использовать хитрость, чтобы
уничтожить Беллатониса. Но теперь уже
явно было слишком поздно для незаметных
способов. Все развалины и гелүнкүлы,
трудящиеся в боксах, были заняты
изготовлением оружия. Тут был
представлен весь спектр смертоноснейших
творений гелүнкүлов: мощные токсины,
попүляции вирусов, разжижающие пүшки,
перчатки плоти с пальцами-иглами, бичи-

агонизаторы, ловушки для душ и устройства, способные разрушить разум.

Секретарь пожевал губы в поисках ответа. Оружие — это замечательно, но нужен кто-то, кто будет им пользоваться. Можно организовать внезапный налет вооруженных до зубов гротесков и развалин, но как они найдут свою добычу и кто будет руководить ими? Если послать члена ковена, то они могут непреднамеренно привлечь внимание тирана именно к тому, что следует скрыть, а это совершенно недопустимо.

Пока он думал, его взгляд привлёк бокс, в котором, судя по всему, не велось никакой работы. Эта область была занята не верстаками и развалинами, но парой округлых объектов — по два метра в высоту и три в длину — которые пока что скрывались под грязной серой тканью. В тот же миг, как они попались секретарю на глаза, его ярость вспыхнула с новой силой. Вот он, ответ, брошенный и забытый! Он гордо прошествовал к боксу, стараясь не уронить достоинство спешкой.

— О, приближенный секретарь, вы

вернулся! --- льстиво приветствовал его тайный мастер, вышедший из соседнего отделения. Этот мастер носил маску из стали и адамантия, и его гладкую овальную голову поддерживала тонкая глиняная шея, подпигающаяся на подогревателями из многослойной металлической сети. Над одной из глазниц мастера судорожно закрутилось скопление крошечных линз и двигалось, пока не застыло в подходящей конфигурации.

--- Почему эти машины не работают? Они повреждены? --- нетерпеливо спросил секретарь, резко дернув головой в сторону накрытых тканью силэтов.

--- Насколько я знаю, нет, секретарь, --- осторожно ответил мастер, --- я не проверял их с начала... событий, но нет причин считать, что они сломаны, это...

--- Тогда немедленно подготовь их к активации! --- едва не завопил секретарь.

Несколько озадаченный тайный мастер удивленно наклонил вбок лысую голову.

--- Для какой цели, секретарь? ---

вежливо поинтересовался он. -- Под этим я подразумеваю, какую конфигурацию следует использовать?

Приближенный секретарь приподнял свой жезл статуса, чтобы ударить мастера, но справился с порывом. Это действительно был разумный вопрос -- как лучше их настроить, чтобы гарантированно прикончить Беллатониса? Секретарь быстро поразмыслил.

-- Они должны быть самоуправляемы, -- сказал он. -- Чтобы они могли независимо преследовать добычу. Их целью будет определенный индивид, и когда они его найдут, то пусть уничтожат до последнего атома.

-- Понимаю, секретарь, -- тайный мастер кивнул, думая над этой информацией. -- Для того, чтобы найти цель, будет психического следа. Возможно ли предоставить отпечаток?

-- Разумеется, -- фыркнул секретарь.

-- А способности цели? -- тайный мастер настойчиво задавал вопросы, как

будто ставя залочки в каком-то
мысленном списке. -- К чему она более
склонна, бежать или сражаться?

Приближенный секретарь сделал
паузу и подумал над вопросом. Судя по
тому, что ему было известно, Беллатонис
мог быть склонен и к тому, и к другому, но
если бы он попытался скрыться от машин,
когда весь город охвачен Разобщением, то
вряд ли бы это пережил.

-- Сражаться. При чем более вероятно,
что цель будет находиться в защищенном
месте, -- уверенно объявил приближенный
секретарь.

-- Превосходно, секретарь, --
удовлетворенно заключил тайный мастер.
-- Я немедленно начну подготовку к
внедрению ментального отпечатка.

Тайный мастер повернулся и ловко
сдернул ткань с одной из неактивных
машин, открыв взгляду изогнутый и
блестящий металлический корпус. Под
ним можно было различить множество
ножей и игл и несколько суставчатых
металлических конечностей, сложенных
так же аккуратно, как лапки насекомого.

Приближенный секретарь задумчиво
установился на машины, которые должны
были претворить в жизнь неизбежный рок
Беллатониса. Его тонкие зеленые губы
растянулись в неприятной улыбке, когда он
почувствовал, как ему нравится этот
план. Он сработает, он обязан сработать.

--- Отправь их, как только они будут
готовы, --- приказал приближенный
секретарь. --- Отпечаток тебе
предоставят в кратчайшие сроки.

Тайный мастер безмолвно кивнул,
уже поглощенный работой. Секретарь же
пошел дальше, чтобы найти подходящую
кислоту и достаточно развалин, чтобы
утихомирить то, что обитало в
саркофаге на шестьдесят четвертой
расщелине.

Глава 10

Другой вид наследования

Молодой Разицик Уллитуан охотился на нижних этажах крепости Белого Пламени, когда его призвал к себе архонт. Вскоре после Разобщения в катакомбах обнаружили лазутчиков Отравителей, пытающиеся прокрасться наверх, и его банда решила взять на себя охоту за этими паразитами. В итоге она оказалась сплошным разочарованием и не принесла почти никакого удовольствия. Отравители устраивали ловушки и засады, удирали, как рабы, и в целом только раздражали. В общем-то, неудивительно, учитывая, что это были лишь тени старого кабала, более привычные к бегству, чем к сражениям. Давно умерший великий Зовас Уллитуан века назад вытеснил из крепости последние остатки кабала Отравителей, подданных архонта Узийака. Они были вынуждены выживать среди сомафагов и

голодных нищих в соседнем шпиле, растеряв последнее достоинство. На самом деле, нельзя даже было сказать, пытались ли Отравители вторгнуться в крепость или просто сбежать из той преисподней, в которую превратился их собственный шпиль.

Поэтому извещение гало Разицику о возможности выскользнуть из бесполезного преследования без потери лица, просто заявив, что архонт требует его личного присутствия, поэтому он должен немедленно удалиться. Сначала он заподозрил обман, дешевую попытку кого-то из братьев или сестер отрезать его от остальных и сделать уязвимым для атаки, но на сообщении стояла личная печать Ниоса Улитуана, архонта Белого Пламени. Сомневаться в его подлинности было невозможно. Разицик оставил товарищей продолжать их скучное занятие и начал быстро, с молодой живостью подниматься по первой из бесчисленных лестниц, которые ему придется преодолеть, чтобы взобраться к вершине крепости. Сейчас было явно не время рисковать, доверяя свою

судьбу скверно работающим
гравиоплатформам и, в особенности,
порталам, поэтому волей-неволей
восхождение надо будет совершить
пешком.

Разицка ненадолго посетила мысль
насчет того, чтобы найти какой-нибудь
транспорт и облететь крепость снаружи.
С двух сторон под покатыми выступами ее
бронированной кровли простиралась
трехкилометровая бездна, в самом низу
которой подножье цитадели упиралось в
Козоть Ашкери и причальное кольцо.
Ближайшие два шпиля возвышались с двух
других сторон, и их контролировали
кабалы, номинально являющиеся
союзниками Белого Пламени. Ядовитое
отродье архонта Узийака, как и многие
другие темные архонты, обитало в
возвышавшемся неподалеку
скелетоподобном шпиле из темного
металла, но на открытом пространстве
они не представляли собой никакой угрозы.
Многочисленные декоративные шпили,
колонны, розетки и статуи, которыми
была покрыта вся внешняя поверхность

дворца Белого Пламени, таили в себе
сотни темных копий и пушек-
дезинтеграторов.

Близкое воздушное пространство
должно быть безопасно, кроме того, полет
будет куда быстрее и не столь
устотителен для ног. Разумеется,
учитывая обстоятельства, эти же самые
батареи дезинтеграторов вполне могли
уничтожить все, что засекли поблизости
от цитадели, вне зависимости от
принадлежности. Анархия Разобщения
напитала воздух лихорадочным
возбуждением, чувством, что может
случиться все, что угодно, и что оно
скорее всего случится. Это порождало яркую
выраженную тенденцию стрелять первым
и не задавать никаких вопросов. Подобный
прискорбный «несчастный случай» был бы
слишком удобен для некоторых
родственников, чтобы те смогли
противостоять соблазну его подстроить.
Поэтому оставались только ступеньки.

Разицка позабавило, как быстро
менялись лестницы по мере того, как он
взбирался к вершине цитадели. На самых

нижних уровнях они были узкими и извилистыми, а ступени из дешевого пористого камня или ржавеющего металла износились настолько, что приобрели почти U-образную форму. На более высоких этажах они выпрямились, стали значительно шире и приобрели больше украшений. Здесь ступени были чисты и сделаны из сверкающего металла или полированного камня.

Разицки не мог припомнить, когда последний раз лицом к лицу встречался с архонтом, Ниосом Улитуаном. Большая часть его кровных братьев и сестер чувствовала, что в целом от этого старого интригана надо держаться подальше, не привлекая к себе излишнего внимания. Старый Ниос был довольно-таки сдержан по сравнению с некоторыми из своих собратьев, но он все равно был хладнокровным убийцей, который без капли сожаления заглушил бы потенциального соперника в колыбели. Разицки осознал, что Ниос, вероятно, хочет расправиться с ним. Однако вызывать жертву к себе, чтобы убить, выглядело излишним, если

только причиной не было какое-то личное оскорбление. Разицки вывернул свою память наизнанку в поисках того, что такого он мог сделать, чтобы вызвать гнев архонта, но ничего не вспомнил. В любом случае, не прийти означало подписать себе смертный приговор, поэтому он продолжал взбираться вверх, хотя уже и не так живо, как раньше.

Еще выше, и лестницы перешли в широкие спирали из алебаstra и оникса, украшенные декоративными балюстрадами и флеронами из застывшего пламени. На одном из этих уровней Разицки встретили двое инкубов архонта, которые дожигались его прибытия. Они отвели его в вестибюль, где находился вход — арка, состоящая из огромных, заходящих одно за другое крыльев из платины, золота и серебра.

Инкубы не стали сопровождать Разицки внутрь, и, когда он прошел через арку, кованые крылья ожили и соткнулись позади, оставив его в полумраке. Стены были изысканно украшены фресками, изображающими победы Белого Пламени.

и заграпированы кожами и знаменами
павших врагов. Когда глаза Разицка
приспособились к тусклому освещению, он
увидел маленький круглый столик,
стоящий в центре комнаты. Кроме него,
из мебели здесь присутствовал лишь
безыскусный трон в дальнем конце
помещения. Вздрогнув, Разицк осознал,
что на троне полужимит фигура,
полностью скрытая под широким
одеянием. Когда он шагнул вперед, чтобы
разглядеть ее получше, та слегка
сдвинулась и заговорила.

— А, Разицк, наконец ты явился, —
произнесла она. Голос принадлежал
архонту, однако был несколько
искаженным, шипящим. Впервые по
позвоночнику Разицка проскользнули
призрачные пальцы страха. Что
происходит?

— Я пришел по вашему приказу, мой
архонт, — с тревогой ответил он. — Чем я
могу послужить вам?

— Я посвятил жизнь этому кабалу,
Разицк, я беспрестанно трудился,
чтобы возродить благородные гота.

Каждое мое действие порождено любовью к своему дому и желанием сохранить его в будущем, но мое время подходит к концу. Ты понимаешь? Это тело больше не выдержит...

Разицкич почувствовал и изумление, и восторг. Ходили слухи, что архонт ранен и потерял дееспособность, но то, что он открыто признавался в этом, значило две вещи — старый Ниос доверился ему, и при этом он слаб и уязвим. Разицкич с готовностью шагнул вперед.

— Нет! Скажите, что это не так! — убедительно запротестовал он. — О, мой возлюбленный архонт, какая жестокая судьба постигла вас?

— Мне не нужно твое сочувствие! — выплюнул архонт. — Ты, как и все прочие члены моего рода, недостоин имени Улитуанов! Слабые, самодовольные, неблагодарные сибариты, все до единого! Никто из вас недостоин возглавлять этот дом!

— Сожалею, что не соответствую вашим идеалам, архонт, — ледяным голосом ответил Разицкич, в то время как

ругань Ниоса перешла в мешанину шипения и надрывного кашля. У него все еще были меч и пистолет, с которыми он охотился в катакомбах, и инкубы не подумали разоружить его. Он задался вопросом, сколько понадобится времени, чтобы пересечь комнату и всадить клинок в сердце архонта. Немного, решил он. Разицкик ступил в сторону, чтобы обойти столик в центре комнаты. При этом он заметил, что на столе что-то поблескивает. Это была корона из темного металла с двумя удлиненными зубцами, которые выдавались бы над лбом носителя, подобно рогам.

--- Да, корона, --- тихо сказал архонт. --- Ты можешь прямо сейчас убить меня, но сначала выслушай...

--- О, я так не гутаю! --- воскликнул Разицкик, выхватил меч и ринулся вперед. К его удивлению, архонт не сдвинулся с места и остался на троне, даже когда острое клинка с хрустом вонзилось в его грудь. Первый удар, судя по ощущению, не дошел до плоти, видно, под одеждой была какая-то броня. Разицкик не стал

тратить время на раздумья, снова и снова
вонзая меч в неподдающееся тело. Его
охватил восторг убийства, и он начал
яростно кромсать фигуру на троне, пока
она не рухнула, испустив последнее,
отчаявшееся шипение.

Разицки перестал рубить, застываясь,
перевел дыхание и снова расхохотался.
Руки его дрожали от прилива адреналина.
Он ожидал, что в любой миг сюда ворвутся
инквизиторы, но их не было. Теперь он, Разицки,
стал архонтом, и они подчинены ему, как
и все остальные души в крепости Белого
Пламени. С чего начать? Неплохо
с началом будут дары для гурьев и
отпущение врагам. Тут ему на глаза вновь
попалась корона, по-прежнему лежащая на
столе. Да, лучше начать вот с этого.

Разицки подобрал корону и взвесил ее
в руках, на миг залюбовавшись мастерской
работой. Несомненно, Ниос натеревался
передать ему древний символ власти,
который продемонстрировал бы кабалу,
что новый лидер получил его
благословение. Разицки снова растаял
наг спесью старого архонта и его

иллюзиями, что это все еще может что-то значить. И все же, корона сама по себе ценна как трофей, и, нося ее, он всегда будет помнить об этом великоленном моменте. Он медленно возложил корону на свою голову, чувствуя, как примеряет на себя роль владыки. Он будет грозным архонтом, грозным, могучим и... незабвенным.

Невыносимая боль пронизала виски Разицика, раскаленно-белый жар, который выжег из него все мысли, всю волю, кроме лишь желания кричать. Он отчаянно рванул корону, но та осталась крепко сидеть на месте, словно ее приварили к голове. В глубине тела возникло раздирающее чувство, как будто неведомая сила выкручивала нечто из самого средоточия его существа. Если бы только Разицик еще мог видеть, он бы узрел, как из его глаз и рта появляются извивающиеся нити света и тянутся к трону сраженного архонта, лежащего у подножия трона. Если бы он еще мог различать звуки, то услышал бы, как его собственный надрывный вопль набирает

неописуемую высоту, а затем резко обрывается, оставив после себя злобещую тишину.

Световые нити угасли, снова погружив зал в полумрак. Несколько долгих секунд Рэзирик раскачивался на месте, потом вдруг пошатнулся, но не упал. Видно он растерянно осматривал себя, а потом изверг густой поток ругательств.

— Спасибо тебе, что абсолютно ничего не делал, пока этот маленький ублюдок пырлял меня мечом! — сердито воскликнул он.

Мастер-гемункул Беллатонис появился из-за портьеры, держа в одной глиняной руке большой шприц, полный красной жидкости, а в другой — необычный пистолет с закрученным спиралью стволом. Беллатонис, судя по виду, не оскорбился этой вспышкой гнева. Он повесил не приспособившийся пистолет обратно на пояс, и на его лице отражалось лишь легкое веселье, витающее вокруг торженистых губ.

— Я с самого начала говорил, что для того, чтобы устройство сработало

правильным образом, лучше всего будет, если субъект наденет его добровольно, --- мягко сказал гетункул. --- Я посчитал вероятным, что он так и сделает в свой миг триумфа, несмотря на довольно грубый отход от задуманного сценария.

--- Вероятным? В тебя когда-нибудь вонзали меч, Беллатонис?

--- Неоднократно, мой архонт, --- пробормотал Беллатонис, приближаясь. Он вонзил иглу шприца глубоко в шею Разицка --- теперь, вернее, Ниоса --- и медленно надавил на поршень.

--- Что ж, это не из тех вещей, которые приносят мне удовольствие, пусть даже со стеклянной плотью, --- ощерился Ниос Уллитан.

В душе же он чувствовал восторг от того, что его губы и щеки снова могли свободно двигаться, и поэтому он быстро менял выражение лица, то ухмыляясь, то хмурясь, зевая и снова скалясь. Это было приятно, несмотря на продолжающуюся боль от инъекции.

Наконец Беллатонис убрал шприц и оценивающе взглянул на новое лицо

Уллитуана.

--- Я бы так не сказал, когда только что увидел его, но теперь Разицик действительно выглядит как вы, --- вынес вердикт гетүнкүл. --- Что-то в глазах.

--- Целеустремленность и легкий оттенок интеллекта, гетүнкүл, ничего более.

Нус наклонился и подобрал меч Разицика, который лежал там же, где вынул у того из рук. Чувствовать оружие в ладони тоже было приятно. Он с силой вогнал клинок в лежащее тело, ставшее теперь пристанищем бесполезной душонки Разицика. Мучительное шипение, которое вырвалось из него, было слишком хорошо знакомо Уллитуану. Архонт наклонился, чтобы взглянуть в изуродованное лицо своего старого тела.

--- Все еще с нами, Разицик? Хорошо. Я знаю, ты слышишь меня, --- протурлыкал Уллитуан, медленно проворачивая клинок. --- Не беспокойся, в то незначительное время, что тебе осталось, ты заново научишься говорить --- по крайней мере, я могу гарантировать, что ты снова сможешь

кричать.

Жалкое булькающее шипение, вот и все, что смог выдавить из себя Разицин. «Есть куда совершенствоваться», — подумал Ниос. Он оставил меч торчать из тела и повернулся обратно к гелүнкүлү с чем-то вроде признательности на лице.

— Угу за мной, — без обиняков сказал он и нажал на огин из поглотников трона. Участок стены поднялся вверх, и за ним обнаружился другой, более просторный зал.

— А что делать с молодым самозванцем? — спросил Беллатонис, ткнув ногой покрытую стеклом массу на полу.

— Пока что оставь — ты можешь его как-нибудь заморозить? Проглотить ему жизнь?

— Конечно, я сохраню его до тех пор, пока у вас не появится время для нормальной аудитории, — сказал мастер-гелүнкүл. Он вынул еще один флакон, на сей раз с зеленоватой жидкостью, и вставил в шприц. Встав на колени и наклонившись, Беллатонис в нескольких

местах пронзил излои стекленеющее тело.

— Отлично. А теперь иди сюда, я должен подготовиться.

Помещение за фальшивой стеной было гораздо больше первого, которое, как теперь стало очевидно, было для него не более чем преддверием. Оно было настолько широко, что потолок от этого казался низким, а углы терялись в потемках. Освещение исходило лишь от изогнутой стены, выложенной из многих слоев метровых блоков, похожих на стекло. Сквозь нее можно было увидеть поразительно ясную картину всего, что происходило снаружи. Свет, проходящий внутрь, хаотично менял яркость, то разгораясь, то снова тускнея, вторя толпам, сверкающим над городом. По всему залу были разбросаны разнообразные и довольно-таки одинокие с виду шкафчики, диваны, столы и другие предметы мебели, которые лишь подчеркивали обширность темного пространства. То, что Беллатонис поначалу принял за декоративные колонны

у стеклянной стены, оказалось рядом металлических урн, в которых росли узловатые черные деревья с обвисшими широкими листьями.

Подойдя к одному из шкафов, Уллитюан начал раздеваться. Оказавшись нагим, как новорожденный, он открыл дверцу и вынул оттуда новые одежды, черного цвета и без всяких украшений. Беллатонис пошел к стеклянной стене, чтобы посмотреть наружу, как все они всегда делали. Уллитюан улыбнулся — это было слишком просто.

— Чем ты теперь намерен заняться? — будничным тоном спросил Уллитюан, одеваясь и глядя, как деревья в урнах беззвучно протягивают листья к гелүнкүлү. — Кстати говоря, поберегись черных деревьев элох, — злорадно добавил он в самый последний момент. — Они кусаются.

Беллатонис повернулся и почти нежно отбил в сторону тянущийся к нему отросток.

— О, я прекрасно осведомлен о наклонностях этого вида, мой архонт.

Широта вашего кругозора весьма впечатляет -- я и не думал, что вы разделяете мой интерес к возвращению плотоядных растений.

Уллитан пожал плечами и махнул рукой, с неубедительной скромностью отказываясь от комплимента. Про себя он отметил, что оказался прав -- мастера-гемункула никогда не угастят так просто загнать в ловушку.

-- Это всего лишь увлечение моего прадеда, Зоваса Уллитана, -- сообщил он Беллатонису. -- Я чту его память, поддерживая жизнь растений. Если честно, то они немного напоминают мне его самого -- цепкие и вечно голодные.

Теперь, приблизившись к стеклянной стене, Беллатонис мог видеть все, что происходило снаружи шпиля -- крепости Белого Пламени. Вид был поразительный. Далеко внизу вытянулся Козоть Ашкери, его острые углы и бесчисленные шпины, отходящие в стороны, исчезали из виду вдаль. То место, где он соединялся с искусственным горизонтом, сформированным гигантским причальным

кольцом, буквально терялось во мраке, однако невооруженный глаз еще мог различить эту бледную линию. В трех километрах внизу, в том месте, где коготь сливался со шпилем, виднелись прокаженные кварталы Нижней Комморры, наплывавшие друг на друга подобно конкурирующим за место на ростам грибов. Несмотря на то, что стеклянная стена описывала весьма широкую дугу, с этого угла не было видно ни одного другоза шпиля Верхней Комморры, что, вероятно, и было единственной причиной, по которой в структуре башни вообще существовала эта уязвимая точка.

В обычное время панорамы внизу кишела бы жизнью: корабли, снующие у шипов-причалов, толпы рабов, привезенные в город, армии налетчиков, бесконечным караваном уходящие во внешний мир. Теперь же там двигались только бесконтрольно распространяющиеся пожары. В окрашенной во множество оттенков пустоте ярко горели еще тысячи огней, распустившихся подобно розам на корпусах разбитых кораблей. Они

беспомощно дрейфовали, пожираемые собственным внутренним термоядерным пламенем. Безжизненный свет, проливаемый Улмеями на всю эту сцену, постоянно менял яркость, как будто их временами скрывали облака — но там, где они висели, не могло быть никаких облаков. Какая-то часть сознания Беллатониса не желала поднимать глаза и рассматривать то, что мешало свету, и он повиновался этому инстинкту, вместо этого устремив свой взгляд вдаль.

Узменчивая пелена пустоты за презрадами обычно была прозрачна, временами переливалась радужными оттенками, но, как правило, оставалась темной, сохраняя лишь нарек на непостоянный перламутровый блеск. Теперь же она стала яркой, ядовитой и превратилась в истерзанное бурей небо, наполненное гневными, теснящими друг друга грозowymi тучами глубоких синих и зеленых цветов и пронизанное копьями сверкающих многомерных молний. Зловещие тучи как будто накатывали все ближе, громогдились над вершиной шпиля,

наг Верхней Колторрой и наг всем городом, как гигантская застывшая волна... Беллатонис осознал, что Уллитриан остановился в процессе надевания металлических-серых сабонов и ждет его ответа.

--- Простите, что я отвлекся, мой архонт, вид снаружи довольно-таки... граматичен. С вашего позволения, я надеюсь на какое-то время остаться в комфортабельных и безопасных пределах вашей крепости.

--- О, действительно? --- Уллитриан улыбнулся. --- Эта мысль не приходила мне в голову. Полагаю, ты можешь временно поселиться в старых покоях Сийина. Если я дам свое разрешение, конечно.

--- Конечно.

Уллитриан снял со стойки черную поблескивающую кирасу и пристроил ее на свой торс. Броня слабо вздохнула, бережно окутывая его, и изменила форму так, чтобы идеально облежать контуры тела.

--- Я уже довольно давно не замечал присутствия Сийина, --- тихоходом заметил архонт. --- Это довольно странно.

Беллатонис не клюнул на наживку. Оба они прекрасно знали, что предыдущий гелункул Улитуана, Сийин, был убит никем иным, как самим Беллатонисом. Однако этикет Верхней Колморры, выработанный бесчисленными веками интриг и предательств, гласил, что прямой разговор о подобных вещах является верным знаком чрезмерной бестактности или недалекости.

— Мне кажется маловероятным, что он еще когда-нибудь появится, — вслух подумал Беллатонис, по-прежнему отвлеченно глядя вдаль. Одной из его излюбленных персональных модификаций была имплантация пары чужих глаз в свои выпирающие лопатки. Сконцентрировав на них часть разума, он мог наслаждаться полным панорамным обзором своего окружения, в том числе и следить за Улитуаном, одновременно созерцая разрушения. Такие же сцены, как то, что происходило внизу, вне всякого сомнения тысячекратно повторялись по всей Колморре. В воздухе витало почти осязаемое ощущение страданий, и

Беллатонис находил его предельно пьянящим.

Он пощекотал еще один любопытный лист элоха под центральной жилкой, и отчего тот произвольно скрутился, и поразмыслил над вариантами действий. Уллитриан пытался выудить информацию о столкновении между ним и Сийином, и это вряд ли было в лучших интересах Беллатониса. С другой стороны, одна лишь прихоть Уллитриана могла на ближайшее время предоставить гетункүлү безопасность, а с третьей, если понадобится, архонт мог просто созвать придворных со всей крепости, чтобы те исполнили его волю. Беллатонис решил, что мудрее всего будет дать собеседнику то, что он хочет.

--- Возможно, есть вероятность, --- сказал он, --- что ревность Сийиной, порожденная моей связью с вашей благородной личностью, довела его до приступа безумия, в результате чего он предпринял действия, которые в конце концов погубили его.

Уллитриан закрепил на плече второй

шпастый наплечник, а затем натянул пару перчаток, соединенных со снабженными крючьями наручами, которые закрывали руки от запястья до локтя.

— Действительно, Сийин не всегда мыслил исключительно в лучших интересах своего архонта, — сказал Уллитюан. — Я спрашивал себя, не замешан ли в исчезновении его ковен. Он ведь был членом Черного Схождения, так? Как и ты?

Вот оно. Это было не так сложно выяснить, но это доказывало, что Уллитюан хорошо информирован обо всем. Беллатонис начал беспокоиться, что недооценил сообразительность архонта. Он повернулся и посмотрел на него прямо. Уллитюан выглядел великолепно: полный боевой доспех, плащ цвета киновари, высокий шлем, который он держал на сгибе руки, меч на боку и розатая корона на голове. Беллатонис должен был признать, что тот выглядел как истинный архонт. В твердом взгляде Уллитюана не было ни намека на слабость, нерешительность или

милосердие, и он по-прежнему ждал ответа
Беллатониса.

— Я уже довольно давно разошелся с
Черным Схождением, мой архонт, —
осторожно начал Беллатонис. — В то
время мой уход вызвал определенную обиду,
хотя дело было на самом деле пустяковое.
Полагаю, есть вероятность, что Черное
Схождение уничтожило Сийна в
отместку за то, что тот имел дело со
мной. Я так понимаю, что именно он
впервые обратил ваше внимание на мои
способности.

Пока он говорил, Уллитван
внимательно наблюдал за лицом
гелүнкүла, пытаясь вычислить, правду ли
он говорит, по мимике этой маски,
искаженной бесчисленными операциями. Не
явная ложь, решил архонт, но в лучшем
случае полуправда. Беллатонис, похоже,
явно считал, что ковен был как-то
задействован в этом деле, что было
довольно интересно. Уллитван мысленно
записал этот факт для дальнейшего
исследования. Но сейчас его внимания
требовали более важные дела, важнее

даже, чем теснь гетүнкүлү, искалечившему его прежнее тело. Нельзя заставлять ждать трижды проклятого Верховного Властелина, Асдрубэля Векта.

— Хорошо, я разрешаю тебе занять покой Сийина до дальнейших распоряжений, — сказал Уллитюан и отмахнулся от благодарного поклона гетүнкүла. — Мне надо отправиться к Центральному пикну и выслушать, чего желает Верховный Властелин. Когда я вернусь, ты должен быть здесь, нам еще многое предстоит обсудить.

Уллитюан проигнорировал еще один поклон Беллатониса и вышел из оранжереи с величественно развевающимся за спиной плащом. Гетүнкүл поспешил направиться за ним, вероятно, опасаясь, что может оказаться заперт в потайной комнате. Уллитюан дошел до вестибюля, как его вдруг посетила неожиданная мысль.

— Что стало с головой старухи, Беллатонис? Я принес это проклятое создание на банкет Эль'Уриака, как ты

предложил, но там ее и оставил. Ты знаешь, где она?

— Нет, мой архонт, — ответил Беллатонис, на долю секунды слишком быстро. — Я могу начать поиски, если вы пожелаете, однако, боюсь, она была уничтожена Разобщением.

Ложь. Ложь. Ложь. Уллитриан чувствовал себя превосходно, и его тахинаторские способности постепенно возвращались в образе ярких вспышек озарения. Он ни капли не сомневался, что старуха Анжевер по-прежнему находится во власти Беллатониса. А следовательно, она находилась и во власти Уллитриана.

Глава 11

Клинки Архры

Нестрый первым почувствовал нечто неправильное. На самом деле, болезненное ощущение тревоги закралось внутрь еще после первого поединка и так и не покинуло его. Кровавый кодекс чести инкубов можно было считать достойным одобрения, пока тот действовал в пределах Котморры, но здесь, в Паутине, он выглядел совершенно иначе. Это было все равно что наблюдать за каким-то хищным глубоководным созданием, которое в своей собственной среде обладало стертоносной красотой, стоящей того, чтобы ей восхищались. Однако, если извлечь это существо из океана и изучить под ярким светом и чуждым ему давлением верхнего мира, станет ясно, что это нечто отвратительное, чудовищное и противоестественное.

Арлекин задавался вопросом, является ли субреальность храма истинной

субреальностью или же снами Архры, которые стали материальны. То, что Пестрый действительно знал об Архре, могло легко уместиться на салфетке да еще оставить место для одного-двух сонетов, но он все равно мысленно повторил все, что ему было известно. Архра, как гласили мифы, был одним из легендарных Лоргов-Фениксов, которые появились вскоре после Нагения. Когда разрозненные, жалкие остатки эльдарской расы боролись за выживание во враждебной вселенной, Лорды-Фениксы пришли к ним, чтобы научить их путям войны.

У разных эльдарских народов существовали различные истории об их происхождении. Некоторые верили, что Лорды-Фениксы — последние частицы богов, которым, как Каэла Менша Кхейну, пришлось принять смертную форму, чтобы спастись от голода Слаанеш, сущности, которую эльдары называют Та, что Жаждет. Другие же придерживались мнения, что они были духами предков — самых могучих эльдарских воинов всех времен, которые вернулись к жизни, чтобы

снова спасать своих сородичей. Третьи считали Лоргов-Фениксов новыми силами, существами, которые появились среди тех, кто пережил Нагение, и стали чем-то новым, более могущественным. Боги ли они были, полубоги или призраки, но аспектные воины, которых они обучали, никогда не рассказывали об их тайнах.

Архра был известен как Отец Скорпионов, и говорили, что между ним и другими Лоргами-Фениксами существовали глубокие, непримиримые противоречия. Лорды-Фениксы проповедовали дисциплинированность и осторожность, сохранение ядра эльдарской расы на искусственных мирах и медленное восстановление. Они предвидели, что в будущем обостренные войной страсти могут уничтожить то, что осталось от эльдаров. Пестрый знал, что аспектные воины учатся принимать определенную личину, «аспект войны», который ограждает их души от резни и не позволяет выработать к ней вкус. И, как и во многих иных вещах, эльдары искусственных миров видели в жажде

кровопролития и бессмысленном насилии
врата, через которые Хаос мог
проникнуть в души и обречь их на гибель.
Однако то, во что верил Архра, оставалось
секретом, известным лишь его
последователям — инкубам.

— Морр, не расскажешь ли ты мне об
Архре? — наконец рискнул Пестрый. — Раз
уж ты идешь в его храм, мне, чувствуя,
следовало бы узнать о нем побольше. Я
слышал то, что могли поведают о нем
искусственные тиры, но подозреваю, что
их версия может быть слегка
пристрастной.

Морр фыркнул.

— Я уверен, что они изображают его
просто как нашего героя, как еще один
урок об опасностях Хаоса. Хорошо, я
расскажу тебе об Архре так, как учат
кандидатов в самом храме. Суди сам,
какова была истина.

Путь была скользкой от слизи, и
неровные плиты, из которых она состояла,
местами полностью утонули в лужах
вздвигавшейся грязи. Туман здесь опускался
ниже и становился гуще. Он висел вдоль

дороги влажными щупальцами, и деревья за ним казались плоскими, двутерными изображениями, словно декорации на сцене. Размеренный голос Морра был единственным звуком, который нарушал безмолвие болота, пока он излагал историю Архры.

— После великого катаклизма Падения эльдары оказались рассеяны и лишены руководства. Распутство и эгдонизм подорвали всякое подобие порядка, которое у них было, и не оставили им почти никаких знаний о том, как обороняться. Выжившие становились добычей рабских народов, их изгоняли из родных мест в другие, и они стояли на грани вымирания. Наконец, появилась группа героев, которые могли противостоять врагам своей расы. Это были Лорды-Фениксы, о которых рассказывают жители искусственных миров. Так они их называли, потому что верили, будто эти воины возродились из существностей погибших богов. Первым из них был Азуртен, но вскоре за ним последовали

другие, включая самого Архру.

Герои сражались за благо всего народа и учили других, как сражаться, чтобы защитить себя. У каждого из них были собственные приверженцы, посвятившие себя определенному стилю боя: воины Азурмена были стремительны и смертоносно метки, убийцы Маугана-Рапожинали души издалека, а последователи Архры учились использовать в сражении подлинный дар ярости.

Архра научил их, как дисциплинировать и направлять ярость, как черпать силу из своего гнева и наносить удар с ее помощью. Вскоре никто не мог устоять перед ними. Другие герои спорили с методами Архры. Они хотели, чтобы эльгары научились принимать роль воина и выходить из нее, будто снимая или надевая мантию, они хотели бросить народ Котморры и сражаться лишь за искусственные миры. Архра понимал, что долгая война с Хаосом требует, чтобы все народы были истинно ей преданы, он не желал жалких компромиссов ради благомногогих. Он отказался принимать

идеалы других героев и пошел собственным путем.

В храмы Архры стекались приверженцы, и он проверял, достойны ли они. Он убивал всех слабых и порочных и обучал дисциплине и искусству боя только тех, кто был наделен достаточной яростью, чтобы выстоять перед ним. Где бы ни возникала угроза Хаоса, Архра всегда противостоял ей. Говорят, что в последнем своем сражении Архра бился один, без отдыха, на протяжении многих дней и ночей. Другие герои не пришли ему на помощь. В конце концов темный свет Хаоса пронзил сердце Архры. То, что вернулось потом к храму, имело лик Архры, но полыхало нечестивым огнем, вселившим в учеников ужас и безумие.

Когда уже казалось, что все потеряно, они услышали из пламени голос своего наставника. Он приказал им собрать всю свою ярость и выступить против него, ибо это — последнее испытание их учений. У такова была их преданность, что они подчинились, несмотря на страх. Они сразили оскверненную смертную оболочку

Архры и вкүсили его нетронүтый дүх, вобрав его в себя, чтобы үчение Архры могло сохраниться навечно.

Морр затолк, и Пестрый спросил себя, в чем истина, лежащая междү легендами искусственных миров и мифами храма Архры. Обе стороны соглашались, что он сражался с Хаосом и пал перед ним, однако расходились в том, что произошло позже и чем все закончилось.

Засада была практически идеальной. По мере приближения к храму күпы деревьев начали встречаться все ближе к гати, а сами деревья стали более высокими и үзловатыми, с огромными разветвленными корнями, которые торчали наружү и в некоторых местах изгибались, как арки, над самой дорогой. Нападающие избрали место, которое не было настолько очевидно, как проход под корнями или особенно гүсто заросшая область. Когда Морр и Пестрый вышли в естественный амфитеатр, образованный четырьмя крупными деревьями, они үже тинүли дюжинү таких же мест, многие из

которых могли предоставить даже лучшее укрытие для врагов, поэтому ни один из них не насторожился. Это место не отличалось ничем, кроме того, что было идеально пригодно для засады, и именно поэтому она оказалась настолько близка к успеху.

Нестрый легко шагнул по гати за Морром, держа оружие наготове и излучая больше уверенности, чем чувствовал на самом деле. Все его чувства были напряжены и непрерывно изучали темные, затянутае гылкой лощины и кроны деревьев вокруг. Огромный черный массив храма Архры исчез за зарослями, но Карлекин по-прежнему ощущал его присутствие впереди — весомое, злобещее присутствие. Нестрый посмотрел вперед, вдоль дороги, и вдруг ему на глаза попался какой-то темный силуэт в тумане. Тот мелькнул и сразу исчез, но этого было достаточно, чтобы Нестрый отбросил всякую осторожность и прокричал предупреждение.

— Берегись, Морр! — завопил он. Едва слова сорвались с его губ, как со всех

сторон послышался шорох листьев и треск ветвей, и из ниоткуда появились четверо инкубов, окружив обоих путников. Двое прыгнули с нависающих над головами крон, словно уродливые пауки, еще двое вырвались на поляну из укрытий, созданных корнями, разметав их широкими взмахами сверкающих клэйвов. Воины в черно-зеленых доспехах сразу же атаковали, затахиваясь гвурчущими мечами, чтобы кромсать и убивать. Трое нацелились на Морра, еще один направился к Пестроту, и в его движениях сквозила расслабленная медлительность, выдающая презрение к доставшейся ему задаче.

Со скоростью мысли клыки из кровавого камня, закрепленные на шлеме Морра, полыхнули губительной энергией. Коня багряного цвета пронзили одного из наступающих инкубов, и тот отлетел назад, охваченный парализующими судорогами. Морр ринулся вперед, чтобы сразить выведенного из строя врага, но другие двое тут же бросились навстречу и заставили его уйти в оборону. Клэйвы рассекали воздух, метались назад и вперед,

блокируя и нанося контрудары с неразличимой для глаза скоростью. Морр не отступал, но это давалось ему с трудом.

Четвертый инкуб вскинул клэйв, натереваясь рассечь Пестрого одним ударом от шеи до паха. Длинноствольный пистолет в руке арлекина дважды плюнул снарядами, но лишь выбил искры из боевого гонимого, несколько не затеблив наступающего врага. Клэйв обрушился сверху вниз, и, казалось, ничто не в силах остановить смертельный удар, как вдруг Пестрый взорвался облаком ослепительных искр света. Клинок инкуба прошел через пустоту, а Пестрый, на секунду полностью скрывшись под своим гомино-полем, кубарем выкатился из-под него. Инкуб повернул клэйв, переведя вертикальный удар в широкий горизонтальный взмах, и двухметровое лезвие устремилось за бешено пляшущим многоцветьем.

Пестрый подскочил и перекувырнулся через спину, пропустив клэйв под собой. При этом ему удалось взглянуть на Морра, пусть и вверх ногами. Тот снова

сделал вышаг в сторону одного из нападающих, но ему пришлось отступить и защищаться, так как другой инкуб тут же атаковал его со спины. Двое инкубов кружили, стараясь удержать пришельца между собой, пока третий оправлялся от залпа невральная энергии. Если все трое набросятся на Морра одновременно, то одолеют его в считанные секунды. Три клэйва против одного просто пробьют его оборону, растерзают броню и зальют всю глотать его кровью.

Нестрый приземлился одной ногой на плоскую сторону размытого от скорости клэйва, оттолкнулся и в прыжке пнул противника в лицо. Мягкая туфля несколько не навредила прочному боевому шлему инкуба, но этого толчка хватило, чтобы дезориентировать воина на мгновение. Секунды, пока Нестрый пролетал над его головой. Арлекин приземлился прямо за спиной инкуба, крутанулся на месте и легонько постучал его по плечу. Инкуб взревел от гнева и повернулся со свистом рассекающего воздух клэйва. Его рука поднялась на уровень плеча, готовая

описать клинком сверкающую дугу. У
тогда Пестрый со смертоносной
точностью ударил его кулаком в
подмышку, туда, где на тиз разошлись
пластины брони.

Ункүб пошатнулся от казавшегося
слабым удара, и клэйв выпал из его рук.
Воин продержался на ногах еще секунду, а
потом рухнул на спину, и из каждого
сочленения и шва его доспехов потекла
кровь. Он пал жертвой «поцелуя арлекина»,
простого и смертоносного оружия, которое
незаметно прилостилось на запястье
Пестрого. Это полое устройство
содержало сто метров мономолекулярной
проволоки, туго свернутой наподобие
спирали. От удара кулаком нити
моноволокна, разматываясь, вылетали
вперед и моментально втягивались
обратно. Если кончик проволоки вонзался в
плоть жертвы, то нити проникали внутрь
и за долю секунды доводили ее органы до
консистенции супа.

Пестрый не стал тратить время,
оплакивая кровавую кончину своего
противника. Он сразу переключил

внимание на Морра, который сражался за собственную жизнь против трех других инкубов. Ему удалось оттеснить одного из врагов в трясину на краю гати. Другого он удерживал свирепыми взмахами клэйва, успевая при этом осыпать ударами того, который увяз в болоте, но третий противник уже пришел в себя и снова встретился в гущу битвы. Когда Морр повернулся, чтобы обрушить последний отчаянный удар на инкуба в трясине, остальные воспользовались моментом и прыгнули вперед, заноса клэйвы над спиной Морра. Пестрый уже мчался к нему и поднял пистолет, чтобы выстрелить в гущу рукопашной, хотя это уже не могло изменить ее исход.

Слишком поздно враждебные инкубы поняли, что их обманули. В последний миг Морр изменил направление клэйва, крутанулся на месте, и смертоносный клинок, повинувшись инерции, описал смертоносный круг. Конечно, удар был сделан наугад, не видя цели, и любой из инкубов мог бы увернуться или парировать его, если бы был один. Но их было двое, они

двигались рядом, рефлексы одного из них все еще были затормозены из-за выстрела, поразившего нервы, и это фатально повлияло на их способность защищаться. Крючковатое острое клэйва с хрустом вонзилось в плоть, и Морр вырвал его, выпустив фонтан крови. Один из инкубов отступил с неестественно повисшей рукой, почти отрубленной этим ударом.

Нестрый большими прыжками преодолел разделяющее их пространство, осыпая выстрелами раненого инкуба, хотя тот не был его главной целью. Он надеялся, что Морр поймет его намерения и не выпотрошит его случайным взмахом меча. Огромный инкуб, похоже, полностью сконцентрировался на гүэли, и сверкающие гүэи клэйвов непрерывно рассекали воздух. Нестрый соскочил с каменных плит в болото и побежал, не оставляя на зыбкой почве никаких следов.

Инкуб, которого Морр оттеснил с гати, пытался выбраться из трясины, когда увидел, что к нему приближается искрометное цветное пятно. Он вскинул клэйв в защитной позиции, но Нестрый

проштыгнул под клинком, заскользил по поверхности болота, гоня перед собой небольшую волну грязи, и вплотную приблизился к инкубу. Арлекин ударил быстрее, чем змея, вонзив «поцелуй» в то место, где шлем инкуба соприкасался с кирасой — именно в ту точку, где шейное сочленение было достаточно слабым, чтобы поддаться напору смертоносной проволоки. Голова инкуба отделилась от тела, выпустив великолепный фонтан крови. Долю секунды в воздухе можно было различить поблескивающее от влаги переплетение проволоки толщиной с волос, похожее на змеиное гнездо, а затем оно втянулось обратно в «поцелуй арлекина».

Нестрый повернулся и увидел, как на двух оставшихся инкубов рунится гибельный град ударов. Раненый с трудом удерживал свой клэйв одной рукой, в то время как Морр неуголито теснил его в сторону второго, чтобы стеснить его движения. Распознав угрозу, второй инкуб безжалостно зарубил однорукого, не замедлившись ни на секунду. Нестрый собрался было полчаться к Морру, но

остановил себя. Моррри за что не примет
его помощь в схватке один на один, и
любое вмешательство вызовет у него
негодование. Поэтому Пестрый решил
просто тихо постоять в стороне,
посмотреть на ослепительную бурю
клинков и хотя бы ненадолго насладиться
их смертоносной точностью.

Клинки беспрестанно метались то
назад, то вперед, словно стрелки
метрономов. Большой рост и размах рук
Морра помогли ему, но он тоже
постепенно уставал, как и его соперник.
Давали о себе знать затраты энергии,
ушедшей в неистовую схватку с
многочисленными противниками. Клэйв
Морра двигался на долю секунды
медленнее, парирование стало на самую
малость менее уверенным. Соперник
почувствовал перемену и перешел на
ритмичные, постоянные удары,
натереваясь истощить последние запасы
сил Морра. Всякий раз, когда тот
пытался отступить, чтобы выкупить себе
немного времени, враг безжалостно
наседал на него, не прекращая атаку. Морр

сдвинулся, чтобы не оказаться сброшенным в болото, и перешел в контратаку, обрушив на менее рослого противника собственный убийственный натиск, вихрь ударов, в которые вложил последние остатки сил.

Только в последний миг Пестрый понял, что пытается сделать его спутником. Сконцентрировавшись на Морре, грудой инкуб повернулся спиной к арлекину, и напор противника практически толкнул его прямо в объятия Пестрому. На миг безликий шлем Морра свирепо уставился прямо на арлекина, и тогда он все понял. Пестрый тут же подорвался с места, прыгнул и вонзил острие «поцелуя» сверху вниз под затылком инкуба. Последний из нападавших судорожно дернулся и повалился, как тарионетка с обрубленными нитками. Над кровавой сценой повисла неестественная тишина.

— Извини, — выдохнул Пестрый. — Я думал, ты не захочешь, чтобы я втешивался под конец этой твоей таленькой дуэли.

— Честный бой — для глупцов и

романтиков, --- проскрежетал Морр
голосом, все еще хриплым от жажды крови.

--- Но ты раньше говорил... Ладно, не
обращай внимания, --- сказал Пестрый. --- Я
рад, что их было только четверо.

--- Был и пятый, --- уверенно возразил
Морр. --- Я не знаю, почему они не напали
все вместе, это бы гало ил перевес.

Пестрый припомнил мелькнувший
силэт, который он увидел перед тем, как
захлопнулась ловушка. Морр был прав, из
четырех нападавших ни один не появился с
того направления. Некто все еще ждал их
впереди, на пути к храму.

--- Мне кажется, друг мой, перевес и
без того был на их стороне, но ил с нами
было не сравниться, --- гордо заявил
Пестрый. --- Я рад, что смог помочь.

Морр что-то буркнул и взвалил клэйв
на плечо. Он пошел дальше по гати, а
потом на миг остановился с
нехарактерной для него
нерешительностью. Глухой шлеп
наполовину повернулся к Пестрому.

--- Я благодарен за твою помощь, ---
медленно проговорил Морр. --- В прошлом я

недооценивал тебя. Это не повторится.

Он тут же повернулся обратно и зашагал вперед, прежде чем Пестрый успел ответить. Арлекин устремился следом за огромным инкубом, не зная, что он только что услышал: комплимент, угрозу или что-то и другое сразу. Он решил не спрашивать Морра, что конкретно тот указал на него — враг ли острота зрения инкуба превосходила таковую самого Пестрого. Кроме того, арлекин не был уверен, как отреагирует Морр, если узнает, что он всего на миг, но очень явно различил горящие глаза и шлем, усыпанный множеством клинков, прежде чем загадочная фигура растворилась в тумане.

В лишенных света подземельях Комморры сквозь лабиринт Черного Схождения осторожно продвигалась необычная процессия. Тайный мастер в маске из металла вел за собой двух существ, также металлических. Они легко парили в воздухе, не отставая от хозяина, словно преданные псы. Среди себе подобных эти создания были невелики, но

так же стремительны и смертоносны, как шершни. Позади них волочилась группа развалин, согбенных под грузом кабелей, треног и наполненных жидкостями репорт. Предводитель процессии, гелүнкүл, известный как Мекзхиор, любил свои машины, словно отец — и они действительно в определенном смысле были его детьми.

С самых ранних своих дней Мекзхиор чувствовал, что его непреодолимо влечет к металлу во всех его аспектах, к его чистоте и податливости. Он посвятил свою жизнь поиску различных способов наделить металл жизнью, превращать живую ткань в металл и, что важнее всего, учить металл кричать.

Две машины, которые сопровождали его, сущности, которые Мекзхиор обозначал как Ви и Чо, были живыми существами, наделенными духом, целью и устремлениями, в этом он не сомневался. Они представляли собой вершину его искусства, созданные частично из органики, частично из механизмов. На протяжении тысячелетий многие

землянкулы создали множество форм различных машин боли, к которым принадлежали и эти двое, — от уродливых «ценных унырей» Пророков Плоти до хитроумных шедевров легендарного мастера Влокариона. Несмотря на это, Мекзхиору нравилось думать, что его создания поистине уникальны.

Действительно, многие машины были значительно крупнее, и сегментированные панцири Ви и Чо были уже и короче, чем у большинства. Они беззвучно скользили по воздуху, держась всего в полметре над землей, и их изогнутые скорпионьи хвосты заканчивались лишь чуть выше его головы. Некоторые настехались над творениями Мекзхиора, называя их ничтожными, но они быстро затолкали, когда он продемонстрировал им скорость и маневренность машин, достигнутую благодаря такому строению. Очень немногие критики пережили подобную демонстрацию.

Конструируя Ви, Мекзхиор по большей части следовал классическому дизайну машины боли «Талос». На

скорпионий хвост этого создания вмести-
жала было установлено тепловое копье, а
брюхо представляло собой массу
качающихся ударных цепей, бритвенно-
острых клешней и хирургических пил. Ви-
мог прожигать стены, выламывать двери,
калечить, крушить и потрошить со-
свирепым восторгом, на который было
приятно посмотреть. Чо представляла
собой более эзотерическую конструкцию,
близкую по функции к машине-паразиту
«Кронос». Она атаковала жизненную
сущность жертвы совершенно не так, как
Ви. Ее оружием были трубчатые,
зловещие на вид кристаллические
устройства, а бронированный корпус
щетинился антеннами и был покрыт
подергивающимися лопастями-
резонаторами. Мекзхиору сложно было
сказать, какое из своих детищ он
предпочел бы другому, но если бы сам
великий тиран снизошел с Центрального
пика и потребовал уничтожить одну из
машин, то гелүнкүл сохранил бы Чо. Она
выработала у себя яркую личность, по-
крайней мере, в представлении Мекзхиора.

и была более изящна, почти изгиба по сравнению с порывистым, прямолинейным Ви. Чо была не разрушителем, но похитителем жизни, наводящим ужас охотником, который вытягивал из своих жертв саму жизненную энергию, оставляя после себя лишь сторщенные, иссушенные останки.

Мекзхиор чувствовал и приятное возбуждение, и тревогу одновременно. Возбуждение, потому что приближенный секретарь дал ему жизненно важное задание, избрав его среди всех остальных тайных мастеров. Ему приказали направить свои машины в терзаемый Разобщением город, чтобы они нашли одну особенную жертву. На поясе Мекзхиора висел мешочек, в котором содержались все материалы отпечатков, необходимые, чтобы привести их точно к намеченной цели. Развалины несли большой запас живительных жидкостей и питательных веществ, которые понадобятся машинам для выполнения задачи. Когда они доберутся до края лабиринта, он наполнит их и отпустит. Именно эта

независимость и заставляла Мекзхиора нервничать. Приближенный секретарь проинструктировал его очень точно и недвусмысленно: после выпуска машины будут работать без какой-либо поддержки, самостоятельно выслеживая свою добычу.

Секретарь подразумевал, что Ви и Чо следует просто отправить в лабиринт, как только они будут готовы. Но Мекзхиор не смог заставить себя пойти на это и поэтому несколько широко истолковал приказ, чтобы вывести своих детей из лабиринта и только потом послать их на задание. Один последний глоток, и они вылетят из гнезда, чтобы нанести удар и вернуться. Они вернутся, сказал он себе, пусть некоторые машины порой и сбегают, но его дети не такие. Они вернутся с доказательствами успеха, и Черное Схождение, наконец, будет восхвалять Мекзхиора за его подлинный гений. Гемүнкүл на какое-то время задумался, кем может быть намеченная цель, но быстро вытеснил эти мысли из сознания. В конечном итоге было совершенно не важно, кто это — личный

недруг приближенного секретаря или врага
всего ковена, ибо Ви и Чо положат конец
его существованию в эту же самую ночь.

Чародей Караэис остановился на
очередном перекрестке нехоженных троп
Паутины, чтобы поразмыслить. Нити
вероятностей неумолимо стягивались все
туже, но это конкретное пересечение его
стужало. Все пути вели вперед, но лишь
один из них должен был привести его к
оптимальной точке пространства и
времени. Он сунул руку в мешочек, вынул
руну и позволил ей соскользнуть с пальцев,
не посмотрев на нее сначала — это, как он
сам себе сказал, было простительным
нарушением формы, учитывая столь
экстренные обстоятельства.

Перед ним снова повисла руна
племени, как он и предвидел. Она нырала
и покачивалась в направлении одного из
туннелей, расходящихся от перекрестка
психически чувствительный материал, из
которого была создана руна, реагировал на
слабый след, оставленный темными
сородичами. Руна племени уже столь

много раз приходила ему в руку, что проводилец ощущал с ней некое родство, как будто она стала его личным проводником. Она все время тянула его вперед и показывала ему пути судьбы, о которых он прежде не смел и мечтать. Нити будущего стягивались к точке, где он оказывался на пересечении событий, становился ключевой фигурой в великой перемене, которая затронет миллиарды жизней.

Караэис поймал руку и вернул в мешочек. В то же время к нему подошла Аиоса, предводительница его телохранителей. Глухой шлеп скрывал недовольную гримасу Караэиса. Поведение аспектных воинов было профессионально-хладнокровным, однако проводилец не мог избавиться от подозрения, что их к нему приставили не только для охраны, но и для наблюдения за ним. Если экзарх, лидер этих воинов, собралась поговорить с ним лично, то это вряд ли означает хорошие новости.

--- Ты перешел грань со своими обещаниями на Лилеатанире, --- без какой-

либо преамбулы сказала Аиоса. --- Этот обман может занять честь храма Справедливого Возмездия.

--- Не было никакого обмана, --- ответил Караэис, тщательно стараясь сохранить свой голос ровным и рассудительным. --- Я всего лишь не уточнил, насколько быстро мы вернемся. Естественно, я не стал упоминать, что первым делом мы обязаны вернуться к совету и узнать его мнение.

--- Ты намеренно ввел в заблуждение представительницу экзодитов.

--- Я дал ей надежду. Есть все основания полагать, что ясновидцы примут мое предложение действовать. Я уверен, что это действительно окажется правильным решением.

--- А если они не примут его? Тогда надежда экзодитов окажется тщетной, и они погибнут, ожидая помощи, которая не сможет прийти.

--- Это решение примут иные умы, не я. Совет превыше наших вопросов и опасений.

--- И все же ты пытаешься

манипулировать их решением.

--- Конечно, так же, как и они в свою очередь манипулируют нашими решениями. Все --- манипуляция.

--- Мне не нравится смотреть, как ты манипулируешь жителями Лилеатанира.

--- Они сами решили прятаться от Вселенной. Вселенная нашла их. Мы можем защитить их от нее, но у наших возможностей тоже есть границы.

--- Это жестокое суждение.

--- Вселенная --- жестокое место, как ты знаешь и как всегда стараешься помнить. Я должен отметить, что ты не попыталась прервать меня, когда могла. Твое беспокойство по поводу моих слов проявилось лишь недавно?

Экзарх на миг молча уставилась на Караэиса. Высокий шлем с гребнем придал ей ауру властной надменности. Не в первый раз Караэис вспомнил о том, что в некотором отношении аспектных воинов искусственных миров и инкубов Темного Города разделял лишь один взмах крыла. Некоторые даже шептались, будто у них были общие предки. Конечно, обе

касты были связаны воинским кодексом чести, принимая его как некую силу превыше их самих. Благодаря этому они могли выдержать те ужасные деяния, которые должны были совершать. Один из коллег Караэуса как-то высказал мнение, что разница между аспектными воинами и инкубати заключена не в их сути, а когда в уравнение входят экзархи, грань между ними становится практически неразличима.

— Ты должен знать, что я намереваюсь сообщить о твоих действиях совету провидцев, — ровным голосом произнесла Ауоса.

Караэус сдержанно ответил:

— Ты имеешь на это право. Я уверен, что они поддержат мое решение. А пока это не случилось, могу ли я рассчитывать на твою защиту и поддержку?

— Мы продолжим с честью нести свой долг, пока справедливость не будет восстановлена или же мы не будем отозваны, — ответ прозвучал бесстрастно, автоматически, просто повторив заученную догму. Караэус понимал, что

это самое большое, что он мог от нее получить.

--- Тогда... мы должны продолжить путь. Тот, кого мы ищем, близко, и его пленение будет невероятно сложным.

--- Эта задача нам по силам. Угем.

Караэис повернулся и повел остальных на перекресток. Узколобая гордыня аспектных воинов --- не его забота. Скоро, подумал он, очень скоро он докажет истинность своих пророчеств.

Глава 12

Сны драконов

В содрогаящемся, наполненном
едкими испарениями Мировом Храме
Лилеатанира Саргон, невольная тессия
экзодитских племен, спала крепким сном
от предельного изнеможения, и ей снился
дракон.

Она растратила все силы на попытки
расчистить святилище и привести его
хоть в какой-то порядок, хотя эта задача
казалась безнадежной. В конце концов ей
пришлось ограничиться упокоением
останков, которые удалось найти. Один за
другим она подтащила семь скелетов к
краю огненной расщелины и осторожно
столкнула их внутрь.

В отличие от более
«цивилизованных» сообществ, экзодиты не
страшились смерти, ибо жили бок о бок с
грубыми силами природы, и смерть для
них была повседневным событием. Сосуд из
плоти, в котором некогда пребывал дух,

мало что значил для сородичей Саргон, когда дух уходил из него. Ее терзала не необходимость иметь дело с трупами, но вид их ужасных ранений. Быстрая и чистая смерть досталась лишь нескольким, которых так ровно рассекли на части, как будто на их телах сомкнулись гигантские ножницы. Но большая часть погибла так же, как первый найденный ею воин: их ранили так, чтобы обездвижить, а потом изрезали, словно куски мяса. Саргон подташнивало от мысли о том, какую боль они испытали, ничем не заслужив таких страданий.

Больше всего Саргон беспокоило то, что она не нашла женских останков. Миропевица, жившая в храме, пропала. Саргон пыталась убедить себя, что ее тело похоронено в одном из заваленных участков святилища, или что миропевица сама бросилась в пропасть, чтобы оборвать свою жизнь и не стать добычей детей Кхейна. Но в глубине души она знала, что обе эти мысли — неправда. В ярости дракона витало острое чувство утраты, которое Саргон поначалу не

понимала, но теперь она была уверена, что знает, откуда оно взялось. Юную миропевицу, которая находилась в храме, когда начался катаклизм, забрали. Ее похитила и угнала в рабство стая самых порочных и жестоких злодеев, каких только можно вообразить.

Эта мысль, однажды проникнув в ее мозг, так и не покинула его. Устощенная и физически, и душевно, Саргон свернулась клубком на рухнувшей каменной плите, и плечи ее затряслись, когда она наконец позволила себе оплакать стражей святилища и пропавшую миропевицу. Потом, когда ее разут в конце концов вытеснил из себя ужас, явился милосердный сон и накрыл ее волной долгожданного забвения. Но покой во тьме был недолгим. Освободившись от уз сознания, ее сновидения свободно воспарили и переплелись со снами иного, высшего существа. Она поняла, что начала видеть сны самого мирового духа.

Сначала она узрела себя лежащей в пещере. Бледное тело выглядело мягким и извилистым посреди черных иззубренных

скал. Пещера была одновременно похожа и непохожа на Мировой Храм. Этот Храм был огромным тенистым пространством, неизмеримо древним, старше, чем сами звезды. Его стены раскрошились и рухнули, открыв пещеры и тоннели, которые невозможно было сосчитать. Они простирались на невероятное расстояние. В некоторых порой мелькали видения чуждых мест и иных времен, словно яркие картины, которые возникали лишь на миг, а потом исчезали. Другие на глазах спящей Саргон проходили через величественный цикл разрушения и возрождения.

Она начала чувствовать невидимые потоки силы, текущие через это место, и пульс жизненной энергии планеты, проносимой мимо по вечному и непрерывному пути через точки фокуса, разбросанные по поверхности мира. Курганы, каирны и обелиски соткали из психических потоков единую сеть, многогранный бриллиант, состоящий из духов всех живых существ, которые когда-либо жили и умерли на Лилеатанире. Их

сущность окутывала весь мир, изолируя его от враждебной вселенной столь плотным психическим щитом, что никакая скверна не могла просочиться сквозь него. Мировой дух Лилеатанира стал могущественной сущностью, земля стала им, и он стал землей.

Гордыня. Саргон всюду чуждалась его горькое зловоние. Мировой дух стал могучим, как какой-то новорожденный божок в своей собственной заткнутой вселенной. Возгордившись, он проглядел угрозу извне, поверил, что сила, которой он обладал в метафизическом мире, действует и в материальной реальности. Однако ему причинили боль, и он едва ли мог понять, как это случилось. Поэтому теперь он бешевал, несдержанный, как ребенок.

Дракон заворочался и зашипел во сне, и в дальнем углу пещеры взмыли голодные языки пламени. Отражение Саргон во сне грозило. Она не хотела запутаться в сновидениях дракона. Его ярость пожрет ее, испепелит так же, как испепелила выжженные земли вокруг священной горы. Саргон попыталась обуздать свои страхи.

направить себя сквозь сон, как ее учили давным-давно.

Ее беспокойство сделало место, где она находилась, еще более пугающим. Пещеры перешли в стены, черные от капавшей влаги. Всюду громоздились сталагмиты и сталактиты, словно окаменелые кучи навоза и висящие куски мяса. Повсюду носилось шипение и шепот мертвых душ, чьи сухие голоса, внося ужас, шелестели на самом краю восприятия. Миллиарды мертвых душ, запертых в матрице Лилеатанира, парили вокруг нее подобно дыму, но отдельности не сильнее любого простого смертного, но совместно... Вместе они становились мировым духом, гештальтом психической силы, способным на гораздо большее.

Саргон обнаружила себя перед трещиной во влажной каменной стене, широкой и низкой, как та расселина в склоне горы, через которую ей пришлось проползти, чтобы добраться до реального Мирового Храма. Она протиснулась внутрь и начала карабкаться по

сужающемуся разлому к таленькому пятну
света, виднеющемуся вдалеке. Пол и
потолок почти сходились вместе, так
что ей приходилось с силой пробиваться
между ними, отталкиваясь плечами и
повернув голову в сторону. На краю спящего
сознания трепетало чувство
клаустрофобии, угрожая погрузить ее в
слепую панику, заставить биться о
неутолимый камень. Она остановилась и
глубоко вдохнула (по крайней мере,
мысленно), чтобы успокоиться. Наконец, ей
удалось протолкнуться ближе к свету, так
что можно было выглянуть из отверстия.

Там она увидела Мировой Храм,
каким он был до катаклизма, полный
света и жизни. Саргон не могла
контролировать свою точку обзора: в один
мгиз она смотрела как будто с высоты, в
другой — уже из глаз одного из стражников
храма. Но с каждой из них она видела одну
и ту же историю, с большим или меньшим
количеством страшных деталей. Вскоре
ее затошнило от насилия, и она
попыталась понять, но обнаружила,
что не может сдвинуться с места. Катни

как будто сжались еще плотнее и удерживали ее на месте, будто она сама окаменела. Саргон была обречена снова и снова смотреть, как оскверняют храм.

Появилась небольшая группа существ, облаченных в черное, они постоянно двигались и исчезали из виду... сверкнули острые клинки, хранителей храма вырезали, словно детей... миропевицу схватили, когда она уже собиралась лишиться себя жизни... обмякшее тело, увлекаемое в портал, в Паутину... и мировой дух, беспомощный при всей его метафизической силе.

Он пытался остановить их, и его усилия разрушили сначала храм, а потом весь мир. Он слепо бросался на чужаков, но все было тщетно. Осквернители ускользнули в Паутину, словно воры в ночи, и ушли туда, где их нельзя было достать, прежде чем мировой дух Лилеатанира успел осознать их. Сущность, которая дремала на протяжении эпох, пробудилась от боли, и в этом пробуждении полностью воплотилась мстительная ярость дракона. Даже камни вокруг тела Саргон

все еще грозили от воспоминания об этом.

Темными сородичами руководила высокая злобная фигура в полностью скрывающих тело доспехах и шлеме с красными глазами, клыками и рогами, как у дикого зверя. Она была вооружена ужасным двуручным клинком, который нес гибель всем, кто оказывался перед ним. Это существо ушло последним, и перед тем как зайти в портал, повернулось, обведя взглядом содрогавшийся храм. Горящие глаза как будто взглянули прямо на Саргон, и фигура заговорила голосом, похожим на грохот огромного колокола.

«Лишь наивные пытаются забыть и простить! — взревела она. — Архидемонит».

Когда прозвучали эти слова, камни, стиснувшие Саргон, начали двигаться, медленно стыкаясь, как огромные черные челюсти. Она ощутила чудовищное давление, угорь и, наконец... тьму.

Саргон очнулась в жаркой зловонной темноте Мирового Храма, хватая воздух ртом.

--- Гора Скорби? --- пробормотал Харбир, обращаясь к Ксагору. --- И как, черт возьми, мы собираемся забраться на такую высоту пешком?

--- Этот не знает, --- скорбно отозвался развалина. --- То были слова архонта, не Ксагора.

География Комморры была причудлива и хаотична, и низко расположенный ярус Метзух располагался в ней так, что это было, пожалуй, самое отдаленное от Горы Скорби место, если не считать глубоких ям внизу. Даже до Разобщения между двумя этими районами не существовало прямой связи. Редкие физические взаимодействия их обитателей сводились разве что к полетам сквозь опасное воздушное пространство верхних ярусов или использованию хорошо охраняемых порталов.

--- Длинная лестница должна все еще стоять, как я думаю, --- неуверенно сказал Харбир. --- Если бы только нам как-то удалось подняться к Хай'крану...

--- Этот не знает, --- повторил Ксагор.

Пассивность развалины начинала
невероятно раздражать Харбира.
Прислужник, похоже, готов был без
вопросов следовать за любым лидером,
пусть даже самым низкопоставленным, и
выполнять все, что бы от него ни
потребовали.

Возглавляемая Наксинаэлем и
Беуем маленькая группа выживших
продолжала продвигаться к центру. Они
покинули ярмарку кровопролития и вышли
на крытые улицы и широкие галереи
Метзуха, периодически пересекая
лишенные крыши, неестественно безлюдные
площади и поднимаясь по лестницам, где
побольше, где поменьше заваленными
обломками. По мере отдаления от
Великого Канала становилось все меньше
следов вторжения. Тела, которые они
находили, все чаще демонстрировали
признаки гибели от рук смертных, нежели
искаженных сущностей из-за пелены.

Все время вглубь, все время вверх.
Харбир начал подозревать, что архонты
на самом деле не знали, куда
направляются, и просто строили из себя

уверенность, и да куда глаза глядят. Чтобы
прочистить мозги, Харбир нюхнул
щепоть агарина и постваковал его остроту
и грожь, прошедшую по позвоночнику.
Единственной положительной стороной
недавних событий было то, что карманы
Харбира теперь распирало от
награбленных стимуляторов и
наркотиков. Если он выживет, то станет
богат, или, по крайней мере, надолго
обеспечит себя запасами. Плоский
металлический пятиугольник, который
дал ему Ксагор, по-прежнему лежал в
одном из внутренних карманов наемника.
Вещица оставалась инертной и
безжизненной, но источала неясное чувство
защищенности, которому Харбир в
сложившихся обстоятельствах был только
рад. Он прикоснулся к пятиугольнику, и
это дало ему новую идею касательно того,
как сподвигнуть Ксагора на действие.

— Ксагор, нам просто надо найти
хорошее укрытие и спрятаться, пока все
это не рассосется, — сказал Харбир,
надеясь, что это прозвучало самым
убедительным и вразумительным образом.

--- Мы оба обязаны защитить то, что мне передал хозяин. Бродить по городу с такой шуткой просто опасно.

Услышав это, Ксагор на миг замешкался. Харбир знал, что развалина предан своему хозяину, как какое-то домашнее животное, хотя ему сложно было понять подобное обожание. Одного лишь предположения, что Ксагор рисковал каким-то образом погвести мастера Беллатониса, было достаточно, чтобы развалина остановился и задумался.

--- Этот не так уж уверен, --- наконец признался Ксагор, --- что Гора Скорби будет более безопасным местом для кого-то из нас, не считая архонтов.

--- Вот видишь! Теперь ты понял! --- прошипел Харбир. --- Если мы сунемся на Гору Скорби, то нас просто швырнут в какую-нибудь заваруху, которая случится потом, и в еще одну, и в еще, и так пока мы не погибнем!

Харбир быстро утолк, когда увидел, что Безиет бросила резкий взгляд в его сторону. Он взмолился, чтоб та не расслышала его слова --- она выглядела

опасно разочарованной, и ей хотелось на
чем-то выместить досаду. Выжившие уже
какое-то время шли в полном молчании, и
слышно было лишь треск, грохот и
отдаленные вопли города, раздираемого
катастрофой.

Наконец, Ксагор отважился
прошептать:

--- Мы вдвоем недостаточно сильны,
чтобы выжить сами по себе.

--- У меня есть план, --- самодовольно
заявил Харбир. --- Ты просто держись ко
мне поближе и следуй за мной, когда я
начну действовать.

На миг Ксагор неуверенно уставился
на него, а потом фаталистично пожал
плечами.

--- Ксагор останется с даром хозяина.
Если так надо, этот должен быть рядом,
чтобы подобрать его.

--- А? Что это ты имеешь в виду,
«подобрать»?

--- Если Харбир умрет, Ксагор должен
подобрать дар. Хозяин указал, что дар
способен остаться невредимым при
экстремально высоких температурах.

среди энтропических энергий и при
воздействии значительной сдвливающей
силы.

--- О. Благодарю за то, что придал
мне уверенность.

Они вышли на еще одну разоренную
улицу, на сей раз открытую, так что
вверху были видны ядовито окрашенные
небеса. Там, в высоте, вспыхивали тонкие,
как иглы, полосы огня и ложных молний. Но
нельзя было понять, что в воздухе, во
многих километрах над головой, бьются
битвы, слишком далекие, чтобы
различить противников и вообще что-
либо, кроме залпов орудий. Кто бы там ни
сражался, но бой выглядел весьма
жесточенным, подумалось Харбиру.
Теперь его план --- попросту украсть где-
нибудь реактивный мотоцикл или
скайборг --- показался не таким уж
заманчивым. План вообще был довольно
расплывчат в том, что касалось вопроса
«куда потом лететь», но враждебные
небеса явно не были тем местом, где
следовало бы находиться.

Улица впереди расширилась и влилась

В открытый двор шириной с площадь гля
парадов, где в нескольких местах из
мостовой вяло сочилась влага разбитых
фонтанов. С трех сторон двор окружали
руины разнообразных зданий, выходы на
улицы были завалены. В дальнем конце
двора вырисовывалась металлически-серая
стена, которая поднималась вверх на
полдюжины метров, и ее верх был усеян
зубцами. Вдалеке за пожити на клыки
терлонами виднелась еще одна отвесная
стена, на сей раз из покрытого глубокими
бороздами серебра; она тянулась ввысь так
далеко, что терялась из виду. Вдоль
подножия серой стены тянулась
подозрительно ровная щель, отделяющая
ее от фундамента, и не было видно ни
ворот, ни моста. Увидев это, Харбир
вдруг сразу понял, где они находятся.

— Ступени Латийи, — пробормотал
он про себя. — Так значит, наши архонты
все-таки знали, куда им надо.

Ступени Латийи представляли собой
последовательность связанных друг с
другом движущихся платформ, по
которым можно было взобраться на более

высокие ярусы Колморры, что вокруг
Когтя Ашкери. Ходили байки, будто когда-
то давно жила архонт Латийя, которая
так сильно боялась летать, что
приказала построить эти ступени, чтобы
облегчить себе доступ к верхним ярусам.
История была неправдоподобна, но в
прошлом в Колморре случались и более
странные вещи, а не столь прозаические
фобии оставляли потомкам куда более
скверное наследие. В нынешние времена
ступени считались всего лишь
старомодной диковиной и редко
использовались на практике, хотя, как
правило, хорошо охранялись. Харбир
слышал, что ступени работают благодаря
некому жидкому металлу, находящемуся
под давлением, именно он и двигает
платформы. Наемник даже не думал, что
ступени все еще работают.

Выжившие начали осторожно
продвигаться на открытое пространство,
инстинктивно расходясь шире, чтобы
представлять собой менее
соблазнительную цель для снайперов,
которые могли тут скрываться. Когда они

уже прошли часть двора, Харбир заметил движение, мелькнувшее между крепостных зубцов, и прокричал предупреждение. Все девятéro исчезли за кусками обвалившихся каменных сооружений, едва хоть кто-то успел моргнуть. Они знали, что неважно, насколько умелым был воин, выстрел темного коня или залп дзунтегратора мог оборвать его жизнь в одно мгновение.

Харбир припал к земле за чашей фонтана в форме полумесяца, откушенной от основания. В нескольких метрах от него залег Ксагор, спрятавшийся за обломком камня, который едва прикрывал его целиком. Выставив свою нелепую винтовку, развалина начал водить стволом по укреплениям. Харбир с интересом наблюдал, гадая, пострелят Ксагора или нет. У него самого был только пистолет, и поэтому он считал, что вернее всего будет пока не высываться. Не в первый раз наемник пожалел, что не подобрал что-нибудь потяжелее на месте парада, но тогда ему показалось, что не надо брать с собой лишнего груза, чтобы потом волочиться с

нит. В Ксагор не стреляли, и сам он не стрелял. Через несколько секунд Харбир тихо окликнул развалину:

--- Ты что-нибудь видишь?

--- Несколько голов движается, --- сказал Ксагор и неуверенно добавил: --- Пока нет стрельбы.

Харбир выглянул из-за края чаши и увидел четыре головы в шлемах и стволы, торчащие между зубцами. Признаков какого-либо оружия крупнее винтовки не было, и все они располагались под таким углом, что ни в кого конкретно не целились. Это было либо хорошим признаком, либо частью очень сложной засады. Харбир нырнул обратно и оглянулся на улицы, оставшиеся позади. Если оттуда сейчас выбежит группа воинов (или, сказать по правде, даже группа маленьких детей), то выжившие окажутся в смертельной ловушке. В том направлении не было ничего видно или слышно, но Харбир по-прежнему ощущал зуд в той точке между лопаток, которой он в свое время научился доверять. Что-то явно было не так.

Наксинаэль выпрямился в полный рост и крикнул властным голосом:

— Я — лорд Наксинаэль из Яговитого Потомства. Кто говорит от вас? Спустились и присоединитесь к нам, ибо мы должны собрать наши силы вместе.

Повисла пауза, а потом в ответ донесся чей-то крик. Харбир с кривой устешкой ответил, что это был не один из видимых воинов, но кто-то, прячущийся от их глаз. Он спросил себя, сколько еще сможет скрываться там, за стеной.

— Яговитое Потомство — сброд из нижних дворов. Вам не следовало даже высовываться из Метзуха, — таков был высокомерный ответ.

Это было интересно и многое говорило об ответившем. Он был не из Метзуха и не из союзников нижних дворов, это точно. Межьярусное соперничество намекало, что это мог быть житель Хай'крана, они всегда особенно презирали Метзух, расположенный прямо под ними, точно так же, как Азхоркси не питали к Хай'крану ничего, кроме пренебрежения. Так продолжалось до самого верха, вплоть

до Горы Скорби и Центрального пика. Также важно было то, что невидимый говорящий не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы встретить телкого архонта лицом к лицу или приказать ему удалиться. Этот факт не ускользнул от внимания Наксинаэля, и он цинично рассмеялся.

— Вы не можете спуститься, так? Вы застряли наверху, потому что управление ступенями заблокировано. Угадайте, у кого есть ключ?

Еле заметная горизонтальная линия появилась на отвесном серебряном склоне позади укреплений и начала с обманчивой неторопливостью опускаться, быстро становясь все четче и темней. Наксинаэль увидел это и ткнул пальцем в сторону приближающегося призрака.

— Лучше бы вам присоединиться к толпе, пока это возможно, потому что скоро у вас появится компания, — весело прокричал он. — Может быть, они будут более склонны к тому, чтобы пользоваться здравым смыслом в критической ситуации.

Головы в шлемах исчезли, и из-за
стены слышались проклятья и лязг
доспехов, как будто кто-то бежал. Стало
видно, что опускающаяся линия — это еще
одна крепостная стена, на сей раз цвета
латуни, и вдоль нее стоит ряд воинов.
Резкий треск осколочного огня стелся с
хриплым лаем дзюинтеграторов, ясно
говоря, что с новоприбывшими переговоров
не будет. В ответ с более высокой стены
немедленно ударил интенсивный огонь.

— Хорошо! — снова закричал голос, в
котором появилась нота отчаяния. —
Помоги нам, и мы присоединимся к тебе!

Наксинаэль пропел пять странно
искаженных слов, и, чуть загрохав, вся
серая, как железо, стена, начала
опускаться. Трещина у основания сузилась
и исчезла, крепостные зубцы продолжали
скользить все ниже, пока не превратились
в ряд торчащих из земли острых клыков,
между которыми можно было свободно
пройти. За ними Харбир увидел дюжину
воинов в бронзово-зеленых доспехах,
которые прятались за жалкими
баррикадами, наваленными из упавших

обломков. Латунная стена все еще находилась на высоте в десяток метров, и снизу можно было ясно различить подъемники, соединявшие ее с покрытыми бороздами склоном.

— Все сюда! — приказал Наксинаэль. Выжившие поспешили подчиниться — все, кроме Харбира и Ксагора. Они на миг замешкались, глядя друг на друга. Сейчас был идеальный момент, чтобы отделиться от клики Наксинаэля и бежать. Прежде чем та снова ввяжется в бессмысленную гонимую с невысокими шансами на победу. С другой стороны, Ксагор был прав, если они вдвоем останутся в Метзухе, где скрываются демоны, шансы у них окажутся и того меньше.

— Вы двое! Вперед, не то я вас сам убью! — рявкнул Наксинаэль, который уже ждал у первого ряда зубцов, и многозначительно приподнял бластистолеты. Мимолетные мысли о победе исчезли, и Харбир побежал к архонту с Ксагором, следующим по пятам. Как только они минули край стены,

Наксинаэль произнес четыре слова, и металлически-серая платформа начала подниматься. Высокоскоростные осколки выбивали крошку из жалких убежищ, разбросанных по ней. Сверкнул луч темного копья, и грозная вспышка антисвета испарила одного воина вместе с камнем, за которым тот прятался.

Расстояние до верха латунной стены стремительно уменьшалось по мере того, как платформа поднималась ей навстречу. Харбир прикинул, что оно уже уполовинилось, еще несколько секунд, и они сравняются. В обе стороны летели гранаты, сея на стенах яркие цветы плазменного огня. Когда осталось три метра, Харбир побежал вперед, уклоняясь и отскакивая, как только мог, чтобы его не задели свистящие мимо ушей отравленные осколки и бьющиеся вокруг разряды энергии. Осталось два метра, и он смог четко разглядеть врагов — воинов Азхоркси в черно-пурпурных облачениях и шлемах, увенчанных серебряными полумесяцами. Харбир откатился от очереди осколков и встретился к той

точке стены, где только что разорвалась
граната. Один метр, и Харбир
взлетел в воздух и стремительно
проскочил между острыми зубцами,
отчаянно надеясь, что он не единственный,
кто это сделал.

Глава 13

Восхождение

Вычурный фасад храма Архры
вздыгался перед Морром и Пестрым,
подобно утесу. Ярус за ярусом поднимались
грозовые арки, скрытые в тени тесно
выстроившихся колонн. Крутые
лестничные пролеты переплетались среди
осыпающихся постаментов, отягощенных
всевозможными гротескными изваяниями.
Храм был выстроен из темного
глянцевитого обсидиана, который,
казалось, поглощал свет, падающий на
него. Буйная растительность покрывала
его подножие, словно застывшая зеленая
волна, нахлынувшая на черную скалу.
Мясистые ползучие лозы и ярко цветущие
лианы несколько стягивали вид
нависающего над ними монументального
сооружения, но пышная зелень столь резко
контрастировала с черным камнем, что
это придавало храму какую-то чуждую,
враждебную атмосферу, от которой

становилось дурно.

Нестрый ожидал, что кто-то вступит в финальную схватку с Морром, когда тот приблизится, но великан-инкуб миновал первые ступени без происшествий. Храм был тих как могила, и даже звуки природы, доносящиеся с болот вокруг, как будто заглушались его присутствием. Ощущение, что некто настороженно наблюдает за ними, у него возникло еще давно, но здесь оно было просто ошеломительным, как будто в каждой темной арке скрывался безмолвный страж. Как только Нестрый поставил ногу на первую ступень, по позвоночнику пробежал ледяной холод. Страсть и желание убивать вьелись в каждый камень этого святилища, эхом отражая тысячелетия кровопролития и насилия, возведенных в вид искусства и отточенных так тщательно и умело, как способны лишь эльдары.

Морр уверенно поднимался и, судя по всему, твердо знал, куда направляется. Он прошел через первый ряд арок и продолжил путь вверх. Нестрый заставил себя

следовать за ним, минуя постаменты со статуями принавших к земле зверей и рослых воинов. Среди изваяний значительно преобладали низкие многоногие чудовища, которые, как предположил арлекин, были скорпионами из разных миров и реальностей. У некоторых имелись неприятно гуманоидные детали: руки вместо клешней, лица с огромными глазами. В отличие от практически всех храмов, которые Пестрый когда-либо видел, лица всех статуй были обращены не к внешнему миру, но к самому зданию.

Еще три яруса, и Морр исчез в одной из арок, даже не оглянувшись. Когда инкуб пропал из виду, где-то в глубине храма ударил колокол. Скорбный гул как будто повис в неподвижном воздухе. Пестрый поспешил за своим спутником, но неожиданно для себя остановился на пороге, заколебавшись на миг между светлым миром снаружи и темнотой внутри. Ему в лицо как будто ударило холодное дыхание, поднимающееся из глубин подземного мира, и перед ним простирались огни

только тени. Наконец, Пестрый собрал всю свою храбрость и шагнул в арку. Его не приветствовал гром большого колокола, что он нашел тревожным и утешительным в более-менее равной степени.

Через несколько шагов после арки коридор изогнулся, и темнота стала абсолютной. Пестрый помахал рукой перед глазами и едва смог ее различить. У него возникло сильное, почти всепоглощающее желание разжечь огонь, и все же он чувствовал, что это будет в некотором роде... кощунственно и неприятно. Во тьме таилось чье-то гнетущее присутствие, и некая глубинная, первобытная часть Пестрого совершенно не желала увидеть его без покрова темноты. Он решил, что это мудрый совет, и волей-неволей пришлось продвигаться дальше на ощупь. Коридор все вился и вился между колонн. Иногда камень под ногами был ровным, иногда слегка покатым, но путь все время уходил вниз, ни разу не поднимаясь. Тишину нарушали лишь звуки, издаваемые какими-

то насекомоподобными созданиями, которые со стуком перебирали лапами или пресстыкались в тених, уходя с пути Пестрого и неотрывно следуя за ним.

Из-за отсутствия внешних стимулов казалось, что время растягивается на целые часы, хотя это было невозможно. Пестрого начало охватывать чувство, которое ни с чем нельзя спутать, чувство, что он погружается в разверстую могилу, в склеп, откуда нет выхода. Все здесь настолько плотно пронизывала скверная смерть, что она как будто погребала его заживо. Через какое-то время, показавшееся вечностью, Пестрый заметил впереди вертикальную линию тусклого света. Слабенький поток фотонов каким-то образом утудрился пробиться за обсидиановую колонну и чуть развеять чернильную тьму.

Пестрый с нетерпением шагнул навстречу свету, но тут легкий ветерок коснулся его лица и не дал сделать следующий шаг. Он посмотрел вниз. У сарых ног зияла черная яма, куда рухнул бы любой, кто опрометчиво устремился бы

вперед из этой конкретной точки. Далеко
внизу, на дне, поблескивали шины, что при
такой глубине выглядело излишним.

--- Как-то это пошло, --- вслух
пожаловался Пестрый, без усилий
перескочил провал и, подойдя к колонне, из-
за которой пробивался свет, обнаружил
перед собой глинный зал.

Пол в нем был ниже, чем в коридоре, и
со всех четырех сторон спускались
ступени. Многие плиты, видимо, упали на
нижний ярус, образовав по всему залу
неправильный узор из ям с гладкими
краями. Пестрый готов был поспорить,
что в каждой из них тоже есть колья. В
зал вело также множество других арок,
открытых настежь, полных тьмы, что
таились за лесом колонн из черного камня.
Более массивные столбы поддерживали
крышу, скрытую тенями. Единственный
свет исходил от горстки сальных свечей,
расставленных по ступеням --- эти
примитивные светильники вполне могли
бы соседствовать с каменными ножами и
медвежьими шкурами. В их неровном
свете ясно виднелись две вещи: во-первых,

там был Морр, который стоял спиной к
Нестрому и лицом к дальнему концу зала.
Во-вторых, над тем самым концом зала
доминировала громадная фигура того, кто
мог быть только Архрой.

Легендарный воин возвышался на
добрую сотню метров, облаченный в шлем
со множеством клинков и древние доспехи,
с огромным, готовым к бою клэйвом в
руках. С высоты сверкали глаза статуи,
сделанные из гигантских рубинов, и
крошечные движущиеся огоньки свечей
придавали им пугающее подобие жизни.
Нестрый затеделлся, не желая
спровоцировать нападение своим
внезапным появлением. Он уже собирался
прочистить горло, чтобы вежливо
оповестить о своем присутствии, когда
Морр заговорил.

— Можешь войти сюда, маленький
клоун, — сказал он. — Это зал испытания.
По традиции он открыт для любого
достойного просителя. Ты уже доказал,
что достоин ступить по этим камням.

Нестрый вошел в зал и осторожно
приблизился. Чего-то не хватало, и в

словах инкуба чувствовалась горечь. Морр
явно ожидал иного от возвращения в храм.

--- Где иерархи? --- наугад спросил
Нестрый.

--- Действительно, где? --- прозрел
Морр. --- Они встретили бы достойного
просителя в этом месте и с радостью
приняли бы любого странствующего
инкуба из нашего братства, неважно, из
какого храма тот происходит. Для меня ---
ничего. Они прячутся от меня.

--- У... что теперь?

--- Я пойду во внутреннее святилище и
встречу их там, --- с легяной уверенностью
сказал Морр. --- Если понадобится, я не
оставлю камня на камне от этого храма.
Ух трусость оскорбляет Темного Отца и
служит доказательством тому, что они
недостойны нести грузим его вероучение.

Морр шагнул вперед, а потом замер.
Не успела мигнуть свеча, как в зале
появилась иная фигура --- скорее даже,
открыла себя там, где скрывалась все это
время у них на глазах.

Теперь между Морром и статуей
стоял высокий воин в сегментированных,

украшенных клинками доспехах древнего
вида. Новоприбывший был вооружен
метровыми мечами-близнецами с
крючковатыми концами, которые инкүбы
называют полүклэйвами. Пока что они
свободно свисали по бокам его тела.

— Стой, где стоишь! — предупредил
Пестрого Морр. — Не поднимай оружие,
если тебе дорога жизнь!

Хотя инкүб, преграждающий путь
Морру, стоял совершенно неподвижно, в его
позе ясно читалась готовность взорваться
движением, не пройдет и одного удара
сердца.

— Что происходит? — шепотом
спросил Пестрый. — Кто это такой?

— У него нет имени, ибо он никогда не
говорит. Мы называем его Дражар, «живой
меч», — пояснил Морр с чем-то вроде
благоговения. — Он — самый смертоносный
во всем нашем братстве, непобежденный,
истинный мастер клинков.

— Но при этом не иерарх? — с
надеждой поинтересовался Пестрый.

— Нет. Он сражал иерархов, но не
претендовал на их места. Некоторые

говорят, что он -- переродившийся Архра, и все же он убивает тех, кто пытается поклоняться ему. Дражар существует лишь для того, чтобы нести смерть.

Нестрый безмолвно округлил губы, выражая смятение. Теперь Морр обратился напрямую к молчаливому воину.

-- Дражар! Ты презираешь меня, но не атакуешь. Церархи послали тебя, чтобы не допустить меня до их двора?

Розатый шлем инкуба еле заметно наклонился, подтверждая, что он был послан именно с этой целью.

-- Морр! Не бери наживку! -- настойчиво прошипел Нестрый. -- Они хотят, чтобы ты себя уничтожил. Чистенько расправиться с проблемой, которая им не нужна!

Морр помедлил. Арлекин был прав. Церархи были против него, а вместе с ними и все братство кроваворуких убийц. Его жизнь воистину подошла к концу.

Но жаркий уголь гнева, который он поддерживал в собственном сердце на протяжении всей своей жизни, лишь

разгорелся ярче при этой мысли. Чудовищная несправедливость со стороны иерархов -- отворачиваться от него, в то время как он ни на шаг не отступил от основных доктрин учения Архры.

Лишнее злобное политическое выгоды ощущалось во всех действиях иерархов, или, вернее, в отсутствии каких-либо действий. Наказать Морра за то, что он расправился с собственным архонтом, затронутым Хаосом, значило бы бросить вызов всему, чему Архры научил инкубов, заплатив за это даже собственным смертным существованием. Оправдание Морра стало бы безмолвным предупреждением для каждого архонта в Колморре: однажды может настать день, когда ваши собственные телохранители-инкубы пойдут против вас, оправдывая себя заветами давно погибшего Лорда-Феникса.

В любом случае вся система отношений инкубов с триадами иных сил в колморритской структуре власти претерпела бы необратимые перемены, братство ослабело бы и раскололось по трещинам, которые уже становились ясно

видны. Лучшее было бы, если б проблемы попросту не существовало, и несправедливость иерархов никогда бы не подвергалась сомнению.

--- Теперь я вижу, --- сказал Морр Нестрому. --- Чтобы спасти братство, я должен быть уничтожен. Не ради чести или отщепенства, но ради удобства.

--- О, Морр, --- с печалью ответил Нестрый. --- По мере всякого восхождения к высшим рангам столь благородные концепции, как честь, становятся все реже. Стремление к власти, можно сказать, требует замены преданности на прагматизм, сотрудничества на сдерживание, а преданности --- на удобство. Прискорбно, но так уж это устроено.

Морр оторвал взгляд от по-прежнему терпеливо выжидającego Дражара и перевел его на изящную фигуру в нестромном облачении.

--- Может, теперь ты согласишься пойти со мной на Лилеатанир? --- несколько нетерпеливо спросил арлекин. --- Ты же сказал, что пойдешь, если сможешь прийти в храм и остаться в живых.

Смотри -- вот мы стоим, и мы живы.

Через мгновение Морр снова повернулся лицом к мастеру клинков.

-- Одного выживания недостаточно, -- медленно проговорил Морр. -- Я узнал это на Ушанте еще до того, как увидел другие части вселенной. Жизнь без цели не имеет подлинной ценности.

-- У тебя есть цель! Ты можешь спасти Котморру от Разобщения!

-- Нет, -- сказал Морр, и его безликий шлем снова обратился к Пестрому. Клыки из кровавого камня неожиданно полыхнули рубиновой энергией, и она нахлынула на арлекина, словно цунами из окутанной алым боли. Коварный удар застал Пестрого врасплох, и он упал на камни, корчась от боли. Каждый нерв гудел, как будто по нему тчилось пламя. Парализованный, он мог только в тупичковом ужасе смотреть, как громадный инкуб наклонился над ним.

-- Теперь я понял свой путь. Прощай, Пестрый.

Харбир застрелил первую фигуру в

черно-пурпурном, которую увидал, потом
устретился вперед и вонзил клинок в
другого воина, наклонившегося над
укреплениями, чтобы выстрелить. Он
мельком увидал Безиет, врубившуюся в
группу из еще троих, и кровь, которая
слетала с клинка-джинна, кромсающего и
броню и плоть. У него едва хватило
времени на мысль, что его сторона
превосходит Азхоркси в численности,
прежде чем один из них едва не насадил
его на штык винтовки. Наемник увернулся
от острия и выстрелил владельцу штыка
в лицо. Страсть убийства охватила
Харбира, и он вогнал собственный
изогнутый клинок — полметра бритвенно-
острого металла — через подбородок воина
прямо в мозг. Он выдернул нож, выпустив
дождь алых брызг, и начал снова и снова
вонзать его под нагрудник противника.

Что-то врезалось в плечо Харбира, и
у него тут же перехватило дыхание. Боль
пронизала его нервную систему, словно
белый огонь, из легких вырвался
ужасающий вопль. Харбир развернулся и
увидал еще одного воина в черном и

пурпуре, который спокойно стрелял в зущу
рукопашной с небольшого расстояния. Рука,
в которой наемник сжимал пистолет,
дрожала, будто его разбил паралич, но в
отчаянии он все равно поднял оружие и
выстрелил за спину, не целясь. Воин
повалился, как зарубленный — возможно, от
ненадежных осколков Харбира, возможно,
от еще чьего-то выстрела вслепую в этой
яростной перестрелке. Внезапно оказалось,
что все воины в черном и пурпуре
повержены. Разношерстная банда
Наксинаэля снова одержала победу. Колени
Харбира подогнулись, и он упал, чувствуя,
как яд распространяется по крови.

Ксагор возник рядом еще до того, как
наемник успел набрать воздух для еще
одного вопля. И все же развалина сначала с
приводящей в бешенство осторожностью
уложил на землю свою винтовку и только
потом остотрел рану Харбира.
Металлическая птичья лапа Ксагора
властно стиснула его плечо, отчего тот
разразился бурей проклятий.

— Харбир вертится, как ребенок, —
пожурил Ксагор. — Просто задег осколком.

нет крупных потерь тканей.

--- Яд, идиот! --- взвыл Харбир. --- Я отравлен!

В затаянутой в перчатку руке Ксагора появился уродливый металлический шприц. Развалина пренебрежительно хмыкнул, тыча толстой излоей вокруг раны.

--- Кровавая песнь и саурнил --- нейротоксины вроде фейруна, дешево и сердито, --- каждое слово развалины было пронизано презрением. --- Это легко поправить.

Огонь, жгущий жилы Харбира, внезапно угас, словно залитый ледяной водой. Потом у него начали подергиваться руки и ноги, а плечо адски заныло. Развалина обрызгал рану каким-то герметизирующим составом, чтобы она не кровоточила.

--- Ксагор думает, Харбиру надо в будущем носить броню, --- предложил он. В ответ Харбир наградил его испепеляющим взглядом.

--- Броня не спасет тебя от того, что убивает сразу, --- прошипел он сквозь

стиснутые зубы. --- Быстрые ноги ---
спасут!

Эта идея для него было чем-то вроде
личной философии, но сейчас она быстро
приняла масштаб полного и
всеобъемлющего основания для неприятия
всего, что его отягощает. Ксагор снова
хмыкнул.

--- Харбир слишком доверяет своим
утверждениям, утверждение не может защитить от
случая. Судьба сильнее.

Развалина подобрал винтовку и
поспешил удалиться, чтобы позаботиться
о других раненых. Харбир осторожно
принял сидячее положение и остотрелся
вокруг. Две ступени выровнялись, образовав
еще один широкий двор с рядом латунных
зубцов посередине. По обе стороны
возвышались широкие арчатые ворота, за
которыми простирались парки. Судя по
разбросанным телам, большую часть
потерь от нападения Азхоркси приняли на
себя хай'крании. Выжившие из Мемзуха
потеряли лишь одного из своих, какого-то
безымянного воина, который лежал
неподалеку, разорванный выстрелом из

гезинтегратора почти наполовину.
Архонты Безиет и Наксинаэль стояли над
пленником, или, скорее, врагом, который
еще не умер от ран. Харбир осторожно
подкрался поближе, чтобы лучше
расслышать вопрос.

--- Кто удерживает другие ступени? ---
крикнула Безиет, поставив ногу на грудь
пленного.

--- Поднимитесь и уйдите! --- удалось
выдавить толпу, прежде чем его голос
перешел в вопль боли. --- Не знаю! Архонты
Джхири послала нас захватить нижние
ступени у хай'краниев.

--- О? И зачем же ей это понадобилось?
--- почти вежливо поинтересовался
Наксинаэль. --- Она получила приказ с
Центрального пика?

--- Спросите его, зачем! --- взвизгнул
пленник, тыча в сторону Харбира. Оба
архонта тут же бросили на него
неприятно пристальные взгляды, пока тот
пытался понять, что значит это
обвинение. Наемник осознал, что имеет
в виду не он, а хай'кранский воин в богато
украшенной броне, стоящий неподалеку.

Судя по его бронзово-зеленому боевому облачению, он был драконтом или, по меньшей мере, вернорожденным кабалитом. Должно быть, именно он руководил охранниками первой ступени, которые присоединились к Наксинаэлю. Архонт Яговитого Потомства вопросительно погнул брови. Драконт, если он был драконтом, заерзал на месте, беспокоясь из-за внезапно возросшего внимания к его персоне.

— Ну? — подтолкнул Наксинаэль. — Почему это мы должны спросить тебя, Сота?

Драконт Сота неопределенно пожал плечами.

— Архонт Осксия придерживался мнения, что Метзүх уже потерян, и у него был план, как установить карантин над всем ярусом.

— Хм, «карантин» звучит как изысканный эвфемизм, не так ли? — поделился с Безиет Наксинаэль. — Можно спокойно предположить, что Осксия имел в виду «запереть ярус, пока все в нем не утратит».

--- Осксия коварен и не питает любви
к Метзүху, --- ответила Безует, --- но я
готова поспорить, что наш новый друг
раскрывает нам не все.

Полүзабытый пленник под каблүком
Безует застелся жүтким задыхающимся
стехом, как бүгто захлебывался
жидкостями собственного тела.

--- Расскажи ил остальное! ---
прокашлял он. --- Это хорошая шүтка,
заслүженная.

--- Что ты сдделал, Сота? --- тон
Наксинаэля стал ледяным.

--- Ничего! --- сбивчиво вытолвил
граконт. --- Осксия послал весть Вектү, я в
этом не был затешан.

--- Какую весть?

--- Что Метзүх полностью үтрачен и
его... следует зачистить.

Пленник снова расхохотался, и из его
рта полезла розовая от крови пена.

--- Мы перехватили вашего
посланника! --- выплюнул он сплошным
потокот слов. --- Мы отправили его наверх,
дополнив сообщение, и теперь Вект
дүтает, что Хай'кран тоже үтрачен!

Считайте, что вы все мертвы!

Пленник закашлялся, согрознулся и шумно испустил дух. Забрызганные кровью губы так и остались раскрытыми в безумном смехе.

Бежит и Наксинаэль обменялись загадочными взглядами, а потом угладились от трупа пленного, чтобы обсудить его признание наедине. Харбир догадывался, о чем они думают. Если Верховный Властелин получит весть о том, что целые ярусы Нижней Колморры утрачены, он активизирует определенные древние механизмы безопасности. Они же наглухо отрежут эти районы от остального города, возведя непроницаемые энергетические поля. Вект использовал их и раньше, когда вторжения из-за пелены доходили до того, что угрожали существованию города.

Если внешние преграды устоят, тогда демонические сущности окажутся в ловушке и будут постепенно слабеть после того, как уничтожат всех живых существ, способных питать их. Когда настанет время, войска властелина снова войдут в

отрезанные районы и постараются
выследить и уничтожить всех, кто
остался в живых, основываясь на
небеспричинном предположении, что они
должны были стать одержимыми, чтобы
выжить. В давние дни Козомь Кирикс
претерпел подобную судьбу, когда один из
его архонтов решил, что союз с демонами
окажется отличным способом свергнуть
Верховного Властелина.

Это, конечно, если выдержат внешние
преграды. Если же нет, тогда отрезанные
области станут воплощениями ада, как
проклятый Шаа-гом, навсегда утраченный
и наполненный анархическими энергиями
пустоты. Получит ли Асдрубаэль Вект
сообщение? И если да, то поверит ли ему?
Харбир не знал, но великий тиран имел
заслуженную репутацию безжалостного
владыки, который вполне мог бы
запечатать целые ярусы города, будучи
уверен, что в них таится угроза. Наемнику
попался на глаза Ксагор, который закончил
лечить раненых и возвращался к нему.
Развалина с профессиональным
негодованием глянул на труп пленника.

когда проходил мимо.

--- Дилетанты, --- тихо фыркнул он, переводя взгляд на архонтов, все еще занятых обсуждением.

--- Они получили, что хотели, --- сказал Харбир. --- Очевидно, тираны послали сообщение, что и Метзух, и Хай'кран надо запечатать.

Ксагора заметно передернуло при мысли об этом.

--- С губ улырающих ложь сходит легко, --- заметил он. --- Хозяин учит нас, что надо возвращаться к одному вопросу снова и снова, не давая смерти вмешаться.

--- Уверен, что так оно и есть, но прямо сейчас даже вероятности того, что это правда, достаточно, чтобы погубить всех нас. Так что я бы уж лучше рискнул, поверив мертвому информатору.

--- Этот думает, что не ему это решать.

--- Тебе бы подумать, чего больше хочет хозяин, --- презрительно устехнулся Харбир. --- Чтоб мы завязли в междоусобицах кабалов или чтоб мы спрятались в каком-нибудь безопасном

месте?

--- Дай этому знать, когда найдешь такое место, --- согласно кивнул Ксагор. --- Ксагор не может лечить клиентов целыми кабалати, слишком много ран в каждом бою.

Харбир поднял взгляд на покрытый бороздами склон. Там, наверху, невидимая отсюда, находилась следующая ступень. Если он правильно помнил, то она должна быть цвета меди, после нее идет бронзовая ступень, потом серебряная и, наконец, золотая, доходящая до Дхаэльтраца, что всего на ярус ниже Горы Скорби. Он машинально потер плоский металлический пятиугольник в потайном кармане, и тут его посетила идея.

--- Мы не туда идем, --- пробормотал Харбир про себя. --- Надо идти вниз, а не вверх.

--- Этот не понимает. Вверху гибель, внизу гибель, смерть везде, где б мы не были, --- почти пропел Ксагор своим безжизненным монотонным голосом.

--- Стотри, верхние ярусы полны кабалитов в повышенной боевой

готовности, там сейчас царит анархия, и если мы ввяжемся в их драки, нам придется несладко. Нижние ярусы могут вообще запечатать. А в каком месте всегда анархия, даже без Разобщения?

— Сек Магера, — тут же ответил Ксагор.

— Вот именно, Сек Магера, Нүль-город. Мы отправимся туда и присоединимся к самым сильным.

— Чужие и изгои, — сплюнул Ксагор с неожиданной отворачиванием.

— Поэтому-то они и сосредотачиваются только на том, чтобы выжить, а не на интригах и мести, как кабалиты. Кстати, еще у меня там есть грузы, они могут нам помочь, если, конечно, еще живы.

Ксагор медленно кивнул при этих словах.

— Как сбежать без последствий?

Харбир посмотрел в сторону Наксинаэля, спорящего с драконтом из Хай'крана, Сотой. Остальные выжившие из Метзүха и остатки хай'кранских воинов уже стекнулись, что происходит, и

столпились вокруг архонтов двѣтя четко
разделенными группами. Ближайшая арка,
ведущая в парк, что примыкал к ступеням
Латийи на этом ярусе, была менее чем в
ста метрах от них.

--- Сейчас подходящий момент, лучше
уже не будет, --- Харбир кивнул в сторону
арки. --- Иди в ту сторону, как будто
проверяешь трупы или тина того, потом
просто быстро и тихо статывайся. А я
через минутку пойду за тобой следом.

Ксагор тут же устретился прочь и с
преувеличенной беспечностью пошел к
парке, подталкивая и тыча навших
Азхоркси, попадавших на пути. Харбир
снова повернулся к Наксинаэлю и Безиет,
которые теперь вместе спорили с Сомой.
Последователи обеих сторон с неприязнью
глядели друг на друга, оценивая
количество, и в воздухе витало ожидание
насилия. Харбир начал размышлять, как
ему соорудить из всего этого достаточно
большую сѣтатоху, чтобы прикрыть
собственный побег.

Глава 14

Живой меч

Морр повернулся спиной к рухнувшему арлекину и сделал шаг вперед, к колоссальной статуе Архры, нависающей над дальним концом зала. В ответ Дражар немедленно устретился вперед, перепрыгивая ямы на своем пути быстрее, чем бегущий грифлев. Через миг он уже приземлился перед Морром и преградил ему путь полуклэйвами, вознесенными для удара. Двое инкубов затерли живыми статуями, словно два колосса, и воздух между ними трещал от напряжения. Ни один не двигался с места, и они твердо смотрели друг на друга, сойдясь в толчаливом поединке воли. Мгновения переходили в минуты, но ни один из них даже не дернул мускулом.

Без всякого предупреждения застывшая сцена взорвалась действием. Первый обмен ударами был так быстр и свиреп, что за ним невозможно было

последить невооруженным глазом и нельзя было сказать, кто атаковал первым. Танец стрелительных клинков оставил после себя лишь сверкающие следы на сетчатке, по которым можно было понять, что клэйв Морра полоснул сверху вниз, а один из полуклэйвов Дражара отразил удар в тот же миг, как его хозяин крутанулся и сделал мощный выпад вторым клинком. Мечи-близнецы Дражара рассекали воздух, словно лапы богомола, и Морр отскочил в сторону, чтобы его не оттеснили в яму.

Нестрый наконец начал оправляться от парализующего нервы выстрела Морра и восстанавливать контроль над предательски подгибающимися конечностями. Он подтянул ноги под себя и неловко встал, хотя по-прежнему чувствовал тошноту. Схлестнувшиеся инкубы не удостоивали его вниманием. Они заткнулись в собственной вселенной, где были только Морр и Дражар, подобные двум нейтронным звездам, вращающимся вокруг одной оси. Любая попытка вмешаться в их состязание неизбежно

закончилась бы смертью. Пестроту пришлось заключить, что все надежды потеряны, и ему остается только наблюдать за развитием трагедии, одновременно поражаясь смертоносной искусности бойцов.

Оба были настоящими мастерами, в этом можно было не сомневаться. Из-за разного оружия их бой был соревнованием скорее на скорость, чем на силу. Даже могучий Дражар, живой меч, не смог бы заблокировать тяжелый клэйв Морра, описывающий над ним смертоносную дугу. Но и Морр не мог сравниться в скорости с быстрыми как стрелы полуклэйвами Дражара. Они постоянно двигались, постоянно меняли место, уклоняясь друг от друга среди асимметричного узора открытых ям и сплошных плит, даже не глядя под ноги. Их маневры и ловкость сами по себе захватывали дух, а вой клинков, разрывающих воздух, внушал ужас. Бойцы перемещались по залу, не прекращая яростной схватки, огибали и перепрыгивали ямы, подступали к статуе Архры и снова отдалялись. По стенам

метались и скакали гротескные тени, отбрасываемые дуэлянтами, как будто в зале сражалась целая армия демонов. Все это происходило в злобещем молчании, и слышно было лишь шорох сабатонов по камню и свист сталкивающихся клинков.

После особенно яростного обмена ударами два инкуба снова оказались порознь и затерли, как на живой картине. Дражар подался вперед с полуклэйвами наготове — один занесен над головой, как жало скорпиона, другой направлен точно в сердце соперника. Доспехи Морра были истерзаны, и кровь сочилась из доброго десятка неглубоких ран. Высокий инкуб на миг опасно покачнулся, и Дражар тут же ринулся на него, чтобы прикончить ослабевшего противника... но едва не потерял голову при этой попытке. Клэйв Морра с шипением метнулся вперед, быстрее, чем атакующая змея. Невероятно изогнувшись, Дражар перехватил стремительный клинок обоими мечами, и его по инерции оттеснило назад, так что сабатыны заскрежетали о камни.

Но это было последнее усилие Морра.

исчерпавшего все силы. Он вернул клинок слишком медленным, неаккуратным движением, и в тот же миг Дражар, столь же быстрый, как и всегда, снова прыгнул и атаковал. Полуклэйвы обрушились на него, как молот на наковальню, и меч Морра искрился, парирывая выпады один за другим, но всякий раз его движения были чуть медленнее и чуть слабее. Морр истекал кровью, и вместе с ней уходила его невероятная сила.

Нестрый яснее ясного видел, что скоро произойдет смертельный удар, но он приближался тщательно медленно. Клэйв Морра слишком далеко ушел в сторону, отбитый первым ударом Дражара, и тот сразу же нанес второй, как апперкот. Крючковатый конец полуклэйва сверкнул, описав идеальную параболу, и врезался Морру под подбородок. Вспышка, и Морра отшвырнуло назад, словно им выстрелили из пушки. Он с грохотом приземлился на краю ямы. Разбитый шлем укатился куда-то во тьму, клэйв с лязгом упал на камни, выскользнув из бесчувственных пальцев. Дражар прыгнул на павшего врага, подняв

безжалостные клинки, чтобы обезглавить его одним ударом. Пестрый закрыл лицо руками и отвернулся, не в силах узреть то, что должно было произойти.

«Жить, как настоящий эльгар, значит жить на лезвии ножа, жить, как архонт, значит жить на самом его острие». Уллитюан повторял эту максиму про себя, поднимаясь по лестнице, ведущей к посадочным площадкам на вершине крепости Белого Пламени. Что ж, если ненавистный тиран Вект вызвал его к себе, словно раба, Уллитюан придет и будет без страха стоять перед ним с улыбкой на лице и жаждой убийства в сердце. Сейчас важно выжить — выжить, чтобы потом он смог спланировать и обрушить на него идеальную лесть.

Уллитюан приказал сенешалю собрать всех воинов и союзников, каких только можно взять, не ослабив оборону крепости. Не считая его личной барки, выходило всего пять «Рейдеров», набитых воинами, плюс беспорядочная толпа бичевателей, геллионов и разбойников в

качестве эскорта. В такое время это была вполне значительная сила, но ее бы, разумеется, не хватило, чтобы спасти Уллитюана с Центрального пика, если окажется, что Векту известно больше, чем тот надеялся. С другой стороны, Верховный Властелин всегда тщательно старался сделать так, чтобы ни одна отдельно взятая политическая сила Колморры не могла даже при самых лучших обстоятельствах устроить штурм Центрального пика. Крепость Белого Пламени, какой бы мощной и высокой она ни была, представляла собой лишь детскую игрушку в сравнении с гигантским владением самого Властелина. Тех войск, которые были доступны, должно было хватить.

Разглядывая воинов, Уллитюан заметил в них некоторую неуверенность: кто-то потупил глаза, кто-то оглядывался, чувствовалась нервозность, которая уже явно распространялась среди недисциплинированных геллионов и разбойников. Архонт решил, что следует обратиться к своей свите и напomenить ей

о долге, так что он повысил голос, чтобы
его воспринимали все собравшиеся.

— Услышьте меня! Наш город в
опасности, и Верховный Властелин
призывает нас на помощь, чтобы вернуть
все на круги своя. Иначе он и не мог
поступить, зная о мощи Белого Пламени!
Сейчас мы отправится на Центральный
пик, чтобы услышать его намерения и
принять его справедливые приказы. Теперь
не время для страха, но время для
наивысшей силы и стойкости. Любой, кто
встанет на нашем пути, суть мерзость,
которую следует уничтожить, любой, кто
падет по дороге, будет навеки потерян. По
законному праву, как ваш архонт и
владыка во всех отношениях, я повелеваю:
подчинитесь мне сейчас, иначе я прекращу
ваше существование, прежде чем вы
сделаете следующий вдох. Посмотрите
вверх! Посмотрите и узрите то, что мы
должны преодолеть в этот день, дабы
добраться до цели!

Как один они подняли взгляды на
адский небосвод над Верхней Колморрой, и
перед ними предстала сцена из ночных

коштаров. Улмеи плакали черными слезами. Неровные короны краденых солнц полыхали потусторонними энергиями множества оттенков, и из них сочилась скверна. Звезды взирали с небес, как чудовищные пылающие глаза, в чьем жутком свете видно было движущиеся тучи крылатых отродий. То, что можно было разглядеть за преградой позади солнц, теперь украденных дважды, представляло собой яркое, безумное многоцветье: густые мазки синего и пурпурного сталкивались с завихрениями цвета нефрита и изумруда, из ниоткуда раздвигались траурные облака серых и коричневых оттенков, а затем их рассеивали стремительные штормы бело-голубой статики.

Над городом вот-вот должна была разразиться очередная буря. Эфирные энергии с треском проносились сквозь воздух, призрачные огни танцевали на шпильях, от ударов мертвенно-бледных толп сотрясалась вся крепость. Стремительные ветры приносили с собой резкие вскрики и вопли, чуждые языки

кричали на наречиях, забытых еще до того, как эльдарская раса впервые поднялась к звездам. Уллитриан бесстрашно встопорелся в небеса и с гордостью отметил, что его кабалиты подчинились быстро и без вопросов. Да, несколько из их числа упали наземь, содрогаясь в чудовищных конвульсиях от этого зрелища, но они были слабы, и лучше было избавиться от них сейчас, чтобы они не погвели его позже.

Удовлетворившись, Уллитриан шагнул на борт своей личной барки, гравилета потрясающей красоты. Нос, свирепотворчащий вперед, был инкрустирован рубинами и алебастром, изображающими символ Белого Платени. Узкие линии узкого корпуса великомерно изгибались от самого носа до расширенной кормы, вмещающей гондолы с гравитационными двигателями. Уллитриан взошел на открытую платформу в центре барки и уселся на богато украшенный трон. Телохранители-инкубы заняли места у длинноствольной осколочной пушки и дезинтеграторов, стоящих на лафетах

вдоль фальшбортов. Уллитван кивнул рулевому, и его транспорт плавно поднялся с посадочной площадки. Позади взмыл вихрь из «Рейдеров», крылатых бичевателей, реактивных мотоциклов и скайборгов и быстро рассеялся вокруг барки. Уллитван сделал еще один жест, по которому барка рванулась вперед, словно стрела, выпущенная из лука.

Перед ними простирался зубчатый ландшафт Верхней Колморры, безумное и роскошное множество темных башен, увенчанных клинками шпилей и крыш, засеянных острыми шипами. Во многих местах пылали пожары, и грязные потоки дыма вились на ветру, как потрепанные знамена. Частично обрушенные башни и разоренные особняки торчали из дымки обломанными зубами. Там и сям в темных прогалинах между монументальными пиками вспыхивал огонь орудий. Несомненно, сейчас шли неистовые бои. Огни вытещали на грузах свои давние копившиеся досады и претворяли в жизнь амбиции, сородичи убивали друг друга. Там, внизу, сражались и некоторые из

союзников самого Улитуана, но по сравнению с вбушающими благоговейный страх энергиями, бушующими в небесах, их ссоры казались мелочными и неуместными. Улитуан и его свита, не останавливаясь, продолжали тчаться вперед через Горы Скорби.

Улитуан подал рулевому сигнал двигаться выше, чтобы избежать огня, который мог бы поразить их снизу. Он сознательно шел на риск, принимая вероятность столкновения с грозати и летучими демонами, ибо слишком хорошо знал, насколько велика точность и мощь вооружений, используемых воюющими кабалами. Он бы скорее попытал удачи против когтей демонов, чем подверг бы свои немногочисленные силы угрозе гибели от меткого огня темных копий, стоящих в засаде. Они поднялись среди рассекающих воздух молний, обжигающих сетчатку вспыхив чистой энергии. От грохота и рева бури содрогались все клетки в теле, звук отдавался в самых костях, уши оглохли, не в силах выдержать бешенства стихии. Что-то ослепительно вспыхнуло,

и пара геллионов просто исчезла, а их
ночные скайборды раскололись на
летающие фрагменты и полетели вниз.

Свита Улитуана тчалась сквозь
хаос, разогнав тягу до максимума, под
забывание двигателей. Еще одна молния
копьем пронзила мотоцикл разбойника, и
его силовая установка детонировала,
беззвучно взорвавшись оранжевым
пламенем. Следующей жертвой стал один
из гладких, обтекаемых «Рейдеров»,
который ушел в пике, оставляя за собой
след из дыма и огня. Крошечные фигурки,
размахивая руками, посыпались с его
палубы, пока рулевой тщетно пытался
вернуть машину под контроль. «Рейдер»
исчез среди острых шпилей и башен, и
больше его никто не видел.

Свита Улитуана инстинктивно
начала петлять и метаться из стороны в
сторону, как будто они могли каким-то
образом сбить наводку этим случайным
разрядом. Улитуан обругал рулевого за
глупость, думая про себя, что ему
приходилось испытывать на себе
артобстрелы куда меньшей

интенсивности. Неискушенный разум всегда отказывается верить, что ему не дано предотвратить случайные удары судьбы. Уллитюан не был настолько слеп. Его барка обладала встроенными силовыми полями, которые отразили бы толню, если бы ей не посчастливилось попасть под удар. Единственное, что его интересовало -- и не сказать, чтоб так уж сильно -- было то, достаточно ли много войск уцелеет в этом испытании, чтобы они могли пригодиться ему впоследствии.

Беллатонис довольно-таки открыто продвигался вниз по крепости Белого Пламени. Он без всякого стыда пользовался покровительством Уллитюана, чтобы его пропустили презграждающие путь инкубы, подозрительные воины и чрезмерно любопытные вернорожденные, которые встречались по пути. Единственного упоминания архонта было достаточно, чтобы погасить всякое желание его задерживать, и это было действительно приятно.

Нижние пределы крепости лежали в

руинах. Ему попалось все меньше и меньше кабалитов Белого Пламени, а темного он видел, шли настороженно и быстро, придерживаясь теней. Всюду царил запах гари, и временами Беллатонис проходил мимо трупов, лежащих среди извилистых коридоров и глубоких подвалов. Но тереснижения начали проявляться психические феномены: стены, которые плакали багровыми слезами, морозные дымки и маслянистые туманы, которые бормотали и пели на чужих языках.

Беллатонис вздохнул и, стирившись, наконец достал свое собственное оружие. Обычно он считал эту необходимость практически унижительной, ибо это означало, что он что-то неправильно спланировал. Темункул утешил себя тем, что обстоятельства были далеки от обычных. Уллитан приказал ему поселиться в старых подземных покоях Сийина, но Беллатонис поймал себя на том, что эта идея вызывает у него все большее неприятие. Кто знал, какие объекты неоконченных экспериментов и сумасшедшие гротески, выбравшиеся из

клеток, могут свободно бродить по
маленькому царству Сийина? Прежде чем
Беллатонис углубится в подземелья, ему
понадобятся подкрепления схожего рода.

Приняв решение, на следующем
пересечении он повернул в сторону и
спустился по маленькой и давно не
использовавшейся лестнице. Кривые узкие
ступени вились вниз, к одной из цистерн
крепости, которая представляла собой
тихо плескавшее о берег подземное озеро
слизи и нечистот. Беллатонис знал, что
в помещении, где оно находилось,
находится ниша, в которой скрыта дверь,
ведущая за пределы крепости. Это было
рискованно, но вряд ли более опасно, чем
рассчитывать на то, что выжившие
развалины Сийина будут слушаться убийцу
своего господина.

Беллатонис остановился у арки,
ведущей к цистерне, и внимательно
прислушался, пытаясь определить, нет ли
кого внутри. Он ничего не услышал, кроме
звука толстых волн, бьющихся о камень, и
осторожно вошел. Дамбы из крапчатого
каменя тянулись по широкому черному

простору, едва различитому в тусклом освещении. В стенах по обе стороны виднелись бесчисленные одинаковые ниши, лишенные каких-либо отличительных черт. Считая шаги, Беллатонис дошел до той из них, через которую он и Уллитван проникли в крепость после того, как он нашел архонта утирающим в нижних туннелях от стеклянной чумы.

Гелмункул провел глинопалой рукой по потолку ниши и нащупал ряд крошечных выступов, почти ничем не выделяющихся среди каменной кладки. Когда он уже собирался надавить на них, его всеобъемлющее периферийное зрение заметило быстрое движение. Он сфокусировался на нем, не поворачиваясь, но переведя все внимание на глаза, имплантированные в лопатки, и увидел двух татуированных эльдаров, которые беззвучно крались к нему на расстоянии не более чем в дюжину метров. Они были голыми, если не считать клыкастых шлемов и чешуйчатых набедренных повязок, а их груди и конечности были покрыты закрученными в спирали рядами

шипов, похожих на зубы. Босые ноги не издавали даже шороха, ступая по полу, и в руках оба воины сжимали кинжалы с потеками яда, которые сулили быструю смерть от одной-единственной царапины. Это, должно быть, были Отравители, о которых гелүнкүла предупреждали стражники в верхней части крепости.

Беллатонис опустил руку и медленно повернулся к ним лицом, прочистив горло. Двое Отравителей застыли, как статуи, как будто неподвижность могла каким-то образом сделать их невидимыми.

— У меня нет с вами никакой ссоры, — рассудительно проговорил Беллатонис. — Сделайте одолжение, убежите отсюда и найдите себе каких-нибудь жертв из Белого Пламени.

Один из Отравителей бросил на другого еле заметный взгляд, ожидая указаний. Беллатонис вскинул пистолет и застрелил его первым. Пистолет-«жало» со спиральным стволом издал лишь слабое шипение, выпустив из себя наполненную токсином стеклянную иглу, и та вонзилась в грудь Отравителя. В

мгновение ока его покрытая
матировками плоть вздулась, как
воздушный шар, и распухла вокруг раны
настолько, что превратилась в сферу,
охватившую все тело несчастного.
Раздался скрип растягивающейся кожи, а
затем треск: шар плоти взорвался и
осыпал его товарища дождем кровавых
осколков.

— Это был состав под названием
«вздутомор», скучный, но эффективный и...
такой быстрый! А теперь не желаешь ли
сбежать? — предложил Беллатонис,
наведя пистолет на второго Отравителя.
К удивлению гелүнкүла, тот ничего
подобного не сделал, а вместо этого со
стерпевшей точностью метнул свой
кинжал. Пистолет-«жало» выстрелил
практически одновременно, повинувшись
рефлекторному движению Беллатониса,
но изгла утчалась во тьму всего в ладони
от закрытого маской лица Отравителя.
Гелүнкүл попытался увернуться от
крутящегося лезвия, но он не был ведьмой-
гладигатором, что способна ловить ножи
на лету. Кинжал попал в плечо, и

Беллатонис вырвался от боли и изумления.

Выживший Отравитель тут же сорвался с места, шлепая босыми ступнями по камням, и исчез во траке, прежде чем гелүнкүл успел выстрелить снова. Скрипнув зубами, Беллатонис переключился на вытаскивание клинка из плеча. Он не мог не восхищаться тем, как быстро чернели края свежей раны. Может быть, Отравители и забыли о портняжном искусстве, но в том, что касалось ядов, они оправдывали свое имя. Он осторожно прикоснулся к лезвию своим черным заостренным языком и слегка скривился. Это было некротизирующее снотворное снадобье, созданное для того, чтобы заставить жертву лечь и тихонько гнить до самой смерти. Композитный яд, эффекты ингредиентов которого накладываются друг на друга, наверняка с какими-нибудь неприятными сюрпризами, которые активируются, если попробовать применить соответствующие противоядия.

Беллатонис

почувствовал

неприятное головокружение и выронил
кинжал, чтобы ухватиться за край ниши и
не упасть. Удар клинка о камень отдался в
ушах странным эхом — далеким, долгим
звоном, как будто во сне. Темүнкүл
попытался собраться с силами, чтобы
протянуть руку и открыть потайную
дверь, но потолок ниши вдруг оказался
ужасно далеко.

Наконец-то получив свободу
охотиться и преследовать, машины
террора Ви и Чо выбрались из подземелий
в регионе, известном как Разбитая Кость.
Они вышли на русло кислотно-зеленой
подземной реки, которая извивалась, то
огибая внешние районы, то проходя сквозь
них, от самого Центрального пика.
Умплантированные в машины энграммы
памяти говорили им, что эта река
предоставит им идеальное прикрытие и
кратчайший маршрут в места, где могла
скрываться добыча. Извилистое русло реки
скрывалось во тьме под занавесом
токсичных облаков и проходило через арки
и туннели, соединяющие ряды залов и

атриутов, которые давным-давно покинули все, кроме отчаявшихся и убогих.

Две подобные осам машины мчались на бреющем полете над токсичной влагой реки, и на ее поверхности оставались идеальные клиновидные следы от их гравитационных турбин. Здесь психический запах добычи был слаб, но создавал определенную тягу, увлекая за собой ограниченные сознания механизмов. Пока что этот малозаметный след мог принадлежать любой из миллионов форм жизни, которые они идентифицировали в том направлении, куда летели. Но мере приближения след будет становиться все более интенсивным, вплоть до того момента, когда они распознают цель как индивидуума, отследят его перемещения и обнаружат его логово. Все это было уже предрешено и записано в их высшие мозговые функции набором констант, столь же неизбежным, как сама смерть.

Но все же они обладали автономностью, наиболее драгоценным из всех даров, какими можно наделить автоматы. Что счастливо петляла вперед

и назад, якобы проверяя системы ориентации в пространстве. Ви агрессивно зондировал окружающий субстрат, извлекая из него информацию, и с радостным самозабвением тестировал свое стрелковое вооружение на всем, что двигалось. Ничто не затежало их продвижение, хотя они и промчались мимо нескольких разбитых гравилетов, которые медленно дрейфовали в потоке, но не нашли в них никаких различимых признаков жизни.

Ви засек наличие непрерывных сейсмических повреждений окружающей структуры и рекомендовал отказ от предполагаемого маршрута на основании высокой вероятности завала. Чо воспротивилась предложению, сославшись на то, что, следуя руслу реки, они достигнут максимальной скорости продвижения. Ви согласился, и пара устремилась дальше, к Когтю Ашкери.

Вскоре Ви и Чо медленно парили над руинами нижнего Метзуха, снова и снова пересекая психический след, по которому двигались. Источник близко — или был

близко к этой области в недавнем прошлом, однако в показания приборов вкрадлась неопределенность. Чо была более чувствительна, чем ее партнер, и смогла обнаружить недавние индикаторы, которые достаточно совпадали с параметрами их цели. Ви нашел более старые следы, которые точно совпадали с ними, но вскоре потерял их, когда они приблизились к неконтролируемому пересечению с Паутиной. Машины безмолвно заспорили о своих находках. Предложение Ви проникнуть в это пересечение было быстро отвергнуто по причине малой вероятности заново взять след на другой стороне.

Чо беспокойно встопорщила лопасти и толстые антенны сенсоров. Логика диктовала, что они должны идти по наиболее свежим следам цели, но Ви упорно отказывался подтверждать достоверность находок Чо. Ви предлагал вернуться по следам, которые он обнаружил, и выяснить их происхождение, в то время как Чо поддерживала дальнейшее движение по наличествующим

следом, пока те не стали размыты. Никто не устанавливал и преимущественности над своевременностью, протоколы уничтожения действовали без каких-либо дополнительных оговорок, и поэтому две машины обнаружили себя в типичовой ситуации.

Несколько мгновений Чо беззвучно парила, углубившись в вычисления, после чего предложила решение, которое предельно полно использовало дарованную и автономность. Они разделятся: Ви пойдёт по своему следу, Чо по своему. В случае, если оба следа приведут к одному логову, они объединят усилия, чтобы уничтожить цель. В случае, если одна из целей окажется ошибкой ложного распознавания, она будет уничтожена, и сделавшая это машина присоединится к другой так скоро, как только возможно. Чо настаивала, что это единственное оптимальное решение проблемы.

Ви довольно долго размышлял над предложением. Ключевые боевые алгоритмы предупреждали, что рассеивание сил нежелательно, однако

некая цепь рассуждений, которую у живого организма можно было бы назвать «опытом» или «уверенностью в себе», побуждала Ви принять план Чо.

И тогда две машины разделили свои пути: Чо углубилась в поиски среди руин у берега Великого Канала, в то время как Ви двинулся по психическому следу, который засек в воздухе. След был запутан и искажен из-за событий, произошедших в городе, но Ви тянуло вверх, как будто на невидимых нитях. Ви испытал поток конфликтующих между собой данных, которые смертное существо описало бы как «возбуждение». Теперь охота стала соревнованием между двумя машинами, каждая из которых следовала собственным курсом к успеху или провалу. Их возлюбленный создатель мог бы гордиться ими.

Глава 15

Способность к милосердию

Проходили секунды, но Пестрый ничего не слышал. Ни последнего проклятья поверженного инкуба перед тем, как его настиг рок, ни звука разрезаемой плоти, означающего, что Дражар забрал голову Морра как трофей. Арлекин осторожно раздвинул пальцы и выглянул наружу. Сцена перед ним практически не изменилась: Морр лежал на каменном полу без шлема, с одним плечом, свесившимся над ямой, не в силах дотянуться до своего упавшего клэйва. Дражар теперь сидел над ним, как огромный бронированный боготол, скрестив полуклэйвы у горла противника. Ему достаточно было дернуть запястьями, чтобы мгновенно обезглавить Морра, однако клинки-близнецы не сдвигались с места.

Через долгое мгновение Дражар

медленно убрал полуклэйвы и выпрямился. Он шагнул назад, по-прежнему глядя на Морра, коротко кивнул и повернулся. В несколько шагов мастер клинков затерялся в тенях и растворился во тьме, как будто его никогда и не было. Пестрый тут же кинулся к Морру, и в его сердце расцвела надежда, когда он увидел, что великан-инкуб все еще движается. Лишенное маски бледное лицо повернулось к Пестрому, каждая его черта была наполнена тучой.

— Мне отказали даже в достойной смерти! — прорычал Морр. — Я побежден мастером клинков, который никого не оставляет в живых, но он оставил меня страдать в бесчестье!

То было старое лицо, покрытое морщинами и шрамами от бесчисленных стычек. Прямые бесцветные волосы обрамляли твердый лик с острыми, воинственно торчащим подбородком и яростными темными глазами. Страсти, которые всегда скрывались под глухим шлемом, теперь горели ярким пламенем жизни.

— Нет! — резко возразил Пестрый. —

Дражар мудрее тебя. Он понимает, что у
тебя есть великая роль, которую ты
должен сыграть, даже если ты сам ее не
принимашь! Ты говорил, что Дражар
непокорен иерархам, убивает тех, кто
поклоняется ему, и делает, что пожелает
— именно это он и сделал, оставив тебя в
живых! Он считал тебя достойным, Морр!
Достойным жить и сыграть свою партию!

Морр со стоном отшатнулся,
вцепившись пальцами в пол от тьмы. В
голову Пестрого вкралась неуместная
мысль, что должно быть невероятно
сложно продолжать жить после столь
сильной жажды смерти, и, возможно, для
этого нужна большая храбрость.

Из глубин храма донесся звон колокола
— удар, второй, третий. Глубокие низкие
звuky накатывали один на другой,
порождая вибрацию, которая, казалось,
исходила прямо из камней под ногами.
Пестрый наклонил голову вбок, недоумевая,
что значит этот звон, но быстро решил,
что в текущих обстоятельствах он,
скорее всего, не может предвещать ничего
хорошего.

Одна из толстых сальных свечей на ступенях догорела и угасла, и тени вокруг них сгустились. Пестрый осознал, что потухли уже многие свечи, осталась лишь горстка, по-прежнему освещающая зал.

— Морр, я понимаю, как тебе больно, но мне кажется, нам уже пора уходить.

Морр с трудом поднялся в сидячее положение, уперся локтями в колени и спрятал лицо в руках.

— Зачем? — спросил он. — Зачем мне теперь покидать это место? Я останусь здесь, пока не умру от голода. Это будет подходящий конец.

Еще одна свеча угасла. Тени сгустились еще больше. Громадная статуя Архры стала лишь угрожающим силуэтом во тьме. Пестрый почувствовал едва заметный наметк на движение в одной из множества арок в стенах зала, а потолок еще один. Из черноты за аркой на него блеснули красные глаза.

— Это бессмысленный, недостойный конец! — вскричал Пестрый, пытаясь смотреть во всех направлениях одновременно. — И весьма вероятно,

невозможный — посмотри! Может быть, Дражар считает себя достаточно сильным, чтобы отрицать решения иерархов, но они по-прежнему хотят покончить с тобой и послали других вместо него!

Во всех темных проемах вокруг Пестрого и Морра виднелись пары красных глаз. Жесткие и безжалостные взгляды инкубов, окруживших их. Морр с трудом поднялся и оскалился на Пестрого, когда тот попытался помочь. Даже без высокого шлема инкуб был на целую голову и плечи выше изящного арлекина, подобный трачному призраку в своих побитых и кровавленных доспехах. Он оглядел зал с презрением, горящим в глазах.

— Так что, вы пришли принести меня в жертву идолу Кхейна? — пробормотал он про себя и, пошатнувшись, наклонился, чтобы подобрать упавший клэйв. — Сожжете меня, как провалившегося кандигата?

Стигнув оружие, инкуб как будто почерпнул из него силу. Он выпрямился, и на его лице снова появилась уверенность.

Еще одна свеча оплыла и потухла. Теперь
их осталось только три, три тусклых
световых пятна в океане тьмы.

--- Нет, Морр! --- взмолился Пестрый. ---
Нам надо уйти! Разве ты хочешь, чтоб
тебя помнили именно так? Как инкуба,
который бессмысленно погиб в собственном
храме, хотя мог спасти миллиарды?

Морр немного помедлил и с
сомнением посмотрел на Пестрого. На его
лице ясно читались муки принятия
решения. Погасла еще одна свеча, и между
ними пролезли длинные тени. Пестрый
нетилосердно надавил, пользуясь своим
преимуществом.

--- Потому что я об этом позабочусь, ---
ядовито прошипел он. --- Все последующие
века я буду делать так, чтобы каждый
помнил Морра лишь как инкуба, который
потерпел неудачу. Он погвел своего
господина, погвел свой храм, погвел свой
народ!

Морр взревел и затахнулся на
Пестрого, клэйв со свистом рассек воздух
между ними, но Пестрый одним шажком
ушел от удара и демонстративно зевнул.

прикрыв рот рүкой.

--- В таком состоянии ты даже сражаться не можешь, посмотри на себя! Ты едва способен поднять этот здоровенный мясницкий нож, который тебе так нравится, -- сардонически добавил Пестрый. --- Ты что, пережил битву с Дражаром только для того, чтобы в тот же день погибнуть от куда менее славных клинков? Это и есть честь? Это и есть совершенство, которое ты преследовал всю свою жизнь?

Клэйв Морра затер. Жгучие напасты Пестрого погасили его ярость, оставив лишь пустоту и боль в глазах инкуба. Он опустил клинок и остотрелся, как будто впервые увидел этот темный зал по-настоящему. Неумолимые красные глаза блестели, глядя на него из теней, словно шакалы, стыкающие кольцо вокруг раненого льва.

--- Нет, -- прохрипел Морр. --- Это не совершенство, которое я искал.

--- Тогда иди со мной, и мы еще создадим о тебе достойную легенду! -- с жаром произнес Пестрый. --- И будущие

поколения будут поражаться пути инкуба и силе Морра, который остался верен учению Архры, самого совершенного убийцы из всех.

Предпоследняя свеча тизнула и потухла, оставив лишь одну слабую лужицу света, которая с трудом удерживала приближающуюся тьму. Морр медленно повернулся лицом к чудовищной статуе Архры, почти невидимой во тьме, не считая злобещего блеска рубиновых глаз. Окровавленный инкуб поднял клэйв в торжественном салюте его призрачному образу.

— Я понимаю твой урок, мастер! — громко прокричал Морр, и его грубый голос отразился эхом от стен. — Я принесу твоё слово туда, где их услышат уши, не затронутые скверной. Верные не забудут твой путь. В этом я клянусь тебе!

Морр опустил клэйв с точностью, напоминающей его прежнюю. Красноглазые тени-инкубы теперь стали ближе и сплошь окружили Морра и Пестрого в утирающем свете последней свечи. Услышали ли они слова Морра, одобрили или не одобрили их,

они не подавали никаких знаков. Бритвенно-острые лезвия клэйвов зловеще мерцали.

— У тебя есть план, маленький клоун? — тихо спросил Морр.

— Это твой храм, так что я надеялся, что план есть у тебя, — медленно проговорил Пестрый.

— Тогда мы умрем вместе, — с трагичной уверенностью сказал Морр. — Церархи не позволят тебе уйти после того, что ты увидел и услышал.

Пестрый мог поклясться, что услышал в голосе Морра радость.

Архонт Уллитан считал своей обязанностью понять, что за чудовищную сущность он, совместно с Кселиан и Крайллахом, впустил в Котморру. После того, как они оживили тварь, которую поначалу считали древним и злейшим врагом Векта, Эль'Уриакон, Уллитан на протяжении месяцев неустанно старался выяснить, насколько глубокую яму себе выкопал. Изучение того, что обитало в пустоте, всегда было его страстью, и он

предался поискам с новым рвением, которое показалось бы почти нелогичным извращенным даже его пресыщенным сородичам. Для комморритов силы Хаоса были тем, на что лучше всего смотреть лишь украдкой, тем, что следует отрицать и игнорировать, насколько возможно. Так же, как какой-нибудь народ, живущий на высоких утесах, старается не слишком много думать о том, что они постоянно рискуют упасть и разбиться насмерть, комморриты ограничивали свой разум размышлениями о том, как избежать подобной судьбы, а не о том, каковы ее детали.

Но Уллитван мыслил не так, и благодаря своим знаниям он выжил, в то время как Эль'Уриак уничтожил Кселиан и Крайллаха. Уллитван уже всматривался в Море Душ и пришел к пониманию того, насколько безграничная мощь таится в нем и каковы его чудовищные опасности. Также он стал больше понимать о его обитателях, по крайней мере, настолько, насколько мог здравый рассудок понять манифестации ужаса и безумия, которые

представляли собой демоны. Поэтому он знал, что демоны вскоре явятся за ними, не в силах противостоять столь близкому мерцанию ярких искр эльдарских душ, что проносятся мимо.

Разобращение было внушающим благоговейный страх примером мощи, присущей варну, ужасающей демонстрацией сил, окружающих Котморру. Именно такой мощи Уллитуан искал всю свою жизнь, и теперь он понимал, что она всегда его окружала — огромная, неукротимая и недоступная. У все же, именно интриги Уллитуана обрушили этот катаклизм на Котморру. Это он вынудил Асдрубазля Векта созвать архонтов и на время сконцентрировать свой злобный ум исключительно на обороне города. Уллитуан улыбнулся, подумав, какие возможности это откроет ему в ближайшем будущем. Можно будет захватить новые территории, уничтожить соперников, утолить жажду мести, и все это под видом исполнения приказов Верховного Властелина. При всех знаниях Уллитуана был даже шанс,

что он сможет как-то остановить
Разобщение, но чем больше он размышлял
над этим, тем меньше видел причин это
сделать.

Между ударами грома слышались
пронзительные крики на ветру, которые
стали более громкими и возбужденными.
Циклобы-телохранители Уллитана
поворачивали орудия во все стороны,
выскакивая источник воплей, и глиняные
стволы пушек неумолимо рыскали по
небесам. Вот они! Над армадой снижалась
крутящаяся воронка, сплошная масса
темнокрылых пятен, летевших вниз сквозь
облака цвета кровопотока. Поток
высокоскоростных осколков и лучей
темного света, выпущенных спутниками
Уллитана, скрестились на
приближающейся стае и остановили ее
так же верно, как если бы на ее пути
возникла невидимая стена.

Уллитан знал, что в демонической
иерархии эти манифестации — не много
более, чем паразиты, низшие сущности,
которые проскальзывали сквозь то, что
соединяло субреальности Ултей с самой

Колморрой. Огромные открытые порталы, которые обычно позволяли слабому жару и свету краденых солнц просачиваться наружу, в город, стали уязвимы под воздействием Разобщения. Эфирные энергии, протекающие в пространстве вокруг Улмей, поддерживали этих маленьких демонов, позволяя им собираться в громадные стаи. Уллитван рисковал, предполагая, что они не могут надолго покинуть зону непосредственно рядом с краденым солнцем, иначе они значительно ослабеют.

И все же со всех сторон спускались темные силуэты и яростно хлопали крыльями, сближаясь с летящими «Рейдерами» Белого Пламени и их эскортом. Большая часть атакующих представляла собой искаженных нагих гуманоидов, наделенных разнообразными крыльями и когтями. Многие имели облик необъятно раздутых мух, стремительно извивающихся угреподобных червей и иных существ, описать которых было сложнее. Кабалиты Уллитвана поливали приближающиеся орды опустошительным

огнем, и всякий раз, когда их выстрелы падали в цель, демоны лопались, словно перезрелые плоды. «Рейдеры» соткнули строй, чтобы сделать стрельбу интенсивнее, в то время как бичеватели, геллионы и разбойники стесались и образовали вокруг них защитное кольцо. Демоны упорно рвались вперед сквозь исквальный огонь, не обращая ни малейшего внимания на потери и стремясь лишь добраться до лакомых дүш, которые чүяли.

Геллионы и разбойники үже сражались в рүкопашную с первой волной атакующих, адские глефы и лопасти-кинжи сталкивались с клыками и когтями демонов, пытающихся стащить их с машин. Улитчан вигел, как одного геллиона сорвали со скайборга, подняли в небо и за считанные секунды разорвали на части, как крылатые бичеватели падали, на смерть схватившись с существами, казавшимися их темными отражениями, как разбойников погребали под собой кожистые крылья. Он поднялся с трона и обнажил меч. Его расчеты не сработали, демонов было слишком много, и небеса все

еще чернели от них.

Визжащие твари с торгами летучих
мышей пикировали на «Рейдеры», пытаясь
схватить пассажиров. Уллитюан рубил
мечом по цепким лапам и клыкастым
лицам, проносящимся рядом. Несколько
инкубам пришлось оставить пушку и взять
в руки клэйвы, защищаясь от демонов, что
цеплялись когтями за борта и пытались
пролезть на платформу. Уллитюан
возглавил их атаку, чтобы очистить
палубу, и триумфальное карканье
искаженных созданий вскоре перешло в
испуганный визг. Архонт ненадолго
отвлёкся от резни, чтобы выкрикнуть
приказ рулевому:

— Активировать шоковый таран!

Изогнутый и покрытый броней нос
барки Уллитюана тут же затрещал от
энергии, испуская крупные искры. Перед
стремительным кораблем образовалась
направленная электромагнитная волна,
раскалывающий атомы таранный клинок
энергии. Он с неумолимой силой врезался в
инфермальную стаю, и демоны, попавшие
под таран, мгновенно распались.

взрываясь яркими клубками молний. Визжащие твари метались в стороны, но лишь попадали под перекрестный огонь «Рейдеров», разрывавший их на куски. Улитчан позволил себе самодовольную улыбку победителя: шоковый таран добавили к барке после недавних событий, но его инициативе. Приятно было видеть, что он так хорошо работает.

Вдруг они оказались вне облаков крылатых демонов — побежденные остатки унеслись вверх. Перед ними снова простиралась Гора Скорби, чьи огни и шипы казались родными и гостеприимными после ужасов небес. Центральный пик возвышался вдаль, как темная зубчатая гора, озаренная лишь вспышками молний.

Основание возвышенности, которая образовывала Центральный пик, было опоясано кольцом тусклого зеленого света. В этом ядовитом освещении можно было разглядеть тринадцать титанических статуй, возвышающихся над Горой Скорби, словно часовые. С каждого изваяния вниз взирал ненавидный лик Асдрубэля.

Векта, и каждая фигура стояла в определенной ритуальной позе или обладала атрибутами, символизирующими одну из тринадцати основ тессти. Когда-то давно Векта установил эти памятники собственному эго, чтобы они несли стражу над Горой Скорби и служили постоянным напоминанием о том, как он поднялся к власти над всеми аристократическими семьями Верхней Колморры. Это было тщательно просчитанное оскорбление — установить их в той местности, что уже изобиловала огромными статуями в память о деяниях колморритов благородной крови, и живых, и мертвых.

Чудовищные статуи Векта стояли на пьедесталах, которые возносили их выше самых высоких шпилей. По сравнению с ними меркли даже километровые изваяния героических родоначальников Колморры, которые буквально оказались в тени Векта. Говорили, что все происходящее под взглядами статуй ускользает от внимания самого Властелина. Но личному опыту

Уллитриан знал, что они постоянно кричат, издавая чудовищный громогласный вой, из-за которого ближайшая к Центральному пикю часть Горы Скорби стала практически необитаема. Каждая статуя испускала звуковые волны ужаса и страдания, которые становились все интенсивнее по мере приближения к пикю.

По небу вокруг статуй бесконечно рыскали лучи прожекторов — эфирные колонны зеленоватого света, которые шарили туда-сюда, будто пальцы привидений. Когда Уллитриан и его свита приблизились, один луч немедленно нашел их и затер, заполнив палубу барки изумрудным сиянием.

Уллитриан приказал рулевому замедлиться, пока их проверяют. Рядом с Уллитрианом из ниоткуда послышался голос.

— Назовитесь, — прозвенел он.

— Архонт Уллитриан из Белого Пламени, — смело ответил он, понимая, что сейчас та работа, что провел с его кровью Беллатонис, подвергнется настоящей проверке на качество. Векта

ни на йоту не волновало, что у кабала
Белого Пламени мог смениться лидер, но
это указало бы ему на потенциальную
уязвимость, которую Уллитриану очень не
хотелось раскрывать.

Секунды тянулись, луч не исчезал.
Уллитриан чувствовал, как волосы на
затылке встают дыбом от того, как
невидимые волны глубоко проникают в
саму материю транспорта и его
пассажиров, изтерая, сравнивая и
каталогизируя.

--- Подтверждено. Следуйте далее, ---
произнес голос.

Уллитриан кивнул рулевому, и они
плавно ускорились, двигаясь к
Центральному пикю, с поредевшей свитой,
выходящей позади. Теперь они поднимались -
нос задрался, почувствовав склон горы под
антигравитационными ребрами на дне
корабля. Под корпусом ярус за ярусом
проносились башни, увенчанные клинками,
зубчатые, как пила, крепостные стены,
угловатые фронтоны. Бесчисленные ряды
пустых темных окон глядели на Горы
Скорби, словно лишенные век глаза. На

благоразумном расстоянии за
Уллитуаном следовали косяки «Рейдеров»
и «Губителей» с темными корпусами ---
кабалисты Черного Сердца, бдительные
следящие за возможными признаками
измены. Они во множестве патрулировали
цитадель своего господина, по-видимому,
никак не затронутые корчами города.
Крепость, арсенал, логово, командный
штаб, темница, все это поровну --- вот чем
был Центральный пик, средоточие
могущества Асдрубазля Векта. Теперь
Уллитуан по-настоящему вошел в утробу
зверя.

Харбир мчался среди изумрудных
листьев папоротника и ползучего плюща.
Мимо свистели осколки, яростно рассекая
листву, словно невидимые ножницы. Он
свернул вбок и проломился сквозь живую
изгородь, подняв метель из белоснежных
лепестков. Сзади доносился топот
преследователей и голоса, осыпавшие его
проклятьями, но они лишь окрыляли его
ноги, ибо он бежал, спасая свою жизнь. Это,
разумеется, был не совсем тот исход, на

который надеялся Харбир, но этого варианта он в чем-то ожидал.

Как и все планы, его план сначала казался хорошим и логичным. Он, будто прогуливаясь, подобрался к Безиет, Наксинаэлю и Соте, чтобы послушать их спор. Конечно же, драконт Сота хотел вернуться к своему архонту и доложить о коварном обмане Азхоркси. Наксинаэль не желал и слышать об этом и властно настаивал, сопровождая слова все более тяжкими угрозами, что драконт и его воины должны следовать за ним на Горы Скорби. Безиет, похоже, была равно готова расправиться с обеими сторонами.

Две группы выживших — из Метзуха и из Хай'крана — смотрели на своих пререкающихся предводителей, нервы у них были на пределе, пальцы уже тянулись к оружию. Это было очень легко: Харбир просто крикнул предупреждение, выхватил пистолет и несколько раз стрельнул в хай'кранцев. Тут же вспыхнуло насилие, обе стороны сорвались и начали палить в упор. Харбир не стал ждать, чтобы увидеть результаты, а просто повернулся

и побежал.

Он завернул на дорожку между травянистыми насыпями, которые усыивали алые и золотые звезды цветов. Склоны защищали его, не давая преследователям прямой линии огня, поэтому он сконцентрировался на скорости, чтобы выиграть как можно больше расстояния. Вот в такие моменты и радуешься, что не носишь доспехи, подумал он, — когда убегаешь от тех, кто в них одет. Он не так хорошо знал ярус Хай'кран, как хотелось бы, но ему было известно, что эти парки простираются на многие километры. Все, что ему нужно — затеряться в листве, и преследователи никогда его не найдут.

В голове ненадолго возникла мысль о Ксагоре. Когда Харбир пустился бежать, развалину уже нигде не было видно. Впечатляющий трюк для неуклюжего прислужника, хотя Харбиру так и не удалось понять, как он это сделал. К тому времени, как обе стороны перестали стрелять друг в друга и переключились на наемника, он успел пробежать где-то

джоужину шагов после арки, по крайней мере, так ему показалось. Чистая удача спасла ему жизнь во время первого залпа, осколки и разряды энергии лишь выбили куски из ворот парка, под которыми он пробежал.

Харбир спрыгнул с тропы, перескочил через поваленный ствол и с головой нырнул в рожицу цветущих логаний. Проскользнув под обвисшими ветвями, отягощенными оранжевыми цветами, он нашел под кустами небольшое пустое пространство, где можно было спрятаться и при этом выглядывать сквозь листья, чтобы следить за погоней. Он залез и попытался успокоить дыхание, уверенный, что биение его сердца можно услышать во всем парке. Через несколько минут он увидел Наксинаэля, который с разъяренным видом вышагивал по тропе, а за ним следовала пара Этондрийских Ускателей в бордовых плащах с капюшонами. Ускатели постоянно наклонялись, чтобы понюхать землю, словно псы, и вертели головами, идя по следам наемника.

Харбир почувствовал, как внутри у него все упало. Он забыл о них.

Этондрийские Ускатели могли выследить бичевателя в бурном небе, так что враги ли что-то помешает им вынюхать путь прямо к его убежищу. Они уже приближались к тому месту, где он сошел с тропы, и через несколько секунд приведут Наксинаэля к нему. Архонт Яговитого Потомства явно не был в настроении прощать обиды. Харбир напряг ноги, снова готовясь сорваться с места. Но тут на тропу за Наксинаэлем вышла Безиет и окликнула его.

— Предатель, наверное, вернулся по своим следам, иначе мы бы уже его нашли, — сказала она. — Нам надо двигаться. Наксинаэль, ни к чему тратить на него время.

Она снова исчезла. Архонт рыкнул что-то нечленораздельное и повернулся, чтобы последовать за ней. Ускатели недовольно заскулили, когда их оторвали от погони, но через несколько мгновений тропка снова была пуста, и Харбир наконец-то позволил себе выдохнуть. Он начал быстро думать, как бы замаскировать свой след, если вдруг Ускатели вернутся. Ему

пришло в голову, что Наксинаэль и Безиет, скорее всего, уже поймали Ксагор и вряд ли так уж хотят отыскать его самого. Развалина мог лечить их и наскоро латать раны, Харбир же был просто безымянным бойцом, который сорвался и предал их. Пусть остается один и подыхает.

Харбир встал, твердо намеренный оставить побольше расстояния между собой и Ускателями, так, на всякий случай. Может быть, ему удастся найти немного воды, тогда он сможет на какое-то время затессти следы. Он застыл, осознав, что по тропе идет кто-то другой. Показался Ксагор, который крался с напуганным видом, закинув винтовку на спину. Развалина огляделся, покинул тропу и направился точно к его укрытию. Харбир скривился и вышел навстречу, стархая грязь с одежды.

— А я думал, что потерял тебя, — сказал он будничным тоном. Ксагор выглядел искренне изумленным, как будто он совершенно не ожидал увидеть вышедшего из кустов Харбира.

--- Ну, побег удался, что тебе теперь не нравится? --- сварливо осведомился наемник.

--- Может быть, тот факт, что твой друг просто сыграл роль ланка? --- раздался позади него голос Безиет.

Глава 16

Пленение

В святилище Архры вокруг Морра и Пестрого уже полностью сошлось кольцо красноглазых инкубов. Будучи невредим, Морр мог бы какое-то время удерживать столько противников, и может быть, даже одолеть не одного и не двух из их числа, прежде чем они лишат его жизни. Однако его раны все еще сочились алым, и лишь усилием воли он продолжал удерживать в руках огромный клэйв. Пестрый успел продемонстрировать, что в бою один на один превосходит инкуба, но против столько многих, да еще во тьме их собственного святого храма, они бы вскоре повергли и его.

— На крыльях отчаянья ко мне припался один план, — быстро проговорил Пестрый, — но мне потребуется секунда, которой, как я гдтаю, эти юные джентльмены нам не предоставят.

--- Тогда я предложу воспользоваться той уловкой, которую ты применил против сүтракрылов, --- несколько помедлив, сказал Морр.

--- А! Хороший план! Да, сейчас!

Нестрый бросил фотонный снаряд, и подземный сүтрак расколола ослепительно-белая вспышка молнии. Хоть он и закрыл глаза, под веками заплясали пурпурные пятна, для враждебных инкубов же эффект усилился в тысячу раз. Когда загнанная в угол добыча внезапно лишила их зрения, кольцо инкубов пошатнулось и на миг распалось. Собравшись с последними силами, Морр прыгнул на них, рубя смертоносным клинком направо и налево со всей яростью раненого тигра. В смятении противники слепо размахивали кляйвами, порой даже ранив друг друга.

В это время Нестрый подбросил в воздух таленькое серебряное веретено, которое зависло на месте и начало крутиться вокруг своей оси, испуская угрожающую трель. Арлекин запел высоким голосом, подстраивая тон под пронзительную переливающуюся песню

веретена. Под ним проявился вращающийся и колышущийся фиолетовый проем в форме слезы и быстро расширился, словно вертикальный кошачий зрачок. Не дожидаясь приглашения, Морр ринулся в открытые ворота, преследуемый дюжиной острых клинков, летящих в спину. Пестрый небрежно помахал инкубам рукой и проскользнул внутрь, прежде чем его настигли, и ворота тут же закрылись за ним, издав громкий хлопок.

Морр ждал арлекина на другой стороне, тяжело опираясь на клэйв, и на его бледном лице отражался ужас от того, что он видел вокруг себя. Они стояли среди живописных развалин, изящных колонн и портиков несомненно эльдарского происхождения, которые сплошь заросли лозами и терниями. Под ногами валялись обломки статуй, меж растрескавшимися камнями мостовой торчала сухая жесткая трава. Эти чрезмерно изящные руины выглядели нереально и простирались всего на сто метров в каждую сторону — потом вниз резко обрывались скальные стены. Дальше простиралось пульсирующее

многочцветное небо, в котором кружились и
кувыркались изломанные каменные
острова, достигавшие порой размеров
целых континентов.

--- Это...? --- Морр, похоже, не мог
заставить себя закончить вопрос.

--- Лилеатанир? --- завершил Пестрый.
--- К счастью, нет. Пока что нет, во всяком
случае. Расслабься, тут ты в
безопасности.

Морр поддался и сел на поваленный
камень, положив клэйв на колени. Теперь
инкүб действительно выглядел старым и
изнуренным. Пестрый решил, что лучше
всего будет дать ему время собраться с
силами, прежде чем продолжать
путешествие. Инкүб заинтересованно
посмотрел вниз, на разбитый лик статуи,
который слепо глядел на него
единственным глазом.

--- Что же это за место, если не
бесчужденный мир? --- спросил он.

--- Раньше этот мир назывался
Ашнеррил'ти. До Падения это был лишь
форпост старой империи. Мир-сад, в
общем, что-то вроде места для уединения.

во всяком случае, так меня уверяли. Однако он был достаточно плотно населен, чтобы его настигла гибель во время пробуждения Той, что Жаждет. Он угодила на окраину великого возмущения -- можно сказать, его затронуло самым краешком. Ее развевающейся мантии -- и был затаянута за плену. Этого было достаточно, чтобы разорвать Ашнеррил'ти на тысячу кусков и необратимо исказить всех его обитателей до единого. Фактически, прямо сейчас мы стоим на том, что осталось от некоторых из них. Они все буквально окаменели, узрев Ее ужасающее величие, по крайней мере, так гласит история.

Морр еще секунду взирал на будущущее небо, а потом какое-то время разглядывал руины. Внезапно он встал.

-- Почему ты привел меня сюда? -- спросил инкуб со странной интонацией в голосе.

-- Я его не выбирал, -- ответил Пестрый оправдывающимся голосом. -- Сюда было проще всего быстро добраться, и я знал, что тут безопасно. Немногие

знают, как найти это место, и еще меньше тех, кто приходит сюда по своей воле.

--- А это тогда кто? --- спросил Морр, указывая в сторону.

Пять фигур в доспехах цвета сапфира, отдаленно напоминающих броню инкубов, появились из укрытия позади рун. Пестрый сразу же узнал в них аспектных воинов искусственного мира, представителей храма Зловещих Мстителей. Эти воины выглядели более изящными, чем инкубы, их телосложение и героический облик наводили на мысль об оживших статуях. Шлемы, полностью закрывающие лица, были увенчаны высокими гребнями из перетекающих полос синего, белого и желтого цветов. Мстители были вооружены длинноствольными сюрикенными катанультами и не сводили прицела с Морра и Пестрого.

Из развалин появилась шестая фигура, в отличие от остальных, облаченная в покрытые рунами одежды. Ее лицо скрывал луковичеобразный, похожий

на голову насекомого шлем, украшенный ветвистыми рогами из прозрачной кости. Чародей, ибо это был он, держал при себе колдовской клинок глиной с собственным рост. Этот меч выглядел странно утонченным и строгим оружием в сравнении с безжалостным клинком Морра.

--- Любопытное зрелище, --- спокойно сказала фигура в мантии, --- артист и убийца путешествуют вместе, как добрые друзья.

Морр издал ядовитый смешок.

--- «Убийца»? Уди-ка сюда, толстый прорицатель, и я добавлю еще одну жертву на свой счет. В твоём случае я это сделаю с большим удовольствием.

Нестрый быстро шагнул вперед и встал между чарореем и израненным инкубом.

--- Что привело вас сюда, братья-путешественники? --- приветливо спросил арлекин. --- Это уединенное место, не говоря уж о том, что хрупкое. Я надеюсь, что от всех нас можно ожидать приличного поведения. Почему бы нам не

представиться груг гругуг? Этот мой
сердитый груг -- Морр, меня можно
называть Пестрым, а как мне следует
именовать тебя?

-- Меня зовут Караэис, я ступаю по
пути Провидца, -- сдержанно проговорил
чародей. -- Мы пришли за твоим
спутником, чтобы привести его на совет
провидцев и наказать за его преступления.

-- Не забегаешь ли ты немного вперед,
Караэис? -- едко поинтересовался Пестрый.

-- Разумеется, сначала должны еще
произойти всякие мелочи вроде суда и
разбирательства, с разными добавками в
виде возможности ответить на обвинение,
свидетельств, беспристрастности и так
далее, и только потом уже идет речь о
наказании, разве не так?

-- Это не твое дело, если только ты
не собираешься сражаться с нами на его
стороне, -- ответил чародей голосом, в
котором появилось раздражение. -- И если
это так, то я, как ни прискорбно,
вынужден буду приказать Мстителям
сразить тебя на месте.

Пестрый ответил, что от этих слов

Экзарх Зловещих Мстителей,
возглавляющая отряд аспектных воинов,
едва заметно дернула головой. Очевидно,
она в чем-то не одобряла действия чародея.

— Я бы скорее подыскал наилучший
возможный исход для всех затронутых
конфликтом, — осторожно возразил
Нестрый. — В этот самый миг мы
находимся на пути к Лилеатаниру, где
наматеревается исправить положение дел. Я
был бы рад, если б вы составили нам
компанию.

— Так значит, ты все же не
отрицаешь виновности своего спутника, —
удовлетворенно заключил Караэис. — В
данных обстоятельствах я считаю, что
тебе лучше сопроводить нас к совету,
чтобы ты мог полностью оправдать себя и
свою роль в событиях на Лилеатанире.

— Оправдать себя? Я не в ответе
перед вашим советом провидцев, равно как
и мой добрый друг Морр, — с некоторой
горячностью ответил Нестрый. — Но
какому праву ты распоряжаешься нами,
словно пленниками? Мы твои пленные,
так ты считаешь?

Невысокий арлекин сделал шаг к чародею и үбигел, как облаченный в мантию боевой провидец слегка отшатнулся при его приближении. Он был полон страха и честолюбия -- скверная комбинация. Двое Зловещих Мстителей подчеркнуто повернули сюрикенные катанульты на Пестрого, в то время как остальные трое непоколебимо продолжали держать свое оружие нацеленным на Морра. Арлекин снова отступил, демонстрируя раскрытые лапони и широкую үстешкү в знак того, что он не собирался причинить никакого вреда.

-- Инкүб -- мой пленник, -- үверенно заявил чародей. -- Если ты хочешь остаться с ним, то ты также должен стать моим пленником.

-- Пестрый, -- тихо сказал Морр, -- ты не обязан сражаться за меня. С того момента, как мы встретились, ты ничем не был мне обязан. Тебе пора оставить меня моей сүдьбе.

Пестрый повернулся, чтобы взглянуть на лишенное маски лицо инкүба, который теперь стоял рядом с ним, стиснув клэйв в

руках. Прямые бледные волосы Морра упали на лицо, скрывая его черты, но свирепый, безумный блеск в его глазах по-прежнему сверкал между прядями. Пестрый чувствовал, что в нем горит жажда самоуничтожения, ликующее предвкушение убийства, даже если оно означало его собственную смерть.

Зловещие Мстители могли бы сразить Морра, прежде чем он успел бы сделать шаг, чародей мог вскипятить мозг инкуба прямо в толстом черепе, просто посмотрев на него, но Морр все равно желал сразиться с ними. Должно быть, он видел в этом облегчение приговора, возможность погибнуть, сражаясь, как подобает, с ненавистным врагом, а не с братьями из своего храма.

— Я не могу так поступить, Морр, как бы тебе этого не хотелось. Только не сейчас, пока есть хотя бы малейшая надежда, — с тяжестью в голосе проговорил Пестрый, — и мне действительно жаль. Я лишь надеюсь, что ты сможешь простить меня позже.

Пестрый вскинул ногу так быстро,

что даже аспектные воины не успели
отреагировать. Идеально выполненный
мощный удар в висок повалил огромного
инкуба, словно подрубленное дерево — он
слегка покачнулся, а потом, набирая
скорость, упал и с грохотом ударился
о землю.

Тяжело вздохнув, Пестрый снова
повернулся к чарогею.

— Вот так, теперь вы не сможете
«случайно» убить моего друга, беря его в
плен. Думаю, я пойду с вами, просто чтобы
удостовериться, что все пройдет гладко и
без неприятностей.

Чарогей сардонически наклонил
луковцеобразный шлем, видя, что
довольный такой развязкой. Зловещие
Мстители настороженно выдвинулись
вперед, трое держали поверженного воина
под прицелом, в то время как еще один
доставал тяжелые кандалы. Экзарх
наблюдал за Пестрым, непринужденно
опустив свой искусно сработанный
звездомет, что, вероятно, следовало
интерпретировать как жест примирения.

— Вы не сказали, с какого

искусственного мира прибыли, — заметил
Нестрый. — Куда мы ищем честь
двигаться дальше?

— Бьель-Тан, — ответила экзарх,
прежде чем чародей успел вмешаться и
остановить ее. Провидец бросил на нее
сердитый взгляд, и Нестрый почувствовал,
что между ними идет какой-то
безмолвный разговор.

— А, это многое объясняет, — прервал
их арлекин. — Как я помню, Бьель-Тан
считает огромное множество
деятельных миров своей сферой
полномочий.

— Они — будущее нашей расы, — резко
сказал чародей.

— Не говоря уж о том, что это
прекрасный источник солдат для попыток
восстановить старую империю, — дерзко
добавил Нестрый. — Толпы ярых молодых
экзодитов, которые готовы сражаться и
умирать за великую цель, если их
хорошенько отмыть и причесать. Тебе
надо быть осторожнее, Караэис, а то видно
твою предвзятость.

Антарные линзы на луковичеобразном

шлите мгновение взглядели на арлекина, а
потом провидец, не говоря ни слова,
повернулся и отошел в сторону. Пестрый
перевел взгляд на экзарха и ее отряд.
Воины сковали руки Морра за спиной и
привязали его к складным носилкам,
которые парили в полуметре над землей.
Зловещие Мстители явно прибыли сюда
подготовленными к тому, чтобы
захватить пленника и доставить его
живым, что Пестрый воспринял как во
многом воодушевляющий знак. К его
облегчению, аспектные воины также
подобрали клэйв Морра и закрепили его на
носилках рядом с тщательно скованным
инкубом.

--- Мы бы взяли его живым, --- экзарх
обращалась к Пестрому. --- Тебе не
обязательно было вмешиваться.

--- О, я не сомневаюсь, что группа
отлично сработавшихся аспектных воинов,
такая, как ваша, идеально исполнила бы
план, --- нахмурившись, ответил Пестрый. ---
А вот насчет вашего приятеля-чародея у
меня есть сомнения.

Чародей прошел меж рун к

неповрежденной арке из камня бледно-лавандового цвета. Довольно долгое время он стоял к ней лицом, бормоча и делая пассы в воздухе. Постепенно внутри арки, колехаясь, возникло серебристое сияние, загрохотало и стало ярче, превратившись в подернутую рябью пелену. Пестрый с тревогой заметил, что внутри нее извивались синие и зеленые нити --- Разобщение отдавалось даже здесь. Его эффекты растекались по всей Паутине.

Четверо аспектных воинов заняли позиции по углам носилок, на которых лежал Морр. Во главе с экзархом они начали направлять носилки к порталу. Когда они приблизились, чародей поднял руку, чтобы остановить их.

--- В Паутине происходит возмущение, --- сказал он. --- Прямая связь невозможна. Я должен бросить руны, чтобы прозреть лучший путь.

--- Ну да, на этом проблема и закончится, не правда ли? --- насмешливо фыркнул Пестрый. --- Возмущения будут становиться только хуже, чем больше мы не идем на Лилеатанир.

Чародей не обратил на него внимания, полностью сконцентрировавшись на крохотных рунах из психокости, которые он вынимал из мешочка быстрыми отработанными движениями. Он размещал их в воздухе, наращивая крутящийся перед собой узор.

Точная интерпретация брошенных рун — илеющая множество нюансов формы искусства, совершенствование которой занимает буквально целую жизнь, что убедительно демонстрируют эльдары искусственных миров, идущие путём Провидца. Эльдарские руны воплощают в себе символические концепции, чьи корни уходят в глубину древних мифов и школ философской мысли, которые были уже стары в дни юности эльдарской расы. Бросание рун в основе своей сводится к толкованию взаимного расположения психоактивных рун из призрачной кости, когда они свободно парят в эфире, воспроизводя в своей микрокости идею и структуру того, что только нарождается в макрокосме.

Не нужно было обладать особыми

познаниями, чтобы понять, что
результаты задания будут
противоречивы: рун образовали логичное
подобие планетарной системы, хаотично
крутятся друг вокруг друга. Чародей
отшатнулся, когда две руны
соприкоснулись, произошел выброс
психической энергии, и их с треском
статички раскидало в стороны. Обугленные
и дымящиеся, они упали на землю.

— Думаю, нам не в эту сторону, —
услужливо подсказал Пестрый. Чародей
ответил ему лишь низким рычанием.
Прежде чем снова сфокусироваться на
бросании рун. Крутящиеся колесом
символы немного затеблились,
перестроились, и некоторые из них
стенили направление. Чародей продолжал
доставать из мешочка новые руны, будто
пытаясь привести свое задание в
равновесие. Пестрый попытался
разобраться в смысле знаков, которые
выгел.

Больше всего выделялась руна,
обозначающая анархию, беспорядок или
энтропию, которая вращалась дальше

всего от центра, охватывая все прочие символы. Для Нестрого это могло означать только Разобщение, чье переменчивое влияние ощущалось на всех остальных элементах. Его взгляд привлекла рюна племени, которая петляла взад и вперед внутри орбиты Разобщения, как будто направляя перед собой другие символы. Она неестественно трепетала между зазубренной, похожей на кривую саблю рюной темных сородичей и змееподобной рюной мирового духа, которые двигались по кругу в опасной близости друг от друга. Она стремительно носилась вокруг зловещего знаменья пожирателя душ, что вращалось в самом низу, и охватывала своей траекторией спасение, вращающееся наверху. Между основными рюнами туда и сюда вились многочисленные меньшие рюны: солнце, луна, скорпион, поглощенный и иные. Периодически между ними всемирно проскальзывала рюна племени.

--- Вы знаете, я всегда могу отвести вас к Бьель-Тану, если вы захотите, --- поспешно сказал Нестрый. --- Никто не

знает тропы Паутины лучше, чем я -- ну, скажет так, никто из смертных.

--- Этого не понадобится, ---
провозгласил чародей. -- Я достаточно ясно вижу путь вперед.

Пестрый неуверенно поджал губы и бросил быстрый взгляд на экзарха. Она стояла неподвижно и невозмутимо, словно изваяние, повернув высокий увенчанный гребнем шлем ко вратам. Пестрый мысленно пожаловался сам себе, что мысли аспектных воинов всегда было так сложно прочесть. Караэис уже убирал руны, ловя их огню за грудой и возвращая в мешочек. В тот же миг, как он заключил туда последнюю руну, чародей обнажил колдовской клинок и шагнул в портал. За ним последовала экзарх, за ней -- носилки с Морром и четверо охраняющих их воинов.

Пестрый поспешил следом, зная, что отставать от них сейчас будет совсем некстати. Когда он прошел мимо того места, где Караэис бросал руны, он увидел два почерневших и оплавленных символа, столкнувшихся друг с другом. Они остались лежать на земле, нетронутые и

брошенные чародеем. Несмотря на повреждения, их все еще можно было узнать, хотя они и рассыпались в прах, когда Пестрый до них дотронулся. Это были рүна Провидца и рүна Смерющего Бога, или же, проще говоря, рүны, обозначающие чародея и арлекина.

--- Вот так-так, --- пробормотал про себя Пестрый и юркнул в ворота следом за аспектными воинами. Если уж он смог прочесть эти рүны, то Караэис тоже наверняка их различил. Это не предвещало ничего хорошего.

--- Повернись. Очень медленно, --- приказала Безует.

Харбир сделал, как было сказано: медленно повернулся и увидел клинок-джинн Безует, нацеленный в его горло. Каким-то образом она подошла к нему сзади, прокралась сквозь логаниевые кусты и не издала при этом ни единого звука, пока он наблюдал за Ксагором, приближающимся по дорожке. Кончик клинка вибрировал, издавая высокий пронзительный стон, как будто ему

хотелось рвануться вперед. У Харбира пересохло во рту. Ему конец. Он видел, как сражается Безиет Сто Шратов, и знал, что в бою один на один она порубит любую личную крысу вроде него на кусочки и даже не вспомнит. Позади жалко заскулил Ксагор, отчего Харбир трачно подумал, что помощи от развалины тоже ждать не придется.

— У тебя должен был быть план посложнее, чем просто «убежать в парк», — наконец произнесла Безиет и опустила плечи. Харбир испытал головокружительный прилив облегчения.

— Вы не собираетесь вести нас обратно к Наксинаэлю? — выпалил он, не в силах поверить.

— Ни вести обратно, ни убивать, — подчеркнула архонт, — хотя ты уже показал, что вероломен и не достоин доверия. Твое счастье, что у тебя оказался полезный друг, который за тебя заступился.

Харбир бросил взгляд назад, на Ксагора, который усердно кивал.

— Не смотри на него! — рявкнула

Безиат. — Смотри на меня! Вот так-то лучше. А теперь расскажи мне все про свой гениальный план, как выбраться из всего этого.

— Пойти вниз, а не вверх. Вниз, к Нуль-городу, — нехотя ответил Харбир. — Чужаки и наемники Нуль-города в такое время будут держаться друг друга, а не раздирать все по швам, как те, что в Верхней Колморре. Я знаю там кое-кого, кто мог бы помочь, — закончил он слабым голосом. Теперь, когда он смотрел в глаза Безиат, которые буравили его, выискивая любой намек на недосказанность, это не казалось таким уж хорошим планом. Под этим безжалостным взглядом он чувствовал себя особенно слабым и глупым.

— И как же ты собирался туда добраться? — нетерпеливо спросила Безиат.

— Я собирался найти какой-нибудь транспорт и использовать... туннели, — ответил Харбир. Выговаривая эти слова, он уже знал, что, вероятно, подписывает себе смертный приговор. Все способное самостоятельно перемещаться уже

наверняка давным-давно покинуло Хай'кран, как и все другие места на расстоянии сотни лиг. Туннели, должно быть, завалены обломками и заблокированы неведомыми тварями, выползшими из ям, чтобы присоединиться к веселью. Это был скверный план, обреченный на провал еще до того, как начаться. Долгий и мучительный лиг Безиет продолжала смотреть в глаза Харбиру, прежде чем снова заговорить.

— Неплохо, но твои шансы найти транспорт, который просто валялся бы неподалеку, находятся где-то между малыми и нулевыми. Нам надо либо украсть его, либо как-нибудь обойтись.

Харбир глупо улыбнулся.

— Вы хотите воспользоваться моим планом? А что насчет Наксинаэля?

— Наксинаэля, скорее всего, пристрелят в тот же лиг, как он попытается ступить на Горю Скорби. Они там, наверно, вряд ли будут пускать к себе всяких сирот и побродяжек, — отмахнулась Безиет. — Если я когда-нибудь увижу его снова, то скажу, что мы разминулись в

парке, и я не смогла найти дорогу к нему. Поверь мне, он не будет настаивать на объяснениях — особенно если никто не будет настолько глуп, чтобы противоречить мне.

Харбир, не сдержавшись, снова глянул на Ксагора. Развалина только беспомощно пожал плечами. Он был прав, неважно, какие у Безует были причины, чтобы отделиться от Наксипазеля — у них не то что бы имелся выбор, брать ее с собой или нет. Кроме того, ее боевой опыт и этот злобный клинок станут настоящим благом, если они снова нарвутся на неприятности. Безует как будто развлекало созерцание того, как Харбир обдумывал все это.

— Слушай-ка. Тебя зовут Харбир, так? — спокойно произнесла она. — Слушай, Харбир, и я скажу тебе то же самое, что уже сказала твоему другу. В каждом кризисе кроется возможность, тебе надо только обеспечить свое выживание, чтобы успеть ею воспользоваться. Я намереваюсь выжить в этом кризисе и, как лично мне кажется, шансы Наксипазеля на выживание

значительно ниже моих собственных. Это суждение распространяется и на тех, кто идет за ним. Разве вы не согласны?

--- Этот согласен, госпожа! --- покорно кивнул Ксагор.

--- И этот тоже, --- кивнул Харбир.

--- Хорошо. Потому что из этого следует, что те, кто идет со мной, также имеют лучший шанс на выживание. Теперь давайте пойдём. Харбир, ты первый --- и постарайся, чтоб тебя больше ничто не отвлекало.

Архонт Улитуан излучал уверенность, неторопливо поднимаясь по широким низким ступеням, которые возносились к дверям огромного зала на Центральном пике. Он отметил, что сонм великих архонтов, собравшихся здесь, также дожидался аудиенции с Верховным Властелином. Они стояли на лестнице отдельными кликами и группами --- предводители сильнейших кабалов Котморры, ждущие приказов у дверей повелителя, словно рабы подле хозяина. Многие здесь были ему знакомы ---

некоторых он признал, кивнув ит, других тепло приветствовал или же подчеркнутым игнорировал.

За каждым лицом скрывался страх. Его маскировали бравадой, воинственностью, юмором или скукой, и все же страх таился в холодных черных глазах каждого из присутствующих архонтов. Собрание состояло из тех, кто больше всего потерял от Разобщения. Прежде они обрушивали невыразимый ужас на рабские расы по всей галактике и бессчетные века наслаждались, причиняя утонченные боль и муки, но теперь именно они были объаты страхом. Анархия коснулась их собственных цитаделей, и когда она бушевала так близко к ним самим, вкус у нее был совершенно иной. Шлитман заметил, что здесь не было архонтов из сателлитных царств, вероятно, потому, что порталы до сих пор были недостаточно стабильны, чтобы связаться с ними. Если точнее, то все присутствующие правители были либо с Горы Скорби, либо с одного из верхних ярусов, что не означало ничего хорошего

для Нижней Колморры.

Уллитан дошел до той, что была ему известна, но он не признал ее как одну из великих архонтов. От удивления он на миг остановился. Перед ним стояла стройная ведьма-суккуб Аэз'ашья, великоленная в своем облегающем облачении из гибкого металла с острыми наплевниками, от которых за ее спиной расходились веера лезвий. Уллитан вспомнил, что она теперь — новая правительница, ставшая архонтом Клинок Желания после падения его союзницы, Кселиан.

К Аэз'ашье Уллитан питал весьма странные чувства. Ведьма была вернорожденной, но из низкого рода, в ней не текло и капли благородной крови. Она невольно стала орудием Эль'Уриака, когда тому понадобилось избавиться от Кселиан, и теперь осталась марионеткой без кукловода. Он поражался, как ей удавалось сохранять контроль над известными своей ветреностью Клинками Желания.

Уллитан улыбнулся и тепло

обратился к ней.

--- О, так это же Аэз'ашья, какой неожиданный сюрприз увидеть тебя здесь! --- с лживой галантностью воскликнул он. --- Я очень рад тому, что ты столь хорошо преодолеваешь эти нелегкие времена --- поглотило испытание даже для столь опытного лидера, как я.

--- Взаимно, Уллитюан, --- протурлыкала Аэз'ашья. --- Мне кажется, прошло так мало времени с тех пор, как я исполняла поручения архонта Кселиан, а вместе с тем и ее близких союзников, таких, как архонт Крайллах и, разумеется, ты сам. Поручения наиделикатнейшего свойства, по крайней мере, так тогда казалось. Теперь я посылаю собственных миньонов делать свою работу.

Уллитюан улыбнулся одними губами, но не глазами. Это было завуалированное предупреждение, чтобы он не слишком давил на нее. Того, что Аэз'ашья узрела в проклятых залах Шаа-дома, было достаточно, чтобы пять раз обречь Уллитюана, если бы она рассказала об

этот перед Верховным Властелином. Самому стать целью шантажа, в этом была некая необычная новизна. Конечно, такое откровение решило бы и судьбу Аэз'ашьи -- входить в Шаа-дом было запрещено под страхом смерти, поэтому оно гарантировало бы ил взаимное уничтожение.

-- Действительно, для тебя все это должно выглядеть таким непривычным. Сейчас будет твоя первая личная встреча с Асгубаэлем Вектом, не так ли? -- Устехнулся он. -- Учитывая обстоятельства, сегодня он должен быть в наилучшей форме, так что тебя ждет редкое удовольствие.

-- Кстати о хорошей форме, я слышала, что ты пал жертвой изнуряющей болезни, но, должна признать, ты выглядишь даже лучше, чем обычно. Даже немного моложе.

-- О, ты слишком добра ко мне, -- без промедления ответил Уллитан. -- Даже когда все кажется потерянным, гелүнкүлы поистине творят чудеса. Я, можно сказать, затаил дыхание, ожидая

возвращения моей дорогой подруги Кселиан.

--- Да? Я надеялась узнать у тебя, есть ли новости о том, где она находится. Мне сообщили, что самая верная из ее слуг, Гекатрикс похитила труп, прежде чем мы смогли заняться. И с тех пор не могут найти ни единого следа, так что я даже опасаясь, что благородная Кселиан, возможно, пропала навеки.

--- Действительно, я слышал подобные слухи, -- снова улыбнулся Уллитан, на сей раз сочувственно. -- Однако я глубоко верю в то, что дух Кселиан непобедим. Ее найдут, в той или иной форме, но найдут, в этом я даже не сомневаюсь.

--- Возможно, ты прав. Все законы природы теперь перевернулись с ног на голову, и в таком случае почему бы и мне...

Жуткий грохот цимбал и вой рогов разорвал воздух, сделав дальнейший словесный поединок невозможным, о чем Уллитан несколько сожалел. На вершине лестницы со скрежетом раскрылись две огромные двери, покрытые гравировкой, и за ними показалось темное пространство, где временами вспыхивал злобещий

мерцающий свет. Один за другим великие
архонты поворачивались и входили
внутрь, отвечая на призывы. Верховный
Властелин готов был принять их.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Мы столь поработаны
преемственностью, мы вечно настаиваем,
чтоб нам преподнесли на блюдечке по
порции начала, середины и конца, ибо
желаем почувствовать, что наша трапеза
имеет существенное значение. От
историй особо ожидается, чтобы они
переходили от одной точки к другой с
точностью и планомерностью
общественного транспорта. Займите свои
места... слева вы сидите... справа вы
сидите... и так до конца маршрута,
пожалуйста, не забудьте свои вещи, когда
будете выходить. Из всех концепций,
изобретенных смертными, эта, пожалуй,
наиболее пагубна. Наши попытки навязать
структурность означают, что все вещи
должны иметь начало, середину и конец,
что они должны происходить по вигимой
причине и иметь вигимый эффект, не
говоря уже о добавках в виде моральных
уроков и пронизательных наблюдений, что
делаются попутно. Мы тратим свое

существование на вплетение собственных историй в отпущенный нам срок жизни, на разделение всех ощущений по категориям, чтобы они вписывались в придуманные нами контексты, на попытки проглотить свою историю до самого конца, которого мы, по правде, не хотим достигнуть.

Реальность не такова. Реальность спонтанна и непознаваема, хаотична, внезапна, чудесна, ужасна и, более всего, непредсказуема. Печальная истина: Вещи Просто Случаются. Планы идут вразнос, непредвиденные элементы становятся ключевыми, а никак не связанные друг с другом события сочетаются самым неожиданным образом.

Впрочем, неожиданны они лишь для некоторых. Во вселенной существуют силы, которые видят все возможности и бесконечно стараются сместить чашу весов так, чтобы это послужило их собственным целям: толкнуть там, надавить здесь, и все будет так, как они пожелают. Едва ли они понимают, что есть силы выше их самих, которые сами в свою очередь подталкивают и дают на

них.

Говорят, когда смертные строят планы, боги смеются над ними. Итак, мы подошли к настоящему моменту. Усилия Морра и Пестрого подорваны неожиданной третьей стороной, мировой дух по-прежнему помешан на возмездии. Колморре, обитатели Темного Города борются за выживание, порой терпя неудачу, а порой и процветая, в катастрофе, вызванной силой, что выше их понимания. События все больше выходят из-под контроля и порождают новые разрушения, погружаясь в полный хаос. Есть ли еще надежда на отрадный исход и, может быть, один-другой моральный урок? В этот момент ответить сложно. Но время, определенно, подходит к концу.

Глава 17

Переход

Нестрый вышел в местность, которая была ему весьма знакома. Всюду вокруг них простирались барханы из выцветшей пыли, озаренные тоскливым одиноким солнцем, чей холодный красный диск висел высоко над головами. Воздух был жгуче-холоден и имел неприятный кислотный привкус, который забивал ноздри и оседал на спинке языка. Это место было знакомо ему не само по себе, а скорее как типичный представитель своего вида. Сотни миров, где имелись врата в Паутину, выглядели практически так же, как этот — выжженные пустоши, лишённые какой-либо жизни. Нестрый оглянулся и увидел, что они вышли из психокостной арки пяти метров в высоту, которая чужеродным элементом выступала из склона пыльной дюны. Отряд Зловещих Мстителей во главе с чародеем Караэисом и носилки с Морром удалялись

по барханам, двигаясь по прямому как стрела курсу, видимо, к другим вратам.

Чародей перестраховывался и шел кружным путем, перемещаясь с планеты на планету, стараясь как можно меньше идти по Паутине. Пестрый почувствовал, как его губы непроизвольно кривятся. Время было жизненно важно, однако Караэис вел себя так, словно вся вечность была в его распоряжении. Неприятная мысль, которая уже скрывалась на задворках сознания арлекина, перешла в полноценное подозрение. Он выудил из рукава некий маленький предмет, тонкий и продолговатый кристалл с рельефными изображениями стилизованных масок, которые смеялись и плакали. Пестрый быстро подышал на него, протер и метнул назад, во врата, где кристалл исчез, словно облачко дыма.

Арлекин повернулся и легко встретился вслеп за аспектными воинами, которых вскоре нагнал. Морр уже пришел в себя и молча бросил на Пестрого трачный взгляд, когда тот пробежал мимо. Пестрому хотелось думать, что в этом

взоре было больше отчаяния, чем ненависти, и, в любом случае, он ответил воодушевляющей улыбкой и подмигнул. Определенно, вскоре ему понадобится поддержка огромного инкуба. Караэис уже исчезал за противоположным склоном пылевого бархана, с каждым шагом обрушивая вниз крошечные лавины. Пестрый окликнул его:

--- Караэис? Я все-таки не совсем уверен, куда ты нас ведешь. Ты что, хочешь протащить нас через все великое колесо, чтобы добраться до Бьель-Тана?

--- Ты прекрасно знаешь, что Паутина в настоящий момент слишком нестабильна, чтобы рисковать, долго странствуя по ней, -- раздраженно бросил чародей. -- Тебе не делает чести это пренебрежение как своей безопасностью, так и безопасностью других.

--- Безопасность «других», на самом деле, первейшая из моих забот, -- весело возразил Пестрый, -- пожалуй, я не кусь о ней побольше твоего. Разница в том, кто такие эти «другие». Если взглянуть на тебя, то можно подумать, что ты

считаешь две трети нашей расы недостойными того, чтобы рискнуть ради них.

Караэис остановился и повернулся к нему лицом, очевидно уязвленный обвинением Пестрого.

— Чистая гипербола, — ответил чародей. — Ты винишь меня в том, что мне нет дела до экзодитов, и это неправда.

— А, так значит, сбросить со счетов можно только третью? Кто назначил тебя судьей, Караэис? — возмущенно спросил Пестрый. — Конечно, Паутина слегка нестабильна — это потому, что Колморра разламывается на части! А пока это происходит, ты тянешь время и увиливаешь, всеми силами стараясь, чтобы она развалилась окончательно!

Чародей даже не попытался опровергнуть его.

— Воистину, я не рискнул бы и одной единственной жизнью ради того, чтобы Темный Город продолжил свое существование, — сказал он. — Слишком уж долго глится мерзостный разврат

Комморры, и я бы возразовался, если б он прекратился на моем веку.

— У ради этого ты принес бы в жертву и Лилеатанир? — издевательски поинтересовался Пестрый. — Потому что Комморра заберет его с собой, и это самое меньшее. Более вероятно, что в конце концов вся Паутина распутается по нитям, наша раса окажется разрознена и будет дрейфовать среди звезд, пока окончательно не угаснет и обратится в ничто. Хочешь услышать одну любопытную вещь, Караэис? Комморриты называют себя «настоящими эльдарами». То, как они видят мир, глубоко связано с временами до Нагения, и ни искусственные миры, ни экзодиты не могут похвастаться подобной связью. Если ты действительно хочешь возродить империю, то попроси помощи у темных сородичей, ведь именно они — те, кто действительно ее помнит.

Пестрый остро чувствовал присутствие Зловещих Мстителей и в особенности их экзарха, которые стояли, не двигаясь, у него за спиной. Обвинения, подобные тем, которыми арлекин с

готовностью осыпал Караэиса, в
благовоспитанном обществе
искусственных миров граничили с
кощунством. Для того, кто шел путем
война, это были смертельные оскорбления,
которые, ради сохранения чести, принято
было компенсировать в открытом
поединке. Арлекин ставил на то, что
аспектные воины не бросятся на защиту
чародея, потому что они уже так или
иначе что-то подозревают о его мотивах.
Внутренний конфликт, который ясно
ощущался между Караэисом и Зловещими
Мстителями, мог только усугубиться,
когда воины увидят, что чародей не
соответствует их стандартам.

--- Правду ли он говорит, Караэис? ---
спросила экзарх. --- Есть ли опасность для
всей Паутины?

--- Нет, --- сердито отрезал чародей. ---
Это еще одна гипербола и преувеличение.
Текущее... э... напряжение со временем
вернется в норму.

--- То есть ты надеешься, что
вернется! --- воскликнул Пестрый. --- Ты не
можешь знать, что так будет!

--- Эту проблему изучали умы мудрее
твоего, --- более ровно сказал Караэис, --- и я
согласен с их выводами.

--- Какая жалость, что сии достойные
знатоки сейчас не под рукой, чтобы
подтвердить твои слова, --- едко заметил
Пестрый. --- Я же, с другой стороны,
руководствуюсь значительным личным
опытом. Я могу отвести вас прямоиком на
Лулеатанир, сейчас же, если только вы
позволите...

--- Твое... бродяжничество и дурацкие
мрачные пророчества еще не дают тебе
права чел-то распоряжаться! --- прогремел
в ответ Караэис, но взял себя в руки и
утихомирив гнев, прежде чем продолжить
неумолимым голосом: --- Наши действия
запланированы, предсказаны и направлены
высшими умами по пути, наиболее
соответствующему дальнейшему
выживанию нашего искусственного мира.
Ты же стремишься лишь провоцировать
меня и растрачиваешь в пустых спорах
время, которое, по твоим словам, столь
драгоценно. Я больше не собираюсь тебя
слушать.

С этими словами Караэис повернулся и зашагал вниз по дюне. Миз помедлив, Зловещие Мстители пошли за ним, по-прежнему держа пленника между собой. Пестрый не отставал и попытался вызвать чародея на разговор еще несколькими избранными наблюдениями, но не получил ответа. Караэис был прав, Пестрый действительно пытался задержать его. Однако это было далеко не бесстысленным занятием. На вершине следующего бархана вырисовывалась еще одна высокая арка из прозрачной кости. Пестрый надеялся, что выиграл достаточно времени, чтобы его сообщение дошло, куда надо.

Харбир вскоре распрощался с идеей угнать какое-нибудь средство передвижения. Вокруг словно простирался город призраков. По мере того, как они двигались в направлении центра, парки быстро уступали место тесно застроенным рабским кварталам, которые разрослись вплотную к аккуратно подстриженным газонам и тайным

рощицам. Узкие кривые улочки в некоторых местах едва достигали ширины плеч; такими их делали для защиты от мародерствующих банд геллионов и разбойников. Бичеватели обычно встречались в самых высоких и дальних районах города, но стаи диких наездников на скайбордах и реактивных мотоциклах представляли собой практически вездесущую угрозу. Для них это было личным достижением — промчаться на своих машинах по самым тесным переулкам, внутри недоступных труб, вдоль отвесных стен самих шпилей, когда заблагорассудится. Поэтому между нависающими друг над другом карнизамися рабских кварталов были натянуты цепи и проволока, и даже те всадники, что были достаточно безумны, чтобы попытаться удачи на этих извилистых улицах, скорее нашли бы там быструю смерть.

Но это не спасло местных жителей. Всюду лежали мертвые рабы, распростертые в дверях или валявшиеся на улицах неопрятными грудами, в которых смешались все расы и полы. Всех их сразил

осколочный огонь сверху, вероятно, с
полного воинов «Рейгера», парившего над
крышами. Многочисленные щербины и
сквозные отверстия в шатких домишках
говорили, что рабам, которые предпочли
остаться внутри, это помогло не больше,
чем тем, кто попытался сбежать.

— Зачем их всех так убивать? —
спросил Харбир у Безиет.

— Ты мелкий стазливый идиот, не
правда ли, Харбир? — сказала она. —
Ответ видно как на ладони. Подумай.
Зачем казнить рабов?

— Ну, есть такая старая шутка,
потому что от них одни волнения, — в
замешательстве ответил Харбир, — но у
этих нет никакого оружия, так что
восстание они спланировали так себе.

— Серьезно? Посмотри-ка наверх,
малышка! — раздраженно огрызнулась
Безиет. Харбир, не подумав, поднял
взгляд. Сквозь узкий промежуток между
зданиями было видно, как яркие
отерзительные цвета размазывались по
небю, меняясь с каждым мгновением. Это
зрелище выворачивало душу, словно он

видел кости всего творения, обнаженные и демонстрируемые во всей их первобытной простоте. И что еще хуже, он ощущал, что видит, как знакомая ему реальность переписывается прямо на его глазах, приобретая новые и чуждые формы. Подавив проклятье, он отвел взгляд.

--- Достаточно одному из этих недоумков подумать, что он увидел там, наверху, бога, или спасение, или своего огромного волосатого дядюшку Угги, и у нас появится еще одна большая проблема. Вера, желание, поклонение --- демоны пожирали бы все это, как рой саранчи, --- с тяжестью в голосе объяснила Безиет. --- Было бы не очень умно оставлять им кучу потенциальных марионеток, но я думаю, что те, кто это сделал, пролетали здесь в спешке.

Безиет заметила, что Ксагор странно оглядывается в ту сторону, откуда они пришли, несмотря на то, что темная и узкая улица выглядела пустой, не считая мертвецов.

--- Что там, Ксагор? --- резко окликнула она. В ответ развалина

рефлекторно подпрыгнул.

--- Звук, тихие звук! --- заломтал он. --- Сейчас исчезли, но были тихие, как шепот!

Бежит нахмурилась и тоже посмотрела назад, вдоль улицы. Все было по-прежнему, ничего не двигалось и ничего не было слышно, кроме отдаленного рева inferнальных ветров. Она перевела взгляд на Харбира, который ответил тем, что пожал плечами и pokrutil пальцем у виска, выражая свое мнение по поводу здравости рассудка Ксагора.

--- Что ж, теперь там ничего нет, идем дальше и будем настороже, --- приказала Бежит с большей уверенностью, чем чувствовала на самом деле.

В нескольких сотнях метров от них, скрывшись за шпалерой, увитой ползучей розой, в искусно размещенной беседке, Чо с некоторым непониманием изучала информацию, полученную от подергивающихся сенсорных лопастей и тонких, как иглы, щупов. Присутствовала связь с целью, наличествовал глубокий

след, который удлинялся с каждым мгновением, и все же сама цель не наблюдалась. В системе ориентиров Чо не существовало аналогичных сценариев, и из-за этого данные было чрезвычайно сложно анализировать.

Одна логическая цепочка говорила, что Чо прошла по следу до точки его обрыва и не нашла цель, которую искала. Следовательно, она должна вернуться к Ви и присоединиться к нему, чтобы изучить его след, что фактически означало признание поражения. Другая логическая цепочка принимала во внимание дополнительный фактор того, что след по-прежнему развивался, и психический отпечаток проявлялся в эфире, словно масло, само по себе образующееся в воде. Если двигаться по этому заново образующемуся следу, то, возможно, он еще приведет ее к цели, и, таким образом, результат состязания с Ви останется невыясненным.

Взяв обе логические нити и сплетя их воедино, она заключила, что существует две вероятности. Первая: цель

присутствует, но при помощи неизвестной техники скрывает свое точное местонахождение. Эта техника не способна полностью затереть след, но делает цель, в сущности, невидимой для Чо. Вторая: используется некая фальшивка, которая прокладывает ложные следы. Оба варианта имели прецеденты, хотя ни одна из них не совпала точно с феноменом, демонстрируемым в этой конкретной ситуации. Чо встопорщила сенсорные лопасти, чувствуя нечто подобное dosage.

Нападение на фальшивку, вне всякого сомнения, негативно скажется на вероятности успеха, поскольку послужит предупреждением для реальной цели. Подобный сценарий даже имел потенциальную вероятность причинить Чо структурные повреждения такого уровня, что они могли критически нарушить ее функциональность. Этот исход вызывал сильную негативную реакцию. Да, уничтожение цели превосходило по важности все стремление к самосохранению, но только в том случае,

если можно было с уверенностью сказать об обнаружении цели. Другими словами, Чо действительно была готова получить урон и, возможно, даже умереть, но не в бою с неверной целью. Ви, судя по всему, интерпретировал такой вид логики как трусость.

Та машина наверняка преследует цель, двигаясь наиболее прямым и кровавым из всех возможных путей. Просто такими их сотворили -- Ви сильным и быстрым, Чо ловкой и умной. Какую-то часть Чо постоянно стучало отсутствие поблизости машины-партнера, и ей не хватало его бездумной уверенности и той большей силы, которую они приобретали вместе, объединив свои способности.

Правильны ли были эти психические параметры или нет, но Чо по-прежнему ощущала четыре живых разума, которые двигались рядом через парк и генерировали точный психический отпечаток по пути. Логика диктовала, что даже если их попросту используют в качестве прикрытия, они с большой вероятностью имеют связь с целью. Чо заключила, что

протокол выжидającego
преследования/охоты может открыть ей
больше информации. Если будет
необходимо, то для принятия решения
можно будет воспользоваться стратегией
прямой атаки, но только тогда, когда Чо
сможет точно выяснить, выведет ли это
цель на открытую воду или же заставит
глубже забиться в укрытие.

Обтекаемое механическое тело Чо
приподнялось на тихих, как шепот,
двигателях и заскользило вперед по следу
этих жизненных форм со всей
внимательностью и осторожностью
крадущейся пантеры.

Свет, вливающийся в зал аудиенций
через высокие окна, представлял собой
ужасное зрелище. В нем переливались
тусклые и гневные цвета: пурпур
кровопоглотков, гнетущие оттенки
красного, болезненная желтизна, ядовитая
синева и тошнотворная зелень. Они как
будто сражались друг с другом,
захлестывая зрение и сбивая с толку
разум. Яркость света непредсказуемо

менялась и скакала с каждым мгновением. Время от времени огромный зал наполнялся всеобъемлющим траком, несмотря на множество светильников. В следующий миг обжигающие сетчатку вспышки порождали гротескные тени, что металась по грожающим камням и лесу цепей, свисающих сверху. На каждой цепи было тело, повешенное подобно туше свежеебитого животного, хотя многие из них все еще содрогались или извивались в безмолвной агонии.

Цлитуан занял свое место среди собрания архонтов, выстроившихся полумесцем у ступеней, ведущих к трону Векта. Сама платформа, на которой тот стоял, была поднята и выглядела как металлический цилиндр, поднимающийся к потолку, словно толстая колонна. В напряженном молчании проходили секунды, и лишь треск отдаленного грома нарушал тишину, пока архонты ждали. До их слуха донесся топот ног в броне, и в зал рядами вошли воины-кабалиты Черного Сердца и заняли позиции вокруг престола и вдоль стен. Следом в помещение влилось

множество придворных и живых изгнанных
Векта, чтобы разместиться, подобно
украшениям, на ступенях у трона, а затем,
как финальный аккорд, явилась трубная
специально обученных рабов, выстроилась в
ряд и запела вступление к «Ранас Дреай» —
«Прибытию Властелина».

Когда голоса рабов достигли
крещено боли, платформа плавно
заскользила вниз, словно поршень, пока не
выровнялась со ступенями.
Полусферический щит из энтропийной
энергии на ее вершине взвихрился и
рассеялся, открыв взгляду трон. Это была
темная и уродливая вещь, состоящая из
острых углов и сверкающих лезвий. Он
выглядел варварским, недостойным
изящной культуры истинных эльдаров, и
это значило, что трон был заявлением о
намерениях своего владельца, и каждый,
кто был достаточно мудр, мог его
прочитать. Он возвышался на платформе с
неприкрытой злобой, что вполне подходило
тому, кто в нем сидел. Верховный
Властелин Котморры взирал со своего
усеянного клинками трона, наделая

каждого из собравшихся великих архонтов долгим взглядом.

Молочно-белая кожа Векта была столь же гладкой, лишенной морщин, как у ребенка, но в черных, как космос, глазах светились многотысячелетняя ненависть и невероятно изощренный интеллект. Гордые архонты встретили взор Верховного Властелина, не дрогнув (ибо знали, что в противном случае их ждет смерть), но все они ощутили внутри легкий трепет. Лицо Векта с острыми чертами обычно ясно говорило о бесчисленных веках ничем не сдерживаемой жестокости, которую он обрушивал на окружающих ради собственного удовольствия. Как правило, Верховный Властелин излучал либо веселье, либо самодовольство, либо нестерпимую уверенность в себе. Теперь же его губы растянулись в горьком оскале.

— Мой несчастный, мой прекрасный город, — наконец сказал Асдрубаэль Вект. В его глубоком звучном голосе звенела меланхолия. — Почему же все сговариваются, чтобы уничтожить его?

Черный растрескавшийся пол зала аудиенций снова согнулся, и сверху посыпались кусочки изысканно украшенного потолка, словно причудливый снег. Архонты стояли молча и ждали, никто из них не был настолько глуп, чтобы попытаться ответить. Верховный Властелин Колморры сошел со своего трона и начал медленно прохаживаться по огромному залу.

Повсюду вокруг него, над ним, за его спиной с потолка свисали цепи, и на них покачивались тела. Большая часть была все еще жива, но, несмотря на страдания, они не издавали звуков. Их вопли оборвались, когда им парализовали голосовые связки по приказу Векта, уставшего от повторяющихся и совершенно бессмысленных просьб стилистивиться.

Великий тиран остановился перед одним из своих «гостей», который висел вниз головой, сплошь покрытый запекшейся кровью. Когда-то его звали архонт Гаракс из кабала Алого Цветения. Как и другие, еще несколько часов назад он был

амбициозным лидером небольшого кабала, владевшего несколькими горстками воинов. Теперь он стал всего лишь примером, частью демонстрации, устроенной Вектом, чтобы дать высшим архонтам понять всю серьезность ситуации. Вект провел глиняным ногтем по свисающим лентам плоти, которые его гелюнкүлы искусно срезали с тела несчастного архонта.

Слова тирана предназначались не для месива мяса и костей, что висело перед ним. Архонт Гаракс страдал в навязанном ему молчании. Его глаза источали боль и жгучую ненависть к Верховному Властелину. По всем сведениям, Гаракс был полностью предан Векту, или, по крайней мере, настолько предан, насколько можно верить заявлениям котморритского архонта, но тому не было до этого дела. Жалкая кучка воинов Гаракса теперь поклялась в верности непосредственно Векту. Период Разобщения — не то время, чтобы позволять мелким рыбкам свободно уплывать из сетей.

— Знаешь ли, на протяжении эпох я довольно часто размышлял об этом, — сказал Вект архонту Тараксу. — Фактически, я уверен, что могу сказать: это тема, которая чаще всех иных занимала мое внимание. И ведь всегда есть так много, много иных дел, которые требуют моего постоянного наблюдения.

Цлитуан и другие высшие архонты бесстрастно наблюдали, как Вект вышагивает по своей кровавой выставке. Увидеть великого тирана во плоти можно было редко, и еще реже — встретить его в присутствии столь многих иных архонтов, как висящих на цепях, так и нет. Цлитуан подсчитал, что в зале в том или ином состоянии находилось больше сотни архонтов. Объединившись, они легко могли бы убить Векта и наконец освободить Котморру от его жестокого правления и тысячелетнего гнета.

При этой мысли Цлитуану пришлось подавить желание презрительно фыркнуть. Из всех бесстрашных воителей, присутствующих в огромном зале, никто

не готов был рискнуть и сделать первый шаг. Как всегда, архонты наблюдали друг за другом и выстатривали только возможность нанести удар по своим соперникам, а не по этому коварному кукловоду, который держал в руках их судьбы.

Глядя на это, можно было заплакать или истерически расхохотаться — и это желание Уллитюану тоже приходилось сдерживать. Что-то говорило ему, что если он начнет смеяться, то не сможет остановиться и будет заходиться в бесконечном смехе, пока даже безумие Смеющегося Бога не покажется логичным и здравым. Никто не двигался, никто не говорил. Уллитюан и великие архонты оставались столь же безмолвны, как висящие жертвы Векта, и терпеливо ожидали приказов от Верховного Властелина. Период Разобщения — не то время, чтоб демонстрировать слабость.

Наконец, Вект прошествовал обратно к трону и сел, прежде чем снова заговорить.

— Естественно, я призвал вас всех

судя, чтобы обсудить текущее
Разобщение. Подобные случаи
небеспрецедентны, точно так же, как
небеспричинны. Будьте уверены,
ответственные за эту попытку всех нас
уничтожить будут найдены и наказаны за
свои преступления. В этом вы можете не
сомневаться.

Зал яростно затрясся. Из-за стен
донесся громовой треск, терзающий слух и
душу в равной мере. Вект сделал паузу и
посмотрел наружу, где бесновалась буря, и
лишь немногие остелились повторить его
подвиг. Уллитван подумал, что увидел в
глазах тирана страх. Этот бессмертный
бог вечного города видел, что в бурлящих
энергиях снаружи читался конец его
правления. Уллитван подавлял желание
бежать, или броситься наземь, закрыв уши,
или, еще хуже, признаться во всем и
взломиться о прощении.

Это он был виновен. Это его действия
привели к Разобщению, и в этом он был
уверен. Сговорившись с Кселиан и
Крайллахом, он спустил с цепи силы,
которые теперь безжалостно крушили

Комморру. Столь горькая ирония: заговор с целью свергнуть Асдрубаэля Векта привел Уллитюана сюда, на расстояние удара, к самому тирану. Но теперь это все ничего не значило. Кселиан и Крайллах уже были мертвы, их поглотили те самые ужасающие силы, и остался лишь Уллитюан, на которого и падала ответственность, столь трагическая и упомянутая Вектом.

Если бы Вект смог прозреть, кто повинен в катаклизме, объявившем всю Комморру, то это означало бы конец для Уллитюана. Судьба меньших архонтов была бы поистине благословенным освобождением в сравнении с теми ужасами, которые свершил бы Вект над ним за его преступления. Страх, скрутивший живот Уллитюана, был знаком ему. Он уже долго плел интриги против Векта и за это время успел взвесить все последствия. И даже при этом, стоя перед самим тираном после того, как все его планы были разрушены, а союзники погублены, Уллитюан мог лишь сдерживаться, чтобы не запятнать себя.

Невзирая на опасения, Уллитуйан должен был вести себя так же равнодушно, как и другие великие архонты, каждый из которых притворялся, что им нет дела до текущей ситуации и того, что она им сулит. Если бы они держались иначе, то навлекли бы на себя подозрения Верховного Властелина.

Асгрубазель Вект сделал резкий вдох и продолжил.

— В настоящий момент город следует защитить, и эту ответственность с этого момента я накладываю на вас всех и на каждого в отдельности.

Вект снова встал, выдавая своей неусидчивостью тревогу. Прежде Уллитуйан никогда бы не подумал, что угрюмый Верховный Властелин способен на такое чувство. Шагая между висящими телами, тиран, казалось, снова набрался энергии, и его голос неестественным эхом отдался в огромном пространстве.

— Все вторжения из-за пелены нужно уничтожить! Открытые порталы будут запечатаны! Одержимые — уничтожены!

Многие из вас считают, что сейчас идеальное время, чтоб сводить старые счеты и истреблять соперников --- и они во многом правы --- однако я предупреждаю, что если ваши изрища подвергнут город новым опасностям, то отвечать вы будете непосредственно передо мной... и также предупреждаю, что я сейчас далеко не в великодушном настроении.

Словно для того, чтобы подчеркнуть слова Векта, зал аудиенций содрогнулся от еще одного громового раската. Мрачное выражение на лице тирана перешло в гневную гримасу.

--- Достаточно разговоров. Удите. Исчезните с глаз моих. Вам будут назначены районы, за которые вы будете ответственны, --- выплюнул он. --- Удите и сделайте то, что должны, чтобы спасти наш дом.

Архонты молча вышли, вытянувшись колонной. Каждый был поглощен своими мыслями и, несомненно, планировал, как скоротить ближнего своего свирепыми существами, свободно бродящим по городу, оставшись при этом... «невинным».

пожалуй, было бы неподходящим термином... скорее, невиновным. Уллитуан с интересом разглядывал остальных, наблюдая, как они разбиваются на отдельные клики по пути к собственным транспортам. Опытные глаза могли различить среди них охотников и добычу, основываясь на брошенных исподтишка взглядах и едва заметных жестах. Во время Разобщения отменялись все ранее существовавшие правила и договоренности. Все предыдущие альянсы шли прахом, старые соперничества временно откладывались в сторону и делались новые уступки, в то время как политический ландшафт Колморры изменялся столь же внезапно и резко, как и сам город, объятый бурями. Эта мысль невероятно воодушевила Уллитуана. Может быть, его собственные планы и погибли, но то же произошло и с планами всех потенциальных соперников.

Эбеновые коридоры вокруг зала аудиенций постепенно заполнялись новыми официальными лицами, представителями и многочисленными кабалитами Черного

Сердца, собравшимися со всего города. Уллитриан подумал, что, видимо, в следующие несколько часов Вектору придется согнать, запугать и заставить подчиниться еще великое множество различных группировок. Ночные извержения тандрагоры кралась в тених межгуман серебранными канделябрами, тлеющими призрачным колдовским огнем, клэйвексы инкубов проталкивались мимо спорящих геллиархов и сирен под арками из черного мрамора, группы гетункулов толпились рядом, словно летучие мыши в гнездах, демонстрируя печати своих ковенов --- Сглаза, Пророков Плоти, Темной Веры, Черного Схождения.

Уллитриан остановился и более внимательно оглядел представителя Черного Схождения. Его белое блестящее лицо было растянуто в вечной широкой улыбке, но бокам от нее свисали щеки, переходящие в напминающую бороду массу пурпурных отростков на подбородке. Черные ребристые одеяния скрывали на удивление тучное тело гетункула. Заостренный капюшон поднимался над его

затылком, обратляя уродливый лик. Существо заметило взгляд Уллитюана и повернулось к нему, улыбаясь еще шире, если это было возможно.

— Вы пришли, чтобы представлять Черное Схождение перед Верховным Властелином, — заявил Уллитюан.

— Мнею честь, архонт, — несколько осторожно согласился гетүнкүл. Он отметил символ Белого Пламени на доспехах Уллитюана, и его глаза понимающе сузились. Постоянная улыбка на лице показалась слегка натянутой.

— Тогда у нас тоже есть общие дела, которые нам следует обсудить, — без обиняков сказал Уллитюан.

— Это... весьма верно, архонт Уллитюан, — гетүнкүл кивнул. — Нам нужно обсудить очень и очень многое. Я сожалею, но для этого понадобится иное время и место.

— Воистину. Пусть же будет известно, что я готов к решению, которое удовлетворит все стороны, — бесстрастно сказал Уллитюан. Он повернулся и пошел прочь, бросив через плечо: — Пришлите

лне вестъ о своихъ намеренiяхъ, какъ только
это станетъ возможно.

Зиклеядес, патриарх-ноктис Черного
Схождениа, молча наблюдал, какъ архонтъ
Белого Пламени удаляется сквозь толпу.
Умъ патриарха по-прежнему быстро
анализировалъ все, что могла значить эта
казавшаяся случайной встреча. Зиклеядес
былъ старъ даже по меркамъ гелункуловъ,
которые не такъ ужъ часто считали свои
годы. Онъ дожилъ до такого возраста
благодаря тому, что очень внимательно
относился ко всему неожиданному и
всесторонне изучалъ новую информацию,
прежде чѣмъ брать на себя какие-либо
обязательства.

Судя по докладамъ, полученнымъ имъ отъ
подчиненныхъ, с отступникомъ
Беллатонисомъ уже должны были
разобраться, но тутъ явился архонтъ,
который ясно далъ понять, что ихъ общая
«проблема» по-прежнему является
текущей. Самъ этотъ фактъ позже станетъ
источникомъ немалой скорби для этихъ
подчиненныхъ, и понадобятся новые планы
исправления ситуации, если онъ окажется

правдой.

Заявление Уллитюана, что он готов к решению, было завуалированным способом сказать, что он настроен поточь Черному Схождению в убийстве Беллатониса. Это само по себе было потенциально полезно и вместе с тем весьма тревожно, так как подразумевало, что Уллитюан знает слишком многое, и это не совсем безопасно. А это, в свою очередь, значило, что для полного заметания следов, ведущих к Черному Схождению, придется организовать еще одну смерть — смерть самого Уллитюана. Архонт Белого Пламени был широко известен и превосходно защищен от покушений, поэтому устранить его, конечно, будет совсем не просто.

Зиклеядес угрюженно покачал головой. Его тревожило, что это критически важное событие произошло именно в это время. Возможно даже, что Уллитюан пытался подстроить хитроумный обман с целью навести тень на Черное Схождение, так что любое действие, которое они предпримут против него, послужит

доказательством, что ковен повинен в
Разобщении. С той же вероятностью
могло быть так, что Уллитан попросту
пытался сбить патриарха с толку в
надежде, что тот совершит какую-нибудь
грубую ошибку, стоя перед Вектом.

Раздался грохот цимбал и вой рогов,
призывающий ждущую толпу в зал
аудиенций. Патриарх попытался
сконцентрироваться на том, чтобы
очистить свое сознание от любых следов
вины или страха, которые могли бы его
выдать пред ликом Верховного
Властелина. Были времена, когда он
просто не понимал, как это делают
архонты.

Глава 18

Каудоэлит и другие кладбища

Мир за следующими воротами был темным, как ночь, и шумным, как буря. Черные языки испарений с воем проносились мимо, уносимые безжалостным сокрушительным ветром. С неба не светили ни солнце, ни звезды, поэтому Караэис поднял колдовской клинок и призвал из него тусклое голубоватое свечение, чтобы видеть, куда они идут. Ландшафт состоял из мерцающих почернелых обломков камня, перемежающихся кривыми серебряными ветвями, что торчали вверх, словно деревья после пожара. Предыдущий мир был морозным, этот же был горячим и удручивым, как лихорадочный сон. Земля под ногами источала нездоровый жар, как будто в глубине под обломками все еще пылал огонь. Ворота, из которых вышли

эльдары, тоже почернели, и их пронизанная серебром психокость скрывалась под горелой угольной патиной.

Это место Пестрый узнал уже точно: когда-то, давным-давно, он здесь бывал. Тогда был Каүдоэлит, иногда в шутку называемый мастерской Ваула — один из нескольких миров, которые именовали себя этим титулом до Нагения. Каүдоэлит стал полем боя еще до того, как проснулась Та, что Жаждет, когда соперничающие фракции эльдаров сражались за недостроенный искусственный мир, который создавался для спасения от неминуемого катаклизма. Война склонна создавать горькие, но поучительные истории, и это была одна из них: еще не готовый искусственный мир был уничтожен в сражениях, а его горящие останки обрушились вниз, распространяя разрушение по всей планете. Немногие эльдары выжили, но только для того, чтобы встретить тот самый роковой конец, от которого они пытались сбежать.

Чародей и аспектные воины осторожно продвигались по выжженному

ландшафтү. Ни один житель Каүдоэлиты не пережил вопля, с которым родилась Та, что Жаждет, но в последующие века здесь неоднократно пытались закрепить всевозможные чужаки-марогеры. Были и войны за владение планетой: эльдары бились с марогерами, марогеры груг с гругом, и даже, как ни прискорбно, эльдары со своими сородичами. Сам Пестрый прибыл сюда, чтобы противостоять порочьей заразе, но он слышал истории, что в разные моменты истории этот мир служил пристанищем для всех рас галактики, у каких только есть противостоящие пальцы.

Легенды о Вауле, боге-кузнеце, были известны даже за пределами эльдарской расы, и, казалось, ничто не могло поколебать веру в то, что на Каүдоэлите до сих пор лежит некий огромный клад. Не проходило и поколения, чтобы какой-нибудь пропыленный книголюб или алчный пират не прибыл сюда, чтобы заявить свои права на сокровища. Тот факт, что эльдары сражались с ними, чтобы защитить планету, только подкреплял мифы. Правда

же состояла в том, что на Каүдоэлит действительно было сокровище, только не того рода, какой ценят другие расы. В древности этот мир обладал десятками, если не сотнями тысяч отдельных порталов в Паүтину — причём любых, начиная от громадных корабельных ворот, способных вместить даже самые грандиозные эфирные корабли, до связанных друг с другом персональных порталов, которые позволяли мгновенно переместиться в любой уголок галактики всего за несколько шагов.

Распри и Пагение положили конец всему этому. Уцелела лишь горстка первоначально существовавших врат, но они все же делали Каүдоэлит жизненно важной точкой материальной вселенной, связующим звеном между бесчисленными нитями Паүтины, которые сами по себе не соединялись друг с другом. Неудивительно, что Караэис привел их сюда. Несмотря на предыдущие нашествия Пестрого, немало было мест, которых нельзя было достичь через врата Каүдоэлита. Возможно, чародей даже мог бы довести их до Бьель-

Сана напрямую с этого тира-кладбища.

Они брели все дальше, продираясь сквозь кусачие порывы черного ветра. Поблескивающий рельеф не отличался разнообразием: рухнувшие глыбы нефрита, трамора и лунного камня, разбитые механизмы из золота и платины, обломки серебряной филигранны, — все это сплелось в тесных объятьях и медленно распадалось в прах. Пройдет еще с дюжину тысячелетий, и Каугоэлит, возможно, станет таким же, как только что покинутый путниками мир — море барханов, состоящих из разложившихся останков позабытой цивилизации.

Нестрый уловил уголком глаза едва заметное, быстро исчезнувшее движение — это был не черный ветер, но нечто материальное и человекоподобное. Он ничего не сказал и стал ждать, не повторится ли оно. Его вознаградило еще одно мимолетное, быстро протелькнувшее движение за поваленной плитой. Арлекин по-прежнему держал язык за зубами и лишь придвинулся чуть ближе к Морру. Зловещие Мстители, кажется, ничего не

подозревали, а все внимание чародея было приковано к пути, ведущему к следующим вратам. Он часто сверялся с одинокой рунной, которую держал в сложенных чашей руках, и как будто немного сомневался в ее показаниях.

Без предупреждения их накрыл вражеский огонь, и между членами группы рядами вскинулись фонтанчики грязи; обстрел велся с разных точек. Зловещие Мстители отреагировали безупречно, единым плавным движением нырнув под укрытие и открыв ответный огонь. Караэис снова взглянул на руну в своих руках, явно изумленный, но все же подчинился намеренно резкому приказу эхзарха и тоже укрылся. Пестрый бросился к носилкам Морра и притянул их к земле, где инкуб хоть и немного, но был защищен от шипящих залпов.

У атакующих было решительное преимущество в огневой мощи, на любое движение Зловещих Мстителей они отвечали осиным роем снарядов, которые чиркали по камням вокруг них, разбиваясь вдребезги. Каждые несколько мгновений на

секунду воцарялась тишина, а потом
выстрелы трещали уже с другого угла.
Нестрый оставался на земле,
растянувшись во весь рост рядом с
Морром, и остро ощущал, что по большей
части его прикрывает лишь тело инкуба,
лежащего рядом.

--- Ты должен разрезать путы,
маленький клоун, --- прорычал Морр. --- Я
предпочел бы умереть стоя.

--- О, я так и сделаю, подожди только
секунду, пока не станет безопасней, ---
успокаивающе прошептал в ответ
Нестрый. Морр безрадостно растаял,
когда еще одна очередь снарядов с воет
разминулась с ним всего на несколько
миллиметров.

Экзарх и Караэис, похоже, все это
время планировали контратаку. Все
пятеро аспектных воинов вдруг вскочили
на ноги и синхронно устремились в руины,
на ходу отстреливаясь слаженными
очередями сюриканных катapult.
Караэис бежал следом, по его клинку
ползли зигзаги молний, а из одной руки,
поднятой вверх, лился яркий холодный

свет, освещавший путь наступающим
аспектным воинам. В тот же миг, как
они растаяли в темноте, Пестрый
принялся резать ремни, которыми Морра
пристегнули к носилкам. Изогнутый
клинок быстро и ловко рассекал их один за
другим. Клэйв Морра высвободился и упал,
и инкүб рывком поднялся в сидячее
положение, хоть его руки и были по-
прежнему скованы за спиной.

--- Освободи меня! --- потребовал Морр
голосом, полным волнения. Пестрый
прижал «поцелуй арлекина» к кандалам и
выстрелил моноволоконной проволокой,
которая тут же обратила затки в пыль.
Когда цепи упали, Морр с благоговением
подхватил с земли свой клэйв, и на его
лице прорезалась внушающая ужас дикая
улыбка.

В том направлении, где скрылись
аспектные воины, сверкнул ряд
ослепительных вспышек, от которых
повсюду зашевелились тени. Морр взял
наизготовку двухметровый, изогнутый
огромной дугой клэйв и посмотрел на
Пестрого, как будто размышляя.

--- Пошли, у нас не так много времени,
--- крикнул арлекин, пустившись бежать в
направлении, противоположном тому, куда
утчались аспектные воины. --- Убить меня
ты всегда успеешь!

Морр на миг с сомнением оглянулся
туда, откуда доносился оружейный огонь и
взрывы. Перестрелка, судя по всему,
отдалялась от них и понемногу
переходила в редкий и ступенчатый треск
вдали. Приняв решение, инкуб повернулся и
легко потчался следом за быстроногим
арлекином.

Пыточные лаборатории Беллатониса
были погребены в переплетенном, как
соты, лабиринте тайных комнат и
секретных проходов, прилегающем к
территории Белого Пламени в Верхней
Комморе. Основная их зона первоначально
представляла собой просторную комнату с
высоким потолком, к одной из влажных
стен которой примыкал ряд камер, а пол
был покрыт трещинами. Теперь она была
разрушена более чем наполовину. Пол
раскололся, камеры засыпало, и на их

месте остался склон из битого щебня. Всюду были разбросаны обломки камня и кучи зернистой пыли.

Горстка верных прислужников Беллатониса, развалин, рылась в завалах, разыскивая оборудование, которое могло уцелеть в тряске, вызванной Разобщением. Они поставили на место несколько рабочих столов и аккуратно рядами разложили на них сверкающие инструменты. С потолка на цепях свисал саркофаг со стеклянной передней стенкой, хотя его брат-близнец лежал разбитым на полу под ним. В центре уменьшившейся в размерах комнаты стоял операционный стол, на котором возвышался метровый цилиндр из полированного металла с ручкой сверху. Часть металлического корпуса спереди была откинута на петлях, так что было видно, что внутри хранится еще один, хрустальный цилиндр, наполненный бесцветной жидкостью. В ней плавал некий предмет, почти скрытый длинными темными волосами, которые медленно дрейфовали вокруг него, но сомневаться не приходилось: это была

отрубленная голова.

У входа в лабораторию загвизался какой-то силуэт и внезапно ввалился внутрь, на свет. Ближайший развалина испуганно развернулся и с грохотом уронил кювету с инструментами, которую держал в руках.

--- Хозяин! Что случилось? ---
Встревоженно воскликнул он.

--- О, ничего такого, --- просипел Беллатонис, махнув рукой. --- Не суетись.

--- Но хозяин, ваша...

Синтетический голос пробился сквозь сбивчивую речь развалины. Этот голос напоминал вздохи ветра, проносящегося меж голыми зимними ветвями деревьев.

--- Похоже, с тех пор, как я видела тебя в последний раз, Беллатонис, ты успел потерять руку. Как неосторожно с твоей стороны.

Беллатонис с сожалением пошевелил обрубком плеча.

--- Как я уже сказал, ничего такого, чего нельзя моментально исправить, --- он неприятно ухмыльнулся, --- и куда лучше, чем другой вариант, уж поверь мне.

--- Я слышала, что некоторые животные отгрызают себе лапы, чтобы сбежать из капкана, --- прошептал голос. --- Судьба окружает тебя, мастер-отступник, она все ближе, и смерть твоя неизбежна.

Беллатонис подошел к цилиндрическому вместилищу и взгляделся в то, что там находилось. Бледное восковое женское лицо с наглухо закрытыми глазами и ртом как будто слепое уставилось на него в ответ, глядя меж извивающихся локонов.

--- Ты всегда готова поднять настроение, Анжевер, --- с обманчивой кротостью сказал гетүнкүл. --- Больше всего я в тебе люблю именно это.

Голос доносился из узкой решетки в основании цилиндра, и хотя губы не двигались и не могли двигаться, лицо подергивалось в подобии жизни.

--- Я предупреждала, чтоб ты уничтожил Уллитана, пока у тебя был шанс. Теперь он замышляет против тебя. Он хочет стать твоей погибелью, а не твоим союзником.

--- Это было бы необычно глупо с его

стороны, ведь я держал его жизнь в своих руках.

— Уже не держишь. Ты даровал ему новую жизнь, и уже сейчас он пользуется ею, чтобы предать тебя.

Черные глаза Беллатониса угрожающе сверкнули, когда он услышал слова старухи. Анжевер страстно ненавидела Уллитуана, и тому была причина. Именно архонт Белого Пламени нашел ее и обезглавил после того, как она сотни лет выживала в полном одиночестве среди населенных демонами руин проклятого Шаа-дома. Обнаружив, что старуха каким-то образом продолжает цепляться за жизнь, Уллитуан продал ее отрубленную голову Беллатонису, как диковину, призванную возбудить в том интерес к более грандиозному и опасному плану, задуманному архонтом. Но при этом Анжевер также обладала даром варп-зрения, и не все, что она говорила, следовало отвергать как трюшечные предсказания, изрекаемые для собственного удовольствия.

--- Ну, это мы еще посмотрим, ---
заявил Беллатонис. --- Если это так, то
Уллитриан меня довольно-таки сильно
недооценивает.

Гелүнкүл неүклюже пошарил
единственной целой рукой в нескольких
карманах, прежде чем наконец извлечь
блестящий драгоценный камень со множеством
граней, величиною с большой палец руки.
Он трижды постучал самоцветом по
столу и положил его на поверхность, при
этом повторяя имя «Нис Уллитриан», как
будто это было заклинание. Над
драгоценностью из ниоткуда возникла
маленькая красноватая картинка,
расплывчатый вид с перспективы первого
лица. Беллатонис смотрел и слышал, как
Уллитриан (потому что именно от его
лица он это видел) выступает с речью
перед своими воинами и отправляется на
Центральный пик.

--- Ты можешь читать мысли
Уллитриана? Как?

--- К несчастью, читать его сознание
я не в состоянии, но могу видеть, что он
видит, слышать, что он слышит, а также,

следовательно, и то, что он говорит. Это в крови, если можно так выразиться... Ну и много же демонов там, наверху.

--- Разобшение открывает трещины в нашей реальности и превращает их в дыры. Снаружи много тех, кто готов ворваться внутрь за пиршеством.

--- Хм. Это я прекрасно понимаю, но что можно сделать в настоящей ситуации?

--- Тебе не удержать это под контролем, тем более, замечу, одной рукой.

--- А это, Анжевер, очень неудовлетворительный ответ, возможно, тебе стоит взять его обратно, -- извиваясь, заметил Беллатонис. -- Мои ресурсы в данный момент несколько ограничены, но мы наверняка сможем их подстроить под твое не менее ограниченное положение.

Защитное лицо вздрогнуло при мысли о пытках Беллатониса. По личному опыту она знала, что гетункул прав, и что его репутация мастера в этом искусстве имеет прочное основание. Голосовая решетка почти жалобно заскрежетала:

--- Две странствующиe души, затерянные в Паутине, приближаются к последней цели. Одна темна, другая светла, и их жертва определит исход Разобщения. Сейчас они недоступны для тебя и недоступны ни для кого в Котморре, даже для самого Асгубаэля Векта.

--- Хм, полагаю, этот ответ получише, но мне все равно не нравится, --- пробормотал Беллатонис, снова переключив внимание на красноватое изображение. --- Так, похоже, наш Уллитван получил распоряжения на ближайшее будущее, так что какое-то время он будет занят.

--- Неважно. Твой рок уже спущен с цепи.

--- Да, да, рок, трак и все такое. Ты иногда и в самом деле утомляешь своими повторами. О, смотри-ка, кто это пожаловал? Зиклеядес, старое ты чудовище -- а, я вижу, ты уже стал патриархом-ноктис. Очевидно, с тех пор, как я отделился от Черного Схождения, стандарты упали еще ниже.

--- Видишь? Уллитуан продал тебя
этому Зиклеядесу, даже не озаботившись
ценой. Архонт хочет, чтобы ты был
мертв.

--- Если бы только это было так
просто, --- задумчиво вздохнул Беллатонис.
--- Зиклеядес желает, чтобы я погиб и
исчез, но, подозреваю, если Уллитуан
действительно жаждет мести, он бы
предпочел, чтоб я жил и страдал на
протяжении достаточно долгого времени.
У него есть склонность к изрядной
дотошности. Как это невероятно
прискорбно, я-то полагал Уллитуана более
прогрессивной личностью.

--- Все теперь обращены против тебя,
ты не можешь сбежать от судьбы.

--- О, с этим бы я поспорил, Анжевер.
В конце концов, посмотри на себя. Ты
должна была умереть века назад, при
падении Шаа-гота, и все же ты здесь.
Случай порой творит чудеса.

--- Цена была ужаснее, чем ты можешь
вообразить.

--- Лишь потому, что ты сделала
ошибку и заплатила эту цену сама, ---

устехнулся гетункул. --- Кстати говоря, мне бы действительно стоило себя поглатать. Эй, ты! А ну-ка иди сюда, чтобы я тебя получше разглядел. О да, я вижу, у тебя тут есть весьма неплохая пара рук...

Рабские кварталы заканчивались там, где первоначально пролегла граница парковой территории. Архитектурные сооружения резко изменились, вместо лабиринта кое-как сколоченных досок и слякотных улиц появились гладкие монолиты из обсидиана, стали и гранита, возвышающиеся вдоль широких бульваров, которые выстилал пружинистый дерн, щедро удобренный молотой костью. Массивные строения различались по размеру: самые близкие были всего в несколько этажей высотой, но чем дальше они удалялись от парка, тем выше становились. Все они были богато украшены барельефами и колоннами, окружавшими подобные устьям пещер входы и пустые окна. В некоторых происходили живые представления из движущегося света, изображавшие

обитателей этих домов, но большая часть
демонстрировала миру бесстрастные
скульптурные образы их давно уже
мертвых лиц. Это были иннеалксии ---
табзолеи достославных предков, или,
точнее, монументы в их честь, ибо ни в
одном из них не было и следа смертных
останков.

Харбир никогда раньше не
задумывался об ироническом контрасте,
который представляли собой рабские
трущобы, теснящиеся бок о бок с этим
комплексом великолепных пустых
сооружений. В обществе, лишенном богов,
иннеалксии были ближе к храмам, чем
любые другие здания в Котморре --- пустые
дома для мертвых, которые прославляли
их прижизненные достижения. Харбир
устремился вперед по краю заброшенного
бульвара, чувствуя себя неприятно
уязвленным. Он пытался смотреть под ноги,
не поднимая взгляд к сводящим с ума
небесам, хотя какая-то крошечная,
безумная часть его личности говорила,
что он должен это сделать. Он
чувствовал давление, исходящее оттуда,

сверху, тошнотворное ощущение чуждого
знаю, от которого по коже бежали
мурашки. Желание снова взглянуть наверх
преодолеvalo практически все, и даже
сейчас он мог поклясться, что все еще
видит вспыхивающие неземных цветов, куда бы
он ни посмотрел.

Легенда гласила, что все эльдарские
боги были уничтожены, поглощены Той,
что Жаждет, во время Падения. Азурин,
Каэла Мениа Кхейн, Баул, Керноус,
Лилеат — все они. Теперь комморритские
семьи, обладавшие хоть каким-никаким
происхождением и историей, поклонялись
самим себе или, скорее, своим
блестательным предшественникам, а не
этим достойным презрения, потерпевшим
крах богам. В Верхней Комморре
благородные фамилии воздвигали
километровые статуи самих себя и
посвящали целые флигели помещений
накоплению информации о своей
родословной. Здесь, в Хай'кране,
расположенном на более низком уровне,
вернорожденные не могли столь глубоко
увлекаться своими некрополями и поэтому

были вынуждены обходиться более скромными храмами, посвященными собственному тщеславию.

В отдалении над крышами возвышались уступы яруса Азхоркси, ломаная стена, состоящая из башен полированного обсидиана и аметиста. Где-то ближе к подножию этих башен, как заверила Безиет, можно проникнуть в фундаментальный слой, пронизанный многочисленными венами и капиллярами туннелей. Харбир надеялся, что она права, он ощущал практически животное чувство, что кто-то преследует его среди этих мавзолеев. Темные распахнутые двери как будто изготовились, чтобы в любой момент затянуть его внутрь и навечно заточить среди стерильной роскоши склепов.

Конечно же, каждый вернорожденный жил с твердым намерением никогда не обзаводиться подобным гомом смерти. Благодаря стараниям гелүнкүлов любой из них мог вернуться из мертвых, если уцелела хотя бы мельчайшая часть смертной оболочки. И все же некоторых по-

прежнемү настигала смерть от
всепожирающего пламени, от
разрушительных энергий, от губельных
токсинов, загадочное исчезновение или
простое вероломство, и поэтому на
протяжении веков количество монументов
неутолимо возрастало. Склепы были
украшены трофеями, собранными на
протяжении столетий грабежа и разбоя
заключенными в хрусталь черепами
примечательных врагов, таранами
захваченных кораблей, варварскими
доспехами, экзотическим оружием,
статуями и произведениями искусства,
похищенными со ста тысяч различных
тиров. Тщеславные надписи объявляли об
их достижениях:

«Дрожите перед мощью Байл'ака Ак
Меншас, коего жертвы именовали Лордом
Сороконүтом. Так могуч был его клинок,
что за раз пронзал он ил три тела, так
быстр был его «Рейдер», что за тысячу
охот ни один раб не избежал его хватки».

«Взгляните на разложенные пред
вами сокровища Охрана Лир Хагорах
Каззоса, Вора Дүш. Молодые ли, старые,

все в конце концов покорялись его свирепой
ласке. На тире Шарн сто поселений пало
пред ним за одну ночь, но он объявил, что
все еще не насытился».

«Узрите дом смерти Кассауса, что
не нуждается в ином имени. Под дюжиной
солнц разбойники преворали в жизнь его
кровавый приказ, оставляя рабов с одним
глазом и одной рукой, только чтобы
отметить его путь».

Здесь не было призраков, если не
считать воспоминаний, и все же Харбир
чувствовал, что волосы у него на загривке
встают дыбом, как будто какой-то
голодный взгляд следил за его движениями.
Посреди всего смятения и ужаса, что
бывали в городе, нечто избрало именно
его объектом своего внимания, и это было
нечто ужасное. Он остановился и
неуверенно оглянулся на Безиет и Ксагора,
идущих в нескольких шагах позади него.
Встретив нетерпеливый взгляд архонта,
он вдруг почувствовал, что его опасения
слишком глупы и беспочвенны, чтобы их
озвучивать.

— Что такое? — прошипела Безиет.

--- Я... ничего, я просто почувствовал, будто за мной... будто за нами наблюдают, --- выдал Харбир.

--- Я тоже это чувствую, --- заявила она. --- Что-то следует за нами, причём начиная с парка, если не раньше.

--- Может, попробоватъ его поймать? --- тихо спросил Харбир, ощутив облегчения. Он-то уже боялся, что сходит с ума. Безует помотала головой.

--- Нет. Надо идти дальше, если оно не хочет с нами связываться, то и нам нет причин связываться с ним, если не придется. Попробует оторваться от него в шагах.

Харбир кивнул и начал незаметно красться дальше. Пограничные башни Азхоркси теперь были гораздо ближе и подавляли собой даже самые высокие миннеалксии поблизости, что, вне сомнений, служило источником большого гнева среди вернорожденных Хай'крана. Земля впереди переходила в склон, опускающийся в сторону ряда угловатых контрфорсов, вытирающих из тесно стоящих башен. Между ними виднелись приподнятые края

трех серебряных колец, утопающих в
земле, каждое из которых было
достаточно широко, чтобы вместиť в
себя целый «Рейдер». Это были
вертикальные устья путевых туннелей,
которые выходили в Хай'кран и тянулись
из-под центра города.

Харбир нетного ускорил шаг, с
нетерпением ожидая возможности уйти
из-под открытого неба в более уютное
замкнутое пространство. Когда он
подобрался поближе, его внимание
привлекло какое-то движение,
мелькнувшее у контрфорсов. Он беззвучно
припал к земле и несколько минут
напрягал глаза, взглядываясь в тени; за это
время Безиет успела нагнать его и тоже
установилась вперед. Она свирепо выругалась
и выплюнула:

— Ур-гүли.

Устья туннелей кишели тощити, как
плети, пещерными чудовищами. Они
выползали из глубин, словно стаи вшей,
ищущих нового хозяина. Слепые головы
крутились туда-сюда, нюхая воздух рядами
обонятельных отверстий.

Харбир кивнул.

--- Похоже, они движутся в этом направлении. Должно быть, та здоровая куча падали в рабском городке наконец-то обрела претендента на владение. Правда, в них есть что-то странное, я думаю, они затронуты варпом.

Безиат что-то проворчала и снова встопорелась в темноту. На таком расстоянии сложно было о чем-то судить, но эти существа действительно выглядели необычно. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, в чем дело. У некоторых ургулей недоставало рук или ног, и все они, так или иначе, были кем-то жестоко изограны.

--- Разве они не жрут друг друга при первой возможности? --- спросил Харбир.

--- Каннибалы, да, --- проотрещала Ксагор. --- Соматфаги.

--- И почему тогда те, у кого не хватает конечностей, не в желудках у остальных? --- трaчно добавила Безиат.

--- Что важнее, как нам сквозь них пробраться? Может ли ваш клинок

порубить их, как это было на Великом Канале?

--- Нет, үр-гүли настолько сильны и ловки, что я обычно избегаю сражения с ними, если их больше трех, а у меня за спиной нет отряда воинов. А там внизу их более тридцати, и они все прибывают. Не думаю, что мы сможем пробиться сквозь них, скорее, нам придется убраться с их пути и надеяться, чтоб они нас не унюхали.

Ксагор жалобно заломил руку и лопу.

--- Высокочувствительные обонятельные органы, --- со страхом прошептал развалина. --- Очень эффективные охотники.

--- Тогда мы встанем за гверью, куда они смогут проникать только по несколько раз, и... погожди-ка, что это? Кажется, нам улыбнулась удача, не все еще отсюда сбежали.

Тонкий обтекаемый силуэт беззвучно вынырнул из теней над стаяй үр-гүлей, вперед выдвинулся острый бронированный нос, наверху раздвинулись эфирные паруса оранжевого и зеленого цветов. Это был

«Рейдер», на узкой палубе которого теснились воины-кабалиты. Ур-гүли недоуменно замечались, их ноздри раздувались от близости добычи, но пока не могли определить, откуда доносится запах.

— Что они делают? — спросил Харбир.

— Проводят чистку, а заодно развлекаются, — ответила Безиет.

В бурлящую массу с «Рейдера» посыпался дождь каких-то крошечных объектов, металлических семян, которые расцветали огненными вспышками плазмы, как только соприкасались с землей. Тощие жилистые тела моментально воспламенялись в ее отсветах, а потом за один удар сердца истлевали в прах. Безжалостные потоки осколочного огня захлестали по выжившим тварям, оставляя кратеры в плоти и вдребезги разбивая безглазые черепа.

Стая ур-гүлей как обезумела, они начали бегать и скакать во всех направлениях, демонстрируя чудовищное проворство. Ведомые неким шестым

чувством, несколько прыгнули вертикально вверх, на «Рейдер», вытянув ланы с крючковатыми когтями, но рулевой точно рассчитал высоту, и машина покачивалась лишь чуть выше того предела, где до нее еще можно было добраться. Асимметричная битва продолжалась, кабалиты не спеша расстреливали ургүлей в свое удовольствие. Стая уже разбежалась, большая часть тварей пыталась найти укрытие, но некоторые по-прежнему бесстысленно вскидывались, пытаясь схватить своего летучего учителя. «Рейдер» повернулся и погнался за горсткой ургүлей, которые удирали прямо в том направлении, где прятались Харбир, Ксагор и Безует.

— Что-то или кто-то действительно ищет нам удачу, — тихо пробормотала Безует. — Давайте не будем его разочаровывать. Ксагор, как считаешь, ты сможешь подбить рулевого из этой своей винтовки?

Ксагор отчаянно затаил головой и бессильно опустил плечи. Тем временем

«Рейдер» подгонял свирепую стаю ургулей все ближе.

--- Давай я перефразирую это так, --- холодно сказала Безиет. --- Ксагор, ты первым же выстрелом попадешь в рулевого, иначе я выпотрошу тебя, как рыбу.

Глава 19

Сила заблуждения

Нестрый не прекращал бежать, увеличивая разрыв с Морром по мере того, как они оба стремительно удалялись сквозь ветер и тьму. Они петляли между лотаными стенами из лянис-лазүри и пробегали по улицам из почерневшего алебастра, огибали кучи поблескивающих обломков и пересекали поля из разбитых кристаллов. С проворством газели арлекин постоянно держался впереди Морра, чьи широкие шаги были подобны скачкам пантеры. Через какое-то время Нестрый решил, что Морр выглядит согласным следовать за ним, и в глазах у него нет безутной жажды убийства. Он затеделился, позволил инкүбү поравняться с собой и побежал бок о бок, глядя снизу вверх в открытое лицо своего спутника.

— Ты не устал? Если хочешь, можно немного передохнуть, но нам бы лучше двигаться дальше. Караэис может

выследить нас не хуже гончей, так что надо бежать быстрее, чтобы они не успели нас нагнать.

--- Я хорошо отдохнул, --- прозрел Морр. --- Эти напыщенные глупцы дали мне прекрасную возможность восстановить силы. Сердце мое скорбит, что пришлось оставить их в живых.

--- Они бы первыми наделали в тебе дыр, и ты это знаешь. Ну... ты не злишься, что я тебя вот так взял и отключил? Признаюсь, я думал, что будет чуть больше бега и криков, прежде чем ты помирится.

Морр растеялся громким маниакальным стехом, который затерялся в порывах ветра.

--- Маленький клоун, ты бродил среди нас, по вечному городу, и все же не понял, как мы живем. Этот трюк так стар, что у него есть собственное имя. Это называется «рок'чса» --- когда два раба нападают друг на друга, чтобы выслужиться в глазах нового хозяина. Мне понравилось, как быстро ты придумал решение.

--- О. Так я об этом еще не думал, ---
слегка смутился Пестрый. --- Полагаю, от
этого мне должно было стать лучше, но
почему-то не становится.

--- Почему бы тебе просто не сделать
врата, как тогда, в храме?

--- Чародей, Караэис, почувствует это
в тот же миг и сможет задержать их
фортирование на достаточно долгое
время, чтобы Зловещие Мстители нас
настигли.

--- Тогда куда мы бежим?

--- Я думаю, тут где-то неподалеку
есть постоянные врата. Если мы до них
доберемся и проникнем в Паутину, я смогу
довести тебя до Лилеатанира.

--- Чародей наверняка попробует
закрыть и их.

--- Сделать такое с постоянными
вратами будет значительно сложнее. Тебе
придется дать мне немало возможностей
для импровизации, я отчасти придумываю
все это на ходу.

--- Тогда скажи мне, кто атаковал
воинов искусственного мира, и по какому
счастливному совпадению они явились нам

помочь?

--- Это... мой маленький секрет, и пока что я собираюсь его сохранить в тайне. Просто знай, что в этой конкретной истории у нас есть не только враги, но и друзья.

--- Ушли! --- прорычал Караэис. Он яростно пнул разбитые кандалы и с трудом поборол желание сорвать шлем с маски, чтобы набрать воздуха в легкие и закричать сквозь вой ветра, изливая досаду. Аиоса, экзарх Зловещих Мстителей, стояла рядом и наблюдала, как он злится. Ее собственная бесстрастная маска, увенчанная высоким гребнем, оставалась холодна и непроницаема.

--- Успокойся, --- сказала она мыслеречью. --- Твоей страсти здесь не место, исполни свой путь!

Чародей попытался обуздать эмоции и заставил себя дышать более спокойно. Караэис так много вложил в эту миссию, что она стала его частью, словно живое существо, живущее в груди и гложущее ее.

изнутри, чтобы выбраться наружу. Он пробежался по тысяче и одной мантре, которыми его обучали и которые говорили о чудовищной опасности, что кроется в неконтролируемых страстях псайкера.

Руны, маска, сам путь Провидца --- все это были способы изолировать его от угроз варна и предоставить защиту, позволяющую безопасно управлять его безграничной мощью. Но если воля, лежащая в основе всего, не будет достаточно сконцентрирована и дисциплинирована, это значит, что ничто не может защитить чародея. Если его связь с варном станет слишком личной, если он хотя бы раз обнажит свою душу перед демонами, тогда он будет потерян, и придет конец его пути Провидца. С большими усилиями он все же утихомирил зверя в своей груди.

--- Почему никого не оставили на страже? --- наконец, спросил он. Собственный голос показался ему удивительно ровным.

--- Я приказала, чтобы ты остался их охранять, --- ответила Ауоса. --- Почему

ты этого не сделал?

— Я... это не то, что я услышал, — в
стоянии возразил Караэис. — Я слышал,
как ты отдала приказ следовать за собой.

Аиоса молча смотрела на него,
дожидаясь объяснения, и в том, как она
держалась, не было ни капли сомнения, что
Караэис допустил ошибку. Чародей
тщательно припомнил все, как было. В
тот момент мыслеречь Аиосы показалась
ему слегка невнятной, но он списал это на
неразбериху в перестрелке. Он определенно
услышал в ней четкое слово «следуй», хотя
теперь, анализируя события, он понял, что
не был точно уверен, кто его произнес. Он
отчетливо ощутил, как рушится
краеугольный камень его уверенности в
себе — неужели возможно, что его
обманули? Пока он боролся с собственными
выводами, подошел Зловещий Мститель и
с очевидным отвращением бросил в пыль у
ног Аиосы какие-то предметы.

— Экзарх, мы нашли это на месте
боя. Здесь были темные сородичи.

В пыли, увлекаемой ветром, лежали
покрытый шипами, зловещий с виду

пистолет и высокий темный шлем, увенчанный полумесяцем. Обе вещи были недавно повреждены: в шлем врезались сюрикены, а у пистолета был обломан ствол.

--- Это все? --- спросила Аюса. --- Ни крови, ни тел?

--- Ничего, экзарх, не было и следов --- хотя на такой земле следы вряд ли могли остаться.

--- Хорошо, возвращайся на позицию наблюдения.

Аюса повернулась обратно к Караэису.

--- Итак? --- спросила она, как будто никто их не прерывал.

--- Кто-то сказал, чтобы я следовал за тобой, но не думаю, что это была ты. Меня обхитрили.

--- Ясно, --- с медицинской отстраненностью сказала экзарх. --- Скажи, каково твое мнение об этих артефактах.

На миг Караэису показалось, что к нему обращается автомат, что если он заглянет внутрь бронекостюма Аюсы, то

обнаружит, что тот пуст. Он потряс головой и попытался сконцентрироваться на шлеме и пистолете, подняв над ними руку в перчатке и осторожно прощупывая их психометрию. Его пробрала неожиданная дрожь, и он убрал руку.

--- Несомненно, они колморритского производства. Из пистолета недавно стреляли, прежде чем он был сломан. Оттиски слишком хаотичны, чтобы прочитать что-либо помимо этого. Что ты думаешь?

--- Что кто-то снова пытается сбить нас с толку, оставив ложный путь обратно к Темному Городу. Эти улики оставили намеренно, чтобы мы их нашли.

--- Это выглядит слишком сложно, --- неуверенно сказал Караэис.

--- Нас атаковали не темные сорогичи. Так называемый противник всеи силы стремился не нанести нам вред.

--- Тогда кто?

--- Ответ очевиден. Арлекин призвал других членов своего таскарада, и пока они весело плясали с нами, он сбежал вместе с

нашей добычей.

--- Что? --- взорвался Караэис, и животная ярость снова заскреблась в его груди. --- Это чудовищно! Зачем ил так неприкрыто покатать темными сородичам? Они вроде бы должны ревностно относиться к своей хваленной нейтральности!

--- Ты сказал арлекину, что он тоже твой пленник. Думаю, они могут убедительно доказать, что это ты совершил первое оскорбление, а они действовали только в целях его компенсации.

Караэис затих. Аиоса была права, в своем высокомерии он дал арлекину повод аргументировать, что его заставили следовать за чародеем против воли. Караэис был так уверен, что путь приведет его прямоком в зал совета Бьель-Тана, что не подумал о том, что кто-то может так активно ему противодействовать. Он был шокирован, что события, столь точно предсказанные предыдущими гаданиями на рунах, стремительно выходили из-под контроля.

--- Если против нас выступил целый маскарад, то наша миссия потерпит поражение, разве только мы объявим войну, --- категорически заявила Ауоса. --- А этого я делать не собираюсь.

--- Нет никакого свидетельства тому, что произошло именно это, --- возразил Караэис с чем-то напоминающим былую уверенность. --- Мы... мы должны переоценить ситуацию, базирываясь на том, что знаем, а не на том, что предполагаем. Пленник временно сбежал от нас, но я не чувствую, что он успел покинуть этот мир. У него есть помощники, но далеко он не ушел. С теми силами, что у нас есть сейчас, мы сможем заново пленить инкуба. Арлекин знает, что не может вмешаться напрямую, не входя в конфликт, и теперь мы тоже это знаем.

Маска Ауосы загадочно глядела на него, как будто говоря, что она знала об этом факте с самого начала.

«Рейдер» опасно крутанулся, когда его рулевого разнесло кровавыми ошметками по всей корме. Бегущие ургүли, каким-то

образом почуяв внезапную перемему, мгновенно развернулись и начали прыгать на качающийся гравилет, словно уродливые лягушки. Через миг по фальшбортам уже карабкалась троица излозубых чужовиц, протягивая лапы к кабалитам на палубе. Удары боевых клинков и осколочный огонь в упор быстро отшвырнули этих тварей, но за это время их совокупный вес успел накренить «Рейдер», и он еще ниже опустился к земле. На борт запрыгнули новые ургули, и окровавленная палуба вскоре превратилась в сплошную массу дерущихся монстров с крючковатыми когтями и воинов в бронзовых доспехах, сражающихся за собственные жизни.

Бежит без слов потчалась к атакованной машине, ведя за собой Харбира и Ксагора. Огун из ургулей зашипел и бросился на нее, раздвывая ряды обонятельных отверстий. Бежит даже не замедлила шаг, когда ее клинок-джинн с хрустом прошел сквозь куполообразный череп твари. Какой-то воин на борту «Рейдера» в отчаянии бросился к

изогнутоту рычагу управления, чтобы
взяться за него и вернуть контроль над
транспортном. С ним тут же столкнулся
серо-зеленый силуэт расшвырянувшего ур-
гуля, и, сцепившись в борьбе, оба
перевалялись за борт и рухнули наземь с
треском ломающихся костей.

Харбир сделал ловкий скачок,
который посратил бы самих ур-гулей, и
приземлился на один из подобных клинком
аутриггеров «Рейдера». Ксагор неустанно
стрелял из гексовинтовки, не делая
различия между противниками. Кабалиты
и ур-гули отвратительно раздвигались и
попались направо и налево. Харбир
пробежал по аутриггеру и запрыгнул на
узкую палубу рядом с кортой. Хай'кранский
кабалит развернулся, с удивлением
установился на него и тут же встретился с
изогнутым клинком Харбира, который с
хрустом вонзился острием в его горло.
Харбир выдернул нож и отрубил
тянущуюся к нему лану с крючковатыми
когтями, после чего повернулся и с
отчаянной быстротой метнулся к рычагу
управления.

Безиат с такой яростью вонзила
забивающий клинок-джинн в еще одно
терзостное, тощее как плоть тело, что
практически разделила ургүля пополам.
На нее прыгнул еще один, и она рассекла
его на дергающиеся куски прямо в воздухе.
Дух Акзириана был покорен ее рукой, и
меч казался легким, как прут, пока она
рубилась и колола. Она бросила взгляд вверх
и увидела, что Харбир добрался до рычага
и с силой зажал его одной рукой, словно
ведя «Рейдер» сквозь шторм. Наемник
налез на изгибающийся жезл управления,
так что качающийся гравилет почти что
завалился набок. Воины-кабалиты и ур-
гүли, не готовые к внезапному повороту,
покатились с палубы, стесавшись в
визжащие котья. Безиат одобрительно
ухмыльнулась и побежала вперед, чтобы
схватиться за покосившийся поручень и
забросить себя на борт. Харбир снова
вернул машину в стабильное положение.

Едва ноги архонта коснулись палубы,
еще одно излозубое чудовище вскарабкалось
через противоположный поручень. Меч
Безиат сверкнул словно молния, рассекая

разделяющее их пространство, и тварь, плеснуv черным ихором, свалилась назад. Она повернуvлась к Харбiry и закричала:

--- Чего ты ждешь? Давай! Сейчас же!

--- Но... Ксагор!

Безиат бросила взгляд вниз, на развалину, который боролся с yр-гyлем, обхватившим лапами его винтовку. Клыки-иглы щелкали, пытаясь добраться до горла, и чyдовищная сила твари неутомимо преодолевала сопротивление Ксагора. В голове Безиат мелькнул мгновенный расчет: спасти развалину или бросить на произвол сyдьбы? Если бы там был Харбир, она бы сразу приняла решение --- пусть даже этот тощий yбийца и успеет поднять свою стоимость в ее глазах на пункт-дpyгой --- но развалина был по-настоящему полезен. С долгим страдальческим вздохом она спрыгнула с «Рейдера», и клинок-джинн лизнул воздух, обезглавив yр-гyля, который yже прижимал Ксагора к земле. Вокруг кружили дpyгие чyдовища, но при наличии под рукой более легкой добычи --- невезyчих yнавших кабалитов --- они осторожно держались на

расстоянии.

Харбир опустил «Рейдер», когда Безиет дотянулась до развалины и поставила его на ноги, так что она смогла практически зашвырнуть его прямо на борт. По лицу Харбира, маневрирующего транспортом, она поняла, что он что-то просчитывает, поэтому быстро взобралась на палубу сама, прежде чем у него успели появиться какие-нибудь светлые идеи насчет того, чтобы оставить ее саму. Угловатый нос «Рейдера» взмыл в воздух, и они быстро поднялись за пределы досягаемости сражающихся друг с другом ургүлей и воинов.

— Это было... хорошо сработано, — признала Безиет.

— Спасибо, — ухмыльнулся Харбир, воодушевленный своим успехом. Он почувствовал, что ему действительно в какой-то мере начинает нравиться Безиет. Несмотря на шрамы и грубые манеры, она оказалась самым практичным и приземленным архонтом из всех, что только ему встречались. Для Харбира это было очень странное чувство, и долго оно

Не проглянуло.

--- Не подлетай слишком близко к этим башням, --- резко одернула его Безиет. --- Азхоркси сожгут нас просто ради развлечения, если ты дашь им такую возможность.

--- Тогда куда? --- угрюмо поинтересовался Харбир.

--- В тоннели, план не изменился.

--- А что насчет ургүлей?

--- Просто не останавливайся, чтоб подобрать еще пассажиров, --- едко посоветовала Безиет.

Ви испытывал все более опасное разочарование. Нетерпеливость, говорили ему энграммы памяти, часто бывает причиной провала миссии, однако эта мудрость сейчас нисколько не помогла. Психический след был свеж и отчетлив. Несомненно, цель недавно прошла этим путем, и даже не один раз, а несколько. Узкие тоннели в субстрате, которые исследовал Ви, просто-таки кишели следами цели, и было абсолютно ясно, что ее логово должно быть неподалеку.

Однако, как Ви ни старался, он не мог обнаружить местонахождение цели или логова и понимал, что снова и снова кружит по одним и тем же местам. Когда Ви впервые наткнулся на свежий след, он испытал желание вступить в коммуникацию, так как тогда он мог бы поделиться с Чо данными и продемонстрировать, что очевидно превосходит ее в способностях к охоте. Теперь он испытывал такое же желание коммуникации, чтобы проконсультироваться с Чо о своих находках. Они весьма озадачивали его, но Чо находилась вне досягаемости и спросить ее было невозможно. Как теперь говорили его протоколы, ему крайне не хватало улучшенных сенсорных способностей второй машины.

Ви крался на тихих, как шепот, гравитационных двигателях, через переплетенную паутину туннелей по поверхности. Он парил в темноте и безмолвии, анализируя показания сенсоров. Доступная информация не указывала на само существование туннелей, поэтому

ему пришлось тщательно картографировать их на ходу и трудолюбиво сверять эти данные с запутанными и многочисленными следами цели, которые он также здесь чувствовал. Ко всему прочему, схема туннелей казалась случайной и не имела никакого определенного порядка ни в вертикальной, ни в горизонтальной плоскости.

Постепенно Ви пришел к осознанию того, что случайность туннелей обусловлена тем, что недавно они претерпели структурные повреждения. Некоторые полностью обвалились, другие частично засыпало, появились пустоты и трещины, образуя между секциями лабиринта связи, которых раньше не существовало. Психические отпечатки в нескольких местах вели прямо в стены из упавших обломков, однако по мере того, как Ви наращивал свою трехмерную карту, он все сильнее ощущал, что следы продолжают и после завалов. Очевидно, они были старше и возникли еще до этих структурных повреждений. Почуввав волну возбуждения, Ви отметил все эти

прерванные цепочки как старые данные и выбрал их из своих вычислений.

Как и следовало ожидать, у оставшихся психических следов появилось ярко выраженное средоточие, узел активности, который мог указывать лишь на местонахождение логова цели. Ви внезапно развернул свой корпус так, что он прямо указывал на это самое место. Сегментированный хвост изогнулся над панцирем концом вперед, и установленное на нем тепловое копье засияло рубиновой энергией. Огненная линия на кратчайший миг соединила копье со стеной туннеля, а затем твердое вещество преграды начало размягчаться и падать вязкими комьями. Ви настроил мощность своего оружия и начал медленно продвигаться вперед, в образовавшуюся дыру. Достаточно ползать туда-сюда по туннелям, решил он, пробить дорогу напрямую в логово цели поможет достигь максимального фактора неожиданности, и к тому же этот способ обещал ему немалую радость разрушения.

Иллитриан стоял на палубе своей

барки, размышляя о запутанных превратностях такой простой вещи, как отправка сообщения в Котморре. Безопасность коммуникаций всегда была проблемой в вечном городе. Достаточно хитроумный враг по-прежнему мог перехватить, заблокировать или нарушить любой сигнал, несмотря на то, что параноидальные архонты тысячелетиями настойчиво пытались найти способ это предотвратить. Даже предположительно неуязвимая цепь импульсов видимой энергии могла быть как-то изменена, перенаправлена или расшифрована.

И если даже удавалось преодолеть все эти сложности, сам факт приема сообщения любого рода также включал вероятность, что оно было каким-то образом искажено. Невинно выглядящее сообщение могло, к примеру, быть изменено так, что вводило в систему доспеха приказ отрезать голову владельца, что, как широко известно, случилось с несчастным Реси'нари Крайллахом при получении того, что якобы являлось рапортом о победе над Ли'ленгелем.

Писцом. Как можно общаться, когда ты не доверяешь собеседнику и всем остальным? Это была серьезная проблема, с какого угла не посмотри.

Уллитуан отвлекал себя этими размышлениями, терпеливо дожидаясь уведомления от Векта о том, какой ему назначен район — в какой бы форме оно не прибыло. Вокруг него размещалась слегка поредевшая группа воинов. Вспомогательные отряды разбойников и геллионов тесно столпились вокруг выживших «Рейдеров», и все молча держались на своих позициях, словно косяк стремительных хищных рыб. Темный иззубренный склон Центрального пика косогорно уходил под нити вниз, туда, где на далеких шпилях Горы Скорби возвышались титанические кричащие статуи Асгубаэля Векта.

В тенях Центрального пика таились десятки таких же темных стай, как отряд Уллитуана: всюду виднелись эфирные паруса алого, пурпурного, ядовитого зеленого и кислотно-желтого цветов, среди позолоченных гарпий и иззубренных

таранов торчали корабельные носы в виде
змей с глазами из драгоценных камней, под
заточенными лопастями и зубчатыми
килями качались ловчие цепи и трофеи, и
все это воинство безмолвно парило в
непривычном покое. Бесчисленные и
разнообразные символы выгеляли
различные кабалы, призванные Верховным
Властелином. Для всех них открывались
практически неограниченные возможности
обрести преимущество в хаосе, и
начинались они прямо сейчас. В
последующие часы единственного
пропущенного приказа может стать
достаточно, чтобы в один миг привести к
краху какого-нибудь архонта или даже
целый кабал.

Над городом разразился еще один
разрушающий реальность шторм.
Многоцветные молнии, способные
сотрясти целый мир, с ужасающей мощью
хлестали из презрад по шпилям вниз.
Удары были так часты, что временами
казалось, словно целый лес сияющих
столбов разросся по всему городу, с трудом
поддерживая обвисший купол ярящегося

неба. Всюду распространялись пожары: судя по виду, горела целая половина Горы Скорби, и ее зловещие красные отблески боролись с ярким сиянием в небесах.

Периодически группы стремительных машин выскальзывали из общего сонта и исчезали в вихрях, получив свои приказы. Улитчан продолжал размышлять о сложностях, неминуче возникавших в управлении столь разнообразной оргой. Ни один рейс в реальное пространство не мог быть заранее спланирован, распределен по ролям и устроен так, чтобы можно было уверенно считать, что каждая его часть будет работать как деталь единого целого. Вект, казалось, теглил, выжидая, чтобы увидеть, где происходят наихудшие сотрясения, и постепенно скармливал буре один кабал за другим, но, возможно, просто было физически сложно доставить информацию о том, что следует делать.

Проблема эта зиждилась непосредственно на врожденном коварстве самих комторритов. В реальном пространстве все фокусировалось на том, чтобы сотрудничать настолько гладко,

насколько это было возможно, а все городские интриги на время откладывались в интересах эффективности. В самой же Колморре даже что-то настолько простое, как получение соперником письма, предоставляло неограниченные возможности для причинения вреда. Поэтому сигналы постоянно расшифровывались, перешифровывались, помещались на карантин и подвергались воздействию аналогов раскаленных щипцов и изл, прежде чем их можно было без опаски предоставить вниманию живого адресата. И даже при этом никто не мог гарантировать, что подлый недруг не придумал какой-нибудь новый и увлекательный способ перехитрить твою защиту. Все это требовало чрезвычайно много времени и добавляло неопределенность в ситуацию, которая и так была опасно нестабильна.

Хлопанье темных крыльев над головой привлекло внимание Улитуана. Одинокий бичеватель, которого он дожидался наполовину с нетерпением,

наполовину со страхом, опустился на
палубу барки. Искаженный посланник гордо
нес на себе знак кабала Черного Сердца,
демонстрируя, что он принадлежит
Векту (хотя это само по себе мало что
значило, использование чужих флагов, как
уловка, было старше самой Колморры).
Бичеватель демонстративно сложил свои
великолепные оперенные крылья и встал на
колени перед Уллитуаном, протягивая ему
узкую хрустальную пластинку.

Личная доставка сообщений помогала
избегать многих проблем, при том
создавая некоторые новые, но, по крайней
мере, так можно было вернее определить
их происхождение, а также, если того
требовала ситуация, буквально убить
гонца, принесшего дурную весть.
Уллитуан, не глядя, забрал хрусталь из
когтистых пальцев и взмахнул другой
рукой, прогоняя пернатого воина. Хлопанье
раскрывшихся крыльев не слишком хорошо
замаскировало циничный каркающий стех
улетающего посланника.

Уллитуан изучил плоскую пластинку
и повертел ее в руках: двухфазная

решетка, генетически закодированная на
одного-единственного получателя и
отправителя, неразрушимая, не
подделываемая и неизменяемая --- по
крайней мере, в теории. На ней был знак
Векта, и, несомненно, она содержала его
приказы, запечатанные таким образом,
что их буквально могли увидеть только
глаза Улитуана. Он помедлил, прежде
чем распечатать их --- слишком уж это
походило на надевание ошейника.
Наверняка многие другие архонты
чувствовали себя так же, но на самом деле
ошейник уже давно охватил им горло, и
то, что они чувствовали сейчас, было
лишь дерганьем поводка, который держал
Вект, чтобы заставить их повиноваться.

Он провел одним пальцем по верхней
части пластинки, и внутри кристалла
появился ряд четких угловатых
изогрaмм. Улитуан прочел сообщение,
потом перечитал его и раскрошил
послание, стиснув кулак. Оно распалось в
мелкую блестящую пыль и мгновенно
высыпалось сквозь пальцы мерцающим
каскадом. Архонт секунду поразмыслил

над содержанием пластинки, думая, что за ним следят незримые глаза, ожидающие его реакции. Он медлил лишь один удар сердца, ведь разве у него был иной выбор, кроме как подчиниться? Но крайней мере, в настоящий момент... Но его жесту стая гравилетов Белого Пламени заскользила прочь от склона Центрального пика и установила курс на вихрь.

В другом конце ожидающего воинства, на маленькой, открытой палубе небесной колесницы «Яг» стояла Аэз'ашья и читала собственное послание, заточенное в хрусталь. При этом на ее губах играла ироническая уśmieшка. По ее зову Клинки Желания начали поднимать свои небесные машины, и вокруг с каждым мгновением усиливался высокий визг разгонных двигателей. Она взмахнула рукой вперед, и «Яг» ринулся прочь, следуя курсом Уллитана, а следом за ней устремился ревущий рой разбойников и геллионов.

Глава 20

Попытки к бегству

--- Они идут, --- вдруг сказал Пестрый на ходу. --- Я надеялся, что им понадобится больше времени, чтобы решить, что делать, но, очевидно, нам суждено остаться разочарованными в этом отношении.

Морр, без усталости бегущий рядом с ним, бросил взгляд на арлекина, не спрашивая, как тот понял, какое действие предприняли воины искусственного мира. Они уже долго петляли между мерцающими руинами, и то место, откуда они сбежали, уже скрылось в темноте позади.

--- А могут ли твои союзники снова нам помочь?

Пестрый с сожалением помотал головой.

--- Они и так уже сделали больше, чем я мог просить, и, кроме того, я думаю, что на этот раз их трюки уже не обманут

Караэуса.

--- Далеко ли ближайшие врата?

--- Слишком далеко, если только мы не придумаем способ сбить их со следа, ---
Нестрый скорчил гримасу. --- Эти зловещие Мстители бегают быстрее, чем гончие на охоте.

--- В одиночку ты значительно быстрее меня. Ты мог бы легко добраться до портала, обогнав их, и открыть его, --- заметил Морр.

--- Это не по... о, я понимаю, что ты умеешь в бегу, --- ухмыльнулся Нестрый. --- До скорой встречи.

Двое беглецов разделились и разбежались в стороны. Арлекин быстро набрал впечатляющую скорость. Он прыгал по вершинам обломанных колонн, перетахивал через зияющие кратеры и танцевал сквозь руины со стремительной грацией, которую могли бы воспроизвести лишь немногие живые существа. За несколько секунд он совершенно исчез в ветреной тьме. Морр продолжал упрямо бежать, сохраняя максимально возможный темп, и отклонился в сторону самых

компактных рун из тех, которые мог разглядеть, держа клэйв низко и сбоку, чтобы тот не мешал ему двигаться.

Караэис легко несся через лес изломанного камня и искореженного металла. Он был так же ловок и проворен, как любой из его сородичей, и прошел боевые тренировки во многих различных средах, и все же ему приходилось напрягаться, чтобы не потерять Аюсу и аспектных воинов из виду. Когда они сошлись на том, что инкуба нужно догнать, чародей предполагал, что Аюсе понадобится его руническое предвидение, чтобы следовать за черной аурой комторрита. Вместо этого Зловещие Мстители сорвались с места, не потратив и секунды, и практически исчезли еще до того, как он начал двигаться. Они намеревались пленить беглеца сами, Караэис был уверен в этом — несомненно, это дало бы им еще один повод унижить его перед советом, когда Аюса будет тому отчитываться.

Ему понадобилось некоторое время,

чтобы понять, каким образом аспектные
воины выслеживают инкуба, и наконец он
осознал, что они его буквально, физически
выслеживают. Как только Караэис
разобрался, насколько обиденным является
источник их информации, он тоже начал
замечать следы — безошибочно узнаваемые
крупные отпечатки бронированных сапог,
быстро заполняющиеся пылью от ветра.
Беглец, очевидно, даже не пытался их
запутать, его следы разделяло большое
расстояние, особенно сильно были вдавлены
носки, которыми он отталкивался от
земли. Преимущество инкуба во времени
измерялось лишь минутами, и, судя по
скорости Зловещих Истителей, оно
должно было быстро сокращаться. След
вел точно к ближайшим вратам, узлу
искажения в реальности, которое Караэис
ощущал на краю сознания. Поблизости
были и другие врата, но эти на данный
момент были наиболее сильно
сфокусированы и представляли собой
очевидный путь к бегству.

Чародей мысленно проклял
вероломство колторритов, а равно

арлекинов и аспектных воинов. Это он, Караэис, первым увидел признаки кризиса, и он, Караэис, был тем, кто точно рассчитал, как использовать этот кризис с наибольшей выгодой для Бьель-Тана. Однако, когда он привел свой тщательно обдуманный план в действие, все механизмы, которые он так аккуратно разработал, при первом же удобном случае выскользнули из-под контроля, проявив собственные намерения и тягу к самоуправлению, которые он не предугадал. Ни один произведенный им расчет не указывал на то, что на план повлияет закоснелая гордость экзарха Зловещих Мстителей, или что странствующие последователи Цегораха тоже сыграют свою роль.

Он попытался отделаться от мыслей об инциденте со столкновением рун чародея и арлекина во время предыдущего гадания. Такие неблагоприятные знамения зачастую случались из-за влияния враждебных сил — именно затем и существовали руны, чтобы разряжать подобные вещи — и обычно их можно было

игнорировать без каких-либо последствий. Теперь провидец начинал подумывать, не было ли это событие буквальной предзнаменованьем того, что они находятся на пути к взаимному уничтожению.

Караэис начал чувствовать, что Зловещие Мстители уходят от прежнего курса, от прямой линии, ведущей к вратам. Он посмотрел под ноги и увидел, что след, по которому они идут, тоже выгибается в сторону. Вероятно, инкуб решил оставить попытку сбежать через этот портал. Сквозь тчащиеся на ветру обрывки телных испарений стало видно, что земля начинает круто уходить вверх. Террасы из ломаного трамора и нефрита хмуро высились впереди, словно полуразрушенные утесы. Если они и дальше будут двигаться тем же курсом, то скоро им придется карабкаться, а не бежать.

Караэис самозабыво подумал, что на таком грунте следы инкуба станут незаметны, и Аюсе наконец-то понадобится помощь провидца. Потом он внезапно ощутил, как врата, теперь

оставшиеся в стороне, начинают открываться, и паника пробрала его до глубины души.

— Ауоса! Это обман! — в отчаянии мысленно закричал он, обращаясь к далекому сапфировому силуэту экзарха. — Врата открываются! Это должен быть ложный след!

Ауоса резко повернула к нему голову, и Зловещие Мстители застыли, столь же неподвижные, как статуи.

— Ты можешь остановить их? — мгновенно донеслась до него ее рубленая мыслеречь.

Караэис уже направил свою волю в ту сторону, пытаясь предотвратить соединение реальности и Паутины в психически заряженной арке портала. Это походило на борьбу с огромной дверью, на попытки удержать ее закрытой, в то время как невообразимая сила давит на нее с противоположной стороны.

— Да! Н-но ненадолго, — от напряжения Караэис ловил воздух ртом. — К вратам! Быстрее!

Зловещие Мстители встретились

прочь, легко скользя в своих доспехах между развалинами. Караэис стиснул зубы и вложил всю свою концентрацию в натиск на врата. Сопротивление было неумолимо. Если бы только он был рядом, он мог бы закрыть врата одним словом, но на таком расстоянии он мог использовать лишь собственную волю, чтобы удержать на месте скручивающиеся нити эфирной энергии. От усилий секунды казались часами, на скрытом маской лице чародея выступили капли пота, и он скрежетал зубами, пока ему не начало казаться, что они вот-вот сломаются.

Несмотря на все его старания, портал по-прежнему мало-помалу открывался, неостановимый, механически непреодолимый. Еще несколько мгновений, и Караэис уже будет не в силах удержать врата от окончательного воплощения в реальность. Он молил, чтоб Ауоса и ее воины уже были рядом, чтобы они успели перехватить преступника до того, как он исчезнет в безбрежной Паутине, где не останется никаких следов...

— Здесь никого нет, — внезапно

объявила мыслеречь Аиосы.

Караэис ненадолго увидел огромную арку, многоцветье энергии, переливающейся между ее опорами, врата, все еще нестабильные и непригодные для входа. Но пыльное пространство вокруг портала было пустым, возле него не стоял загнанный в угол воин-инкуб, не было и его самодовольно ухмыляющегося гружка-арлекина, который бы снова попытался вмешаться. Концентрация Караэиса обрушилась, и как только препятствие к фортированию врат исчезло, они мгновенно ожили.

В тот же миг он почувал поблизости другой портал, временную манифестацию, настолько слабую, что он даже не замечал ее, пока боролся с первыми вратами. Почти сразу же, как только он ощутил присутствие нового портала, тот снова исчез, а вместе с ним пропали и все психические признаки присутствия инкуба на Каудозлите.

Слышать мысленный вопль ярости, который издал Караэис, было далеко не приятно.

Ребристые арки путеводного тоннеля проносились мимо всего в нескольких метрах от «Рейдера». Харбир вывел разгонные двигатели на максимум и повернул треугольный парус похищенной машины таким образом, чтобы лучше всего использовать мощные, изменчивые эфирные ветра, несущиеся сверху вниз. Теперь он стоял, держась за рычаг управления, одновременно пытаясь удержать под контролем стремительный транспорт и не показывать, насколько близок он был к тому, чтобы обделаться от страха.

К счастью, тоннель пока что был достаточно широк и вполне мог вместить «Рейдер», мчащийся тараном вперед в подземелья под городом. Страх вызывали рангоуты, мосты и прочие препятствия, которые случайным образом торчали из стен тоннеля. Да, всем нужны места, где можно пришвартоваться или, возможно, пересечь вертикальную трубу, но Харбир с трудом верилось, что кому-то могло понадобиться столь чертовски огромное

количество таких мест.

Он использовал все свое умение, чтобы на головокружительной скорости огибать эти случайные препятствия, проводя «Рейдер» над ними, под ними и вокруг них. Харбир не остеливался снизить скорость, потому что слишком хорошо различал мельком видимые вокруг силуэты мощных, как плети, ургүлей, цепляющихся к стенам. Безиет стояла перед самой машиной, широко расставив ноги и держа в руках осколочную винтовку, которую нашла на одной из оружейных стоек «Рейдера». Она наугад стреляла в ползающих по тоннелю ургүлей, но Харбир был слишком занят управлением несущейся машиной, чтобы видеть, удавалось ли ей хоть в кого-то попасть. Ксагор присел на корме машины у ног Харбира и, словно замороженный, наблюдал, как мимо проносятся металлические стены.

--- Харбир! Впереди! --- крикнула Безиет, в голосе которой звенела тревога.

Вертикальная труба впереди разветвлялась: один рукав резко, под прямым углом уходил вбок, превращаясь в

горизонтальный туннель, а другой продолжал тянуться вниз, в чернильную тьму. Харбир обругал себя за то, что слишком много внимания уделял препятствиям, не следя за направлением самого туннеля. Он почти прижился к одной его стене, в то время как горизонтальное ответвление быстро приближалось с противоположной стороны. Что-то в этой черной яме, куда они направлялись, наполняло Харбира иррациональным страхом — в этой тьме было нечто неестественное и нарастающее, и все его инстинкты твердили, что ее следует избегать.

Харбир снова выругался и начал отчаянно выворачивать машину в сторону горизонтального туннеля, направляя нос «Рейдера» к стремительно приближающейся отверстию. Даже гравитационные компенсаторы транспорта не могли сгладить все создаваемые этим маневром сокрушительные перегрузки, от которых зрение наемника помутилось, и все же измученная машина нехотя, но поддавалась.

Боковой туннель неся к ним слишком быстро, корпус «Рейдера» трещал и стонал, с трудом пытаясь выровняться. Харбир заглушил двигатели и развернул эфирный парус, но инерция разогнанного гравилета грозила разорвать его на части, если бы тот слишком быстро замедлился. Он не успевал.

Для искаженного ужасом восприятия Харбира события разворачивались с медлительностью ползущего ледника. Ответвление туннеля неумолимо мчалось навстречу, черная пропасть теперь была прямо под килем «Рейдера», и впереди виднелся горизонтальный проход. Они вот-вот должны были пересечь край отверстия, но не достаточно медленно, чтобы сразу после этого повернуть в горизонтальный туннель. Харбир сбросил скорость так сильно, насколько отважился, а потом сбросил еще больше. Что-то поддалось, «Рейдер» яростно взбрыкнул, потом попытался вырваться из его рук и уйти в штопор. Пол туннеля подбросило навстречу, и это было все, что Харбир мог сделать, чтобы не

перевернуть машину при столкновении и
размазать всех пассажиров, словно
насекомых, по скользящим по полу
корпусом.

--- Держитесь! --- бесполезно выкрикнул
он, а потом все звуки исчезли в жуткой
скрежещущей какофонии агонизирующего
металла.

Что на краткое время испытала
ощущение, сравнимое с паникой, когда
выслеживаемые ею жизненные формы вдруг
стесались с большим количеством иных
существ. Психический след по-прежнему
наличествовал --- следует признать,
размытый, но, несомненно, реальный ---
однако теперь его потенциальный
источник, ее цель, был еще менее заметен
среди того, что можно было считать
толпой ложных подозреваемых.
Первоначальное инстинктивное желание
классифицировать каждый из новых
контактов индивидуально и тщательно
изучить их искры жизни, чтобы
разграничить их с первоначальными
четырьмя контактами, привело к

логическому затору, который практически парализовал Чо на долю секунды. Потом из глубин ее энграмм памяти поднялось полностью совпадающее универсальное обозначение большей части новых контактов — үр-гүли. Цель не относилась к категории үр-гүлей, поэтому все жизненные формы, подпадающие под такое обозначение, следовало игнорировать.

Чо внимательно наблюдала с плоской крыши какого-то сооружения за гравилетом, который нес еще восемь несоответствующих контактов в направлении первых четырех. Кристаллическая трубка выкачивателя гүш Чо нырнула в свой паз и выходила обратно, словно жало насекомого, пока та рассчитывала, насколько велика вероятность, что жертва откроется при встрече. К сожалению, восемь новых контактов просто охотились на жизненные формы, обозначенные как үр-гүли, а потом на них напали из засады первые четыре контакта, которые Чо обозначила как А, Б, В и Г.

Ее практически одолевал соблазн

вступить в схватку. Перед ее сенсорными антеннами проливались и попусту растрачивались жизненные энергии, в то время как она могла бы втянуть их в себя и напиться ими, набравшись куда большей силы. Однако осторожность была слишком глубоко прописана в ее протоколах, чтобы она просто устретилась в гущу боя и подвергла бы риску всю операцию, предавшись оргии насилия. Она продолжала ждать и следить за схваткой, бьющей на борту гравилета (подтвержденное обозначение: «Рейдер»). Контакты А-Г вскоре оказались на «Рейдере» огни, в то время как контакты Д-К угасли или продолжали бороться на земле внизу.

Цель не открылась. У жизненных форм А-Г не произошло никаких изменений, только повышенного уровня сердцебиения. Все это столкновение было в высшей степени озадачивающим, а его исход — неудовлетворителен. Только когда «Рейдер» резко сменил курс и потчался к далекому путеводным тоннелям, Чо осознала, что совершила ошибку, держась в

стороне. Психический след теперь тянулся шлейфом за удаляющимся гравилетом, будто вытекающее топливо, и его источник ускорился так быстро, что она не могла его догнать. Чо влила в свои двигатели столько энергии, что они разогнались до степени, угрожающей ее собственной целостности, и вырвалась из укрытия, преследуя «Рейдер».

Жизненные формы, обозначенные как ургүли, попытались помешать движению Чо, прыгая на ее осиный корпус, когда она молчалась над их головами. Столкновения с их телами не могли навредить ее бронированному изогнутому панцирю, но они терзали когтями и кусали торчащие лопасти и щупы с силой, достаточной, чтобы признать за ними возможность нанести ей вред. К тому же следовало учесть, что эти атаки заметно замедляют ее, мешая преследовать цель. Чо быстро переклассифицировала ургүлей как враждебных существ и грозила от возбуждения, извлекая из корпуса свой похожий на жало выкачиватель дүш.

Перед ее корпусом внезапно заиграли

губительные энергии, образовав петлю
негативного потока в форме слезы,
которая высасывала саму жизнь из ур-
гүлей, попавших в ее хватку. Жилистые
троглодиты просто увядали в этом
чужовищном сиянии. Стоило ему коснуться
тел, как они съеживались и обращались в
похожие на куклы трупники с кожей, туго
натянутой на истлевшие кости, как будто
за считанные мгновения миновали сотни
лет. Выжившие не выдержали и
разбежались, квая от ужаса перед
ташной смерти, оказавшейся среди них.
Некоторое время она гналась за ними,
чтобы напиться. Для Чо это был
несытный пир: все равно, что поглощать
телких животных, совсем не похоже на
полноценную, насыщенную энергию живого
эльдара. Однако количество само по себе
было качеством, и накопители Чо с
готовностью впитывали краденую
жизненную силу, отчего вся система
резонаторов ожила, переливаясь
курсирующей по ней энергией.

Воодушевленная, она устремилась
прочь, повернув к открытым устьям

путеводных туннелей, где стремительно
исчез из виду «Рейгер». Машина с
безрассудной скоростью рухнула вниз, в
вертикальную шахту, по-прежнему
превышая максимальную скорость Чо.
Нехотя Чо уменьшила мощность своих
двигателей до безопасных параметров.
Всегда оставался психический след, по
которому она могла двигаться. Даже если
эти жизненные формы перемещались
достаточно быстро, чтобы сбежать из
поля восприятия ее сенсоров, след
неумолимо приведет ее к цели.

Представьте себе фонарь. Это
старомодный фонарь, в котором горит
огонь, дающий свет, у него есть
стеклянные стенки и проволочный каркас,
удерживающий их на месте. Теперь
представьте, что этот огонь ---
утирающее солнце, раздутое и тусклое,
пойманное между стенками не из стекла, но
из экстрамерной силы, которая вытянула
его из материальной вселенной в теневую
реальность Котморры. Каркас фонаря
состоит из стальных сетей, которые

вечно ткнут бесчисленные наукообразные механизмы. Эти сети удерживаются на месте галекими, похожими на роза башнями, которые регулируют немислимые костические потоки, чтобы удерживать всю систему под контролем. Такова Улмея, черное солнце, и именно так темные эльгары освещают свой вечный город.

Вокруг Колморры вращается несколько таких пленных солнц, артефактов былых эпох, когда могущество эльгаров было настолько полным, что столь невероятные деяния были для них самой обычной затеей. В реальном пространстве огна Улмея могла бы одним глотком пожрать весь простор вечного города, но все они были так же ограничены, как пленник, сидящий в камере, откуда можно выглянуть лишь в одну-единственную щель. Зловещее сияние черных солнц освещает ледяные шпили Верхней Колморры и одаряет слабым животным теплом Нижнюю Колморру, а их пленители черпают бесконечную энергию из их предстертных тук. И так

даже сами звезды стали рабами вечногорода, связанными и эксплуатируемыми, как любой другой ресурс.

Во время Разобщения Улмей сформировали огромные открытые порталы, имевшие потенциальную возможность без всякого предупреждения превратиться в гигантские термоядерные бомбы, что, несомненно, составляло очень скверную комбинацию. Обычно слабые солнечные вспышки пленных звезд превратились в потоки сияющей плазмы, которые изгибались в небесах и опали на город, оставляя после себя лишь опустошение. Улитчан уже видел другую опасность порталов своими собственными глазами (технически, теперь это были его глаза, раз уж он сумел ими овладеть). Бесчисленные порождения мира за пеленой пробивались в город сквозь нестабильные врата Улмей, и от их отбратительных стай потемнело само небо вокруг солнца. Восстановить контроль над черными звездами было жизненно важным делом для дальнейшего существования города, важным и невероятно опасным. То, что

Шлитуана избрали для такой чести, вызвало у него серьезные подозрения, что Верховный Властелин желает ему смерти.

Ему поручили Шлею Гора'тиниа'доаг, более широко известную как Горат, которая сейчас находилась в семьдесят седьмом градиенте над городом. Полученные им приказы были краткими и не содержали в себе указаний ни на то, будут ли направлены подкрепления, ни на действия, которые следует предпринять, чтобы восстановить «контроль» над непокорной звездой. Шлитуан решил сфокусировать усилия на башнях, окружающих Горат, посчитав, что ничего не добьется, приблизившись к экстраатерным стенам ее темницы. Его войско несло сквозь мерцающие и пылающие небеса тысячи сверхъестественных оттенков, и всюду вокруг них сверкали гигантские молнии. Последователи Белого Пламени хорошо уяснили предыдущий урок: они рассеялись по сторонам, чтобы увеличить свои шансы, и тчались на наивысшей скорости к

пункту назначения.

--- За нами кто-то следует, мой архонт, --- сообщил рулевой Уллитуана вскоре после того, как Центральный пик исчез вдаль за кормой. Уллитуан повернулся на троне и взгляделся в обезумевшие небеса позади. Через тиз он увидел их --- множество черных точек, уверенно рассекающих воздух в кильватере Белого Пламени. Уллитуан понял, что это была не стая крылатых демонов, это больше походило на грудой кабал, который двигался по его следам --- но с какой целью? Архонт мог только надеяться, что это и были подкрепления, потому что разворачиваться и вступать с ними в контакт, находясь в пасти бури, было просто невозможно.

Пусть и скованный, Горат все же занимал огромное пространство. Когда войско Белого Пламени приблизилось к плененной звезде, та превратилась в гигантскую черную сферу на фоне изменчивых многоцветных облаков. Щупальца эбеново-черного пламени изгибались вокруг Ултеи, словно

множество змей. Между ними, клубясь
среди языков огня, метались тучи черных
пятен, крылатых силуэтов, неустанно
пляшущих в бешущем инфернальном
вихре.

--- Позади приближается еще одна
группа, мой архонт, --- предупредил
рулевой. --- Она быстра и уже обгоняет
первую.

Цлитуан оглянулся, удивленный
таким поворотом событий. Он позволил
себе лишь самую малую каплю надежды.
Новые транспорты были крупнее, но
немногочисленны, их отдаленные
зазубренные силуэты напояли клинки и
споро опережали рой меньших машин,
которые следовали за Белым Пламенем.
Они так стремительно сближались с
баркой Цлитуана, что тому показалось,
будто он не движется, а стоит на месте.

Кинжалообразные силуэты быстро
разрастались, пока не стало видно острые,
как сабли, крылья, увешанные ракетами,
пульсирующие двигатели и хрустальные
купола кабин. Это было звено реактивных
истребителей «Острокрыл», и оно

нагненно прочалось тито, оставляя позади следы из синего огня и полосы турбулентности, от которой машины Улитуана закачались в воздухе.

Время, подумал про себя Улитуан. Как бы ни сложно было это рассчитать, все же Вект тщательно подогнал время появления «Острокрылов» под самое прибытие группы Улитуана. Либо так, либо это было просто счастливое совпадение, что истребители оказались рядом в нужный момент, но это было слишком маловероятно, чтобы принимать в расчет.

«Острокрылы» быстро уменьшались вдаль, сближаясь с черным солнцем, и вскоре их можно было различить только по огонькам двигателей. Звено внезапно распалось, тонкие, как иглы, инверсионные следы показывали, как истребители разошлись в стороны подобно лучам звезды и ринулись в атаку. Каждая огненная точка как будто порождала множество крошечных отпрысков, когда они выпускали ракеты. Яркие, краткие вспышки света мелькали в ордах хлопающих крыльями

тварей и угасали, неся смерть.

Горат стал поистине огромен, его распухшее тело заняло половину неба. Вокруг Улмеи виднелись поддерживающие структуры — едва заметно, размыто поблескивали стальные сети и белые как кость шипы, которые с такого расстояния казались лишь чуть больше, чем фаланга пальца Уллитюана. На самом деле эти шипы были многокилометровыми башнями, которые управляли костическими силами, сдерживающими черное солнце. Вокруг Гората было более сотни подобных сооружений — слишком много, Уллитюан не смел и мечтать о том, чтобы завладеть ими всеми. Нет, единственным логичным вариантом было высадиться на основную башню и посмотреть, можно ли использовать ее, чтобы вернуть под контроль все остальные.

Без какого-либо предупреждения сверху пролилась река черного пламени. Непредсказуемая солнечная вспышка с треском и ревом перешла в бьющий поток, пронесшийся всего в нескольких

сотнях метров от отряда Белого
Плмени. Жар нахлынул на палубы
обжигавшими волнами, от которых кожа
покрывалась волдырями, а все горючее
спонтанно воспламенялось. Войско
Улитуана шарахнулось в стороны от
титанической огненной струи, и несколько
секунд, на которые у всех затерло сердце,
та нерешительно извивалась и выгибалась,
прежде чем схлынуть мимо них, проложив
свой разрушительный путь куда-то вдаль.

--- Сколько еще до ближайшей башни? ---
прокричал Улитуан рулевому.

--- Две минуты или меньше! --- завопил
тот, перекрикивая вой встречного ветра.

--- Пусть будет меньше, --- рыкнул
архонт.

Обоюдоострый клинок --- силует
«Острокрыла» --- мелькнул мимо,
преследуемый глиняным изгибающимся
облаком крылатых тел. На глазах
Улитуана второй истребитель
спикировал на орду и пробил в ней рваные
дыры очередями огня. Несколько
отбившихся от стаи демонов метнулись к
Белому Плмени, и их встретили

опустошительным залпом осколков и
лучей темного света. Ветер ревел и
трещал, словно живое пламя, и Горат
заполнял собой все больше и больше неба.

--- Одна минута! --- отчаянно
воскликнул рулевой.

Впереди вырисовывалась башня. Ее
венеч был направлен в сторону Уллитюана,
а основание --- к черному солнцу. Сеть
вокруг нее мерцала, словно тонкие мази
серебряной краски на фоне бурлящей
темной массы Гората. Уллитюан решился
бросить взгляд назад, чтобы проверить, на
месте ли те, кто следовали за ним, и
убедился, что так оно и было, хотя их
стая определенно поредела. Из диска
размером с лагерь башня переросла в
громадную и сложную структуру, больше
напоминающую целое скопление покрытых
шипам башен, соединенных изящными
арками и парящими контрфорсами, чем
одно отдельное сооружение.

Машины Уллитюана нырнули вниз, к
широкой террасе, прильнувшей к
напоминающим утесы бокам башни, и в
последнюю секунду повернулись так, что

терраса оказалась у них под киями. На краткий миг Уллитуан испытал головокружение, когда барка сменила курс на девяносто градусов, и стена, которая мчалась ему навстречу, стала опорой под его брюхом. Потом архонт соскочил с палубы, его окружили телохранители-инкубы, и он стал обозревать хаос, творящийся вокруг. Повсюду вокруг с «Рейдеров» прыгивали воины в черных доспехах, а геллионы и разбойники кружили над их головами, предоставляя прикрытие.

Вдруг затрещал осколочный огонь, и Уллитуан резко переключил внимание на его источник, увидев далекие белые фигуры, сплошным потоком изливающиеся из дверей башни на террасу. Раздался новый звук, спешавшийся со знакомым треском и шипением эльдарского вооружения — более глубокий, низкий рев огнестрельного оружия, который Уллитуан не слышал уже очень, очень долгое время. Это был звук болтерного огня.

Глава 21

Плохие посадки

--- Что это за место? --- проскрежетал Морр со смесью удивления и презрения в голосе.

--- У тебя свои воспоминания, у меня --- свои, --- как бы оправдываясь, сказал Пестрый. --- Мне просто нужно было какое-то безопасное место, где можно ненадолго передохнуть и собраться с мыслями. Это было лучшее из того, что сразу пришло в голову.

Они стояли на узкой террасе, выходящей на лазоревую лагуну, по обе стороны возвышались тонкие керамические башни с оранжевой глазурью. На балюстраде на краю террасы развевались цветастые вымпелы, знамена, закрепленные на стенах башен, трепетали на пахнущем солью ветру, который дул с моря. Высоко над головой сияло желтое солнце, наполняя воздух теплом и рассыпая по глубоким синим водам искристые

алмазы света. На пляже внизу Морр видел ярко одетых прохожих, которые непринужденно прогуливались по песку, болтали друг с другом, смеялись и, очевидно, совершенно не замечали мрачного инкуба, пристально глядящего на них сверху.

--- Я надеюсь, ты не хочешь покинуть это место и вернуться на Каугоэлит, --- многозначительно добавил Пестрый.

--- Нет. Я с радостью оставил и этот мир, и наших преследователей позади.

--- Хм, я тоже так думаю. Знаешь ли, ты бы мог как-нибудь попытаться проявить ко мне самую чточку благодарности, ведь это я вытаскиваю тебя из всех этих частых передраз.

Морр оторвал взгляд от прохожих внизу и наградил Пестрого обжигающим взглядом. Пестрый почтительно поднял руки:

--- Заметь, это просто предложение.

Морр повернулся спиной к залитой солнцем лагуне.

--- Ты так и не объяснил, зачем ты мне помогаешь, --- прогремел инкуб. --- Ты

говоришь, чтобы спасти город, но ты не житель Колморры. Твои сородичи забредают в вечный город, только чтобы разыграть свои поучительные спектакли или мифологические пьесы, а потом уходят, и вам нет дела ни до самой Колморры, ни до ее выживания. Так почему же ты с такой готовностью предлагаешь мне помощь на каждом шагу? В чем твоя выгода от всего этого?

Нестрый беспомощно смотрел снизу вверх на лицо Морра. В теплом солнечном свете инкуб выглядел невероятно постаревшим: его щеки запали, как у трупа, морщины у рта и на лбу стали глубже и четче, кожа безжизненно высохла, а в темных колодцах глаз светились тревожные огоньки голода и безумия. Как будто за последние несколько часов, проведенных в Паутине, Морр прожил не меньше пятидесяти лет. Инкуб понял выражение на лице Нестрого и безрадостно улыбнулся.

— Голод преследует меня. Та, что Жаждет, взимает свою дань. Вскоре я должен буду убить, чтобы освежить себя.

иначе стану одним из Иссушенных, стелющихся пологих тварей, что существуют лишь благодаря объедкам, которыми Она позволяет унасть со своего стола, --- Морр внимательно пристотрелся к мирно гуляющим жителям и скривился. --- Ты сказал, что это место из твоих воспоминаний, значит, они --- привидения. Здесь нет ничего реального.

Нестрый вздохнул.

--- Оно было реальным, и его обитатели были реальны, и поэтому оно по-прежнему реально для тех, кто его помнит --- в этом случае они, по большей части, помнят друг друга. Другими словами, эти прохожие --- настоящие, а мы для них --- призрак. Ты не можешь навредить им, и даже если бы мог, я бы этого не позволил.

--- Храбрые слова. Не думай, что все эти испытания меня ослабили, маленький клоун, --- фыркнул Морр. --- Даже более того, после них мое внутреннее плато полыхает еще жарче.

--- Что ж... это хорошо. На

Лилеатануре тебе понадобятся все силы, которые ты можешь собрать, хотя с убийствами там тоже будет туго. Извини.

--- Посмотрим. Ты так и не ответил на мой вопрос. Почему тебе есть дело до того, что случится на Лилеатануре или в Котморре, если на то пошло? В чем твоя выгода?

Нестрый призадумался, как разъяснить концепцию альтруизма тому, кто на протяжении всей своей жизни только и делал, что дрался и хватался за любое возможное преимущество. Верность Морра распространялась только на самого себя. Он бросил свой клан на Ушанте ради храма Архры. Долг связал его с Крайллахом, а соответственно, и всей Котморрой, но он пошел против Крайллаха, когда тот пал жертвой порчи. Всем, что имело значение для Морра, был жестокий кодекс Архры: убей или будь убит, без оглядки на мораль, без угрызений совести, вплоть до того, что даже ученик должен был убить учителя, увидев в том слабость.

Молчание между Морром и Пестрым
тучительно растягивалось, пока не стало
ясно, что инкүб решил не делать ни шага
дальше, не получив ответ, который
соответствовал бы его особенному
пониманию этики.

--- Разве для того, чтоб действовать
вместе, не достаточно того, что мы оба
хотим спасти Колморру? --- спросил
Арлекин.

--- Я понимаю, что должен спасти
Колморру, потому что мои действия на
Лилеатануре привели к Разобщению, ---
ответил Морр. --- Я исправлю их
последствия, потому что, если Колморру
поглотит энтропия, инкүбы будут
уничтожены, а учение Архры --- потеряно.
У тебя нет такой мотивации, и еще
меньше причин помогать мне. Так что
объясни, зачем тебе нужно все это делать,
иначе мы нигуда не пойдем.

--- Потому что... --- беспомощно начал
Пестрый, и тут его озарило вдохновение. ---
Потому что эльдарская раса --- больше,
чем просто сумма ее частей. После
Нагения из развалин того, что было

прежде, возникло три совершенно разных общества: Колморра, искусственные миры и девственные миры. Каждое из них сохранило некоторую часть утраченного --- да, даже Колморра, несмотря на то, что многие хотели бы это отрицать. Каждая ветвь по-своему процветала на протяжении столетий или, по крайней мере, не исчезала полностью, и это само по себе кое о чем говорит: это стабильные сообщества. Каждое из них научилось приспосабливаться к ужасной новой вселенной, не оставившей для них принадлежащего по праву места.

--- Так значит, ты веришь, что все ветви надо сохранить, --- проворчал Морр. --- Как это благородно с твоей стороны.

--- О, это куда больше, чем простое сохранение, мой дорогой циничный друг. Во всех наших трех сообществах есть одна фатальная черта: все они смотрят лишь внутрь себя и считают, что только они идут единственным верным из всех возможных путей. Если они и строят планы на будущее, то имеют в виду только свой собственный народ, а в

большинстве случаев даже до этого не доходят. Выживание стало всеобъемлющим кредо всей эльдарской расы, и на протяжении последних ста веков мы постоянно ощущаем себя посаженными и изолированными. Это ведет к стагнации, к явлению, прямо противоположному излишествам, которые породили Ту, что Жаждет, и теперь нас губит не энтропия, но стазис — медленная, холодная смерть. Конечно, не все думают подобным образом, в каждом поколении есть те, кто поднимает взгляд из трясины, созданной нашими предками, и снова бросает взгляд на звезды. Мы по-прежнему можем учиться друг у друга, поддерживать друг друга. Крупница надежды все еще жива, — на тиз Пестрый с тоской поглядел на лагуну.

— Итак, теперь ты провозглашаешь, что стремишься к лучшему будущему, — безразлично сказал Морр. — Я много раз слышал подобные заявления. Как верховный палач архонта Крайллаха, я отправил тысячи подобных претендентов к их последнему воздаянию.

--- Не сомневаюсь, но я говорю не про
свержение какого-нибудь архонта, ---
устало ответил Пестрый. --- Я говорю о
том, как заново объединить расу эльдаров.

Морр насмешливо фыркнул от мысли
о том, что истинные эльдары Котморры
могут смешаться с бледными эстетами
искусственных миров или полуживотными-
экзотитами девственных миров. Пестрый
с любопытством смотрел на инкуба,
склонив голову набок, и гадал, сможет ли
он тот осознать, насколько ханжеским
является его предубеждение. Морр не
демонстрировал никаких признаков того,
что это может случиться в ближайшее
время. Арлекин собрался с силами для еще
одной попытки.

--- Просто посмотри на свой
собственный опыт, --- сказал он. --- Архонт
Крайллах, совместно с Улитуаном и
Кселиан, хотел вернуть того, кто уже был
давно мертв. Невозможно давно мертв. Да,
конечно, результат чудовищно отклонился
от желаемого, но как они это сделали?
Воспользовавшись помощью того, кто
обладал достаточной мощью, чтобы

достичь невозможного...

--- Гемүнкүла? --- неуверенно прозрел

Морр.

--- Нет, нет, нет! Мироневуцы --- ну, ты знаешь, одной из тех грязных дикарей, которые, как считается, ничего не могут дать великоленной и величественной Комморре. Она понадобилась им, чтобы их план пришел в действие, и они пошли на значительные усилия, чтобы добыть ее, потому что она могла совершить то, на что никто в Комморре не способен. Разве это не говорит о том, что экзогиты совсем не заслуживают вашего презрения? Что они добились чего-то, что само по себе достойно хвалы и подражания?

--- Нет. Это значит, что иногда из них получают невероятно полезные рабы.

--- Морр, я верю, что ты просто прикидываешься недалеким ради собственного развлечения, что я, как ни странно, нахожу весьма воодушевляющим признаком. Давай возьмем другой пример --- нас с тобой. Когда ты обнаружил, что Крайллах затронут скверной, ты позвал меня на помощь. Ты знал, что это дело не

стоит доверять ни одному колторриту, так как тот наверняка попытается воспользоваться ситуацией и, наиболее вероятно, в свою очередь подвергнется торче. Стал ли я с тех самых пор твоим ценным, заслуживающим доверия союзником, или нет?

--- Стал, --- скрепя сердце, признал Морр.

--- У при этом я не из Колторры, и у меня нет никаких личных вложений или интересов ни в ней, ни в тебе.

--- Это... неправда, --- сказал Морр с трачной улыбкой. Инкуб выглядел так, как будто только что разгадал сложную головоломку, которая терзала его уже долгое время. Пестрый нахмурился, явно обеспокоенный переменой в поведении инкуба.

--- Ты имеешь в виду, что у меня есть личный интерес? Поведай мне, пожалуйста.

--- Конечно же, есть. Это я.

Пестрый только улыбнулся в ответ и сделал вежливый жест, прося Морра продолжать.

— Я необходим тебе, потому что тебе нужен убийца дракона.

Беллатонис потерял руки — обе руки, новую со старой. Одна была изящная, с длинными пальцами, другая — грубая и темная. Что ж, нельзя получить все сразу, утешил он себя, новые пальцы достаточно ловки, и это самое важное. С потолка на него окровавленные инструменты сыпались хлопья пыли, что было совершенно неудовлетворительно и портило немного улучшившееся настроение Беллатониса. Снова началась дрожь земли, на сей раз ближе, чем прошлые сотрясения. Лаборатория явно становилась небезопасна, но он не мог вернуться в крепость Белого Пламени, так как рисковал наткнуться там на нечто похуже лазутчиков-Отравителей.

Гелмункул осмотрел помещение, и его взгляд проскользнул по трем развалинам, спешно сваливающим ящики с оборудованием на примитивную повозку, по саркофагу, который, как ни прискорбно, ит придется оставить, операционным

столам, где скопились грязь и мусор. Это было меланхолическое зрелище. Он протянул руку и стянул со стола четвертого развалину, который на нем лежал. Беллатонис заботливо страхнул пыль с облаченного в кожу и заляпанного кровью миньона и поставил его на ноги.

--- Теперь иди помогай остальным и постарайся не разорвать швы, --- указал Беллатонис.

--- Да, хозяин, спасибо, хозяин, --- невнятно ответил однорукий развалина и заковылял к повозке.

- - - Смерть приближается, --- прошептала Анжевер возле локтя Беллатониса. Гемүнкүл нахмурился, услышав ее тон: в нем было нечто странное, на сей раз он не был триумфальным, злорадным или настешливым, но полным страха.

--- Хватит с тебя, старая карга, --- решительно заявил Беллатонис, захлопнул цилиндр с головой колдуньи, оттащил его к повозке и осторожно разместил среди груд ящиков, коробок и сосудов. Развалины нерешительно

столпились вокруг хозяина, ожидая приказов. Они чувствовали, что ему не нравится необходимость покинуть лабораторию, но ничем не могли помочь. Беллатонис повернулся к ним и философски развел руками.

— Мои верные послушники, — сказал он. — Так уж вышло, что мы снова вынуждены отправиться в путь. Хотя мы пребывали здесь совсем недолго, я считаю, что в этом месте были совершены великие дела, и я буду...

Куча щебня, под которой скрывалась одна из стен, начала двигаться, отдельные куски соскальзывали вниз и скатывались на пол. Тусклое пятно вишнево-красного цвета появилось в толще каменных обломков и за считанные удары сердца стало гораздо ярче, перейдя в оранжевый, потом в желтый и наконец в белый свет. От сияющей точки расходились волны осязаемого жара, и из-за нее доносился грозный треск громящегося камня. Беллатонис и четверо развалин начали инстинктивно отступать.

— Думаю, нам лучше... — только и

успел сказать Беллатонис, как куча щебня взорвалась дождем расплавленной породы, и нечто обтекаемой формы вырвалось наружу сквозь добела раскаленные обломки. Беллатонис мельком заметил серебристый панцирь и скорпионий хвост, прежде чем метнуться за повозку и спрятаться за ней. Развалины всполошенно закричали и без промедления набросились на чужака, что Беллатонис счел похвальной демонстрацией рвения, хотя и не уда.

Однорукий развалина едва успел затахнуться тесаком, как пучок шипастых цепей обвился вокруг его шеи и сорвал голову с плеч, выпустив фонтан крови. Второй развалина сделал рьяный, но опрометчивый вынаг и добился лишь того, что обломил кинжал об адамантиевый корпус врага. Две пары ножниц сошлись на плече и промежности развалины и, демонстрируя чудовищную силу, швырнули тело через всю комнату. Несчастный врезался в дальнюю стену тремя отдельными кусками.

Беллатонис распознал в нападавшем

машину боли «Талос». Она была невелика, всего примерно в половину обычного размера, но в ее строении явно угадывались черты убийцы. Лучшие из машин «Талос» были движущимися монументами боли и резни, скорее живыми произведениями искусства, чем механизмами определенного назначения. Беллатонис нашел концепцию данного «Талоса» достойной презрения, это было все равно, что выращивать карликов из собственного потомства, чтобы из них получились лучшие прислужники.

Двое оставшихся развалин на долю секунды затешились, а потом побежали по разным сторонам от «Талоса». Зубчатое жало на хвосте прищельца сверкнуло, и туловище одного развалины просто исчезло в языках пламени. Второй воспользовался тем, что машина на миг отвлеклась, забежал за ее металлический корпус и вонзил под панцирь узловатый жезл-агонизатор. В месте удара блеснула молния, и механизм резко согнулся, после чего развернулся с такой скоростью, что как будто размылся в воздухе, желая

покаратъ то, что причинило ему боль. Даже машины могли ощутить боль от агонизатора, чье прикосновение доводило до острой, мучительной перегрузки не только нервы, но и электрические контуры. «Талос» не позволил развалиться, нанести следующий удар: он вскинул крутящиеся цепи с крюками и с механической точностью счистил или плоть с костей прислужника.

В считанные секунды нейтрализовав всех четверых противников, Ви развернулся и бросился на Беллатониса.

Харбир проснулся от пощелкивания и скрипа остывающего металла. Воздух переполнял острый запах с примесью озона. Он попытался сдвинуться, но от этого по всему телу начали взрываться фейерверки боли, и он невольно застонал. Видимо, многое внутри сломалось и теперь не желало выполнять его приказы — особенно ноги. Харбир попытался вспомнить, как попал сюда. Последним, что он помнил, был несущийся «Рейджер», и как он сжимал его рычаг управления... потом пол туннеля

быстро рванулся ил навстречу. Ил? Да, теперь он понял, что на борту были и другие, Безиет и Ксагор, но где они теперь? Почему они ему не помогают? Он попытался позвать их, но это тоже вызвало боль.

Наемник остотрелся, осторожно поворачивая голову, чтобы на него не нахлынуло пенное черное море тошноты. Он застрял в разбитом «Рейдере»: мачта упала поперек ног, пригвоздив их к палубе. Только рычаг толщиной с запястье спас его туловище от превращения в кашу, и теперь этот рычаг, согнувшись над ним, тоже удерживал его на месте. Всюду, будто знамена, свисали обрывки оранжево-желтого эфирного паруса, придавая темному искореженному корпусу «Рейдера» неуместно веселенькую расцветку.

Харбир снова позвал на помощь. Ничего другого он делать не мог. Даже от дыхания тошнота то поднималась, то снова опадала, как волны — но, по крайней мере, он все еще мог дышать. Начинало казаться, что Ксагор и Безиет не выжили.

Харбир попытался припомнить больше деталей катастрофы. Он пытался сместить «Рейдер» на другую сторону туннеля, туда, где было отвлечение, отчаянно стремясь избежать прямого спуска в вертикальную шахту и повернуть, повернуть, повернуть. Его пробрало холодом, когда он вспомнил пугающую темноту внизу, и как все инстинкты призывали его держаться от нее подальше. Он заворачивал в боковой туннель, думая, что они не успеют. Нос вскинулся вверх, а потом он увидел... что он увидел?

Харбир напрягся, невольно усилив боль. Во тьме слышался какой-то тихий звук, похожее на шепот шипение чего-то, скрытно парящего по воздуху. Он не стал кричать снова. В этом звуке было нечто злое и коварное, что явно не предвещало прибытие помощи. Внезапный металлический лязг неподалеку заставил Харбира сжаться, отчего в его ногах снова взорвалась боль, и его едва не стошнило. Сквозь плену страдания он разглядел знакомую решетчатую маску Ксагора, высунувшуюся над краем «Рейдера».

Харбир бессловесно выдохнул от облегчения. Ксагор перелез через погнувшийся фальшборт и присел на корточки рядом с ним. На развалине виднелись свежие раны, из которых медленно сочилась кровь --- глубокие следы сильного трения, которое прорвало его ребристые глубеные одеяния и столь же грубую и плотную кожу под ними.

--- Плохая посадка, --- сказал развалина, не двигаясь с места, чтобы помочь.

--- Не... моя... вина... --- процедил Харбир сквозь стиснутые зубы. --- Что-то... ударило нас!

Ксагор принялся и склонил голову набок, словно прислушиваясь.

--- Не наш преследователь. Он все еще идет за нами, --- загадочно сказал он через плечо.

--- Просто... помоги... мне! --- прорычал Харбир.

Ксагор пожал плечами, выудил из одного из мешочков на поясе какое-то маленькое устройство и прижал его сбоку к шее Харбира. Боль и тошнота мгновенно исчезли, словно перед ними

захлопнули дверь. Теперь наемник не ощущал от своих застрявших туловища и ног ничего, кроме легкого чувства дискомфорта.

--- Вот так-то лучше, --- с искренним облегчением выдохнул Харбир. Он снова попытался сдвинуться с места, но дискомфорт опасно усилился, и он быстро отказался от этих усилий.

--- Нервы заблокированы, не лучше, --- сказал Ксагор и начал поднимать упавшую мачту, демонстрируя неожиданную силу.

--- А где Безиет? --- спросил Харбир.

--- Этот не знает, --- коротко буркнул Ксагор. --- Ушла.

С жалобным скрипом мачта поддалась, и Харбир оказался на свободе. Ксагор протянул руку и оттащил его в сторону, не слишком обращая внимание на сломанные конечности. Потом развалина положил его на землю и начал обрабатывать травмы, тщательно выправляя кости и зашивая разорванную плоть.

--- Ты... ох... кажется, имеешь большой опыт в этом деле, --- прохрипел Харбир.

--- От развалины нет толку, если он не может чинить сломанных клиентов для своего хозяина, --- пробормотал Ксагор. Харбiry показалось, что тот цитирует кого-то еще, вероятно, Беллатониса.

За плечом Ксагора, примерно в дюжине метров от них, выднелась ребристая стена туннеля, на которой висело несколько разбросанных на разные расстояния ламп, проливавших тусклый свет на сцену крушения. На глазах Харбира один из светильников на миг скрылся за чем-то, что прошло мимо него --- это был серебряный полумесяц, который кратко блеснул и исчез до того, как Харбир смог убедиться, что не вообразил его. Наемник решил, что убеждать и не нужно.

--- Тут что-то есть, Ксагор, --- прошипел Харбир. --- Я слышал его до того, как ты пришел. Мне кажется, я только что его видел.

--- Да. Преследователь. Охотится на нас, --- нервно сказал развалина, осматриваясь по сторонам. Он слегка согнулся, прежде чем вернуться к

работе.

--- Что это? Ты сказал, что не оно нас ударило, тогда что?

--- Этот не уверен... --- тихо ответил Ксагор, как бы отвечая сразу на два вопроса. Харбир молча глядел на него, ожидая нормального ответа.

--- Это... это тьма, --- через мгновение сказал Ксагор. --- Тьма потянулась к нам, Харбир не мог видеть, потому что смотрел вперед, но Ксагор видел. Она пришла за нами снизу.

От слов развалины у Харбира пересохло во рту.

--- Тьма была в вертикальной шахте, тогда что же охотится на нас сейчас?

--- Этот не знает, --- повторил Ксагор.

Харбир снова почувствовал серебряный полумесяц высоко на стене. На этот раз он услышал свист воздуха, вытесняемого летящим телом, когда эта штука исчезла из виду.

--- Почему оно не атакует? Мы не можем его остановить, оно могло бы сплестись на наших черепах, если бы захотело.

--- Этот...

--- ...не знает, я понял, и на том спасибо.

Неожиданно в груди Харбира начало сильно покалывать. Сначала он подумал, что это от работы Ксагора, но развалина был занят его ногами. Покалывание переросло в ощущение жара, как будто кто-то поднес факел к самому телу Харбира.

--- Ксагор! Я что-то чувствую! Нервный блок не... аахх!

Тело Харбира согрознулось, спина выгнулась, руки и ноги заметались. Боль вспыхнула, как пламя преисподней. Его так тошнило от травм, полученных при крушении, но то, что он чувствовал сейчас, было гораздо, гораздо хуже и выходило за пределы физической боли, терзая саму душу Харбира. Встревоженный Ксагор отскочил, увидев, как по коже Харбира начинается расползаться яркое сияние, исходящее от пятиугольника на груди, и окутывает корчащееся тело целиком. Харбир издал долгий пронзительный вопль, который

постепенно затих, и с этим злобещим молчанием его дергающееся тело наконец-то затерло. Ксагор нерешительно придвинулся к нему.

--- Харбир...? --- жалобно спросил Ксагор. Распростертое тело согнулось в очередном спазме, согнувшись почти пополам, и развалина снова отшатнулась. Неровное дыхание Харбира было практически неслышным, но через секунду оно изменилось и перешло в надрывный кашель. Мало-помалу звуки стенились булькающими стешками, а затем тем, что могло быть только хриплым хохотом. Харбир вдруг сел, не обращая внимания на раны, и посмотрел Ксагору прямо в глаза.

--- Прекрасно. Прекрасно, а главное, вовремя, --- сказал Харбир с совершенно нехарактерными для него интонациями. --- О, Ксагор, не веги себя так, будто полностью шокирован.

Ксагор сразу же узнал этот снисходительный тон.

--- Х-хозяин? --- осторожно спросил развалина.

--- Добро пожаловать, подношения! ---
загрел по террасе усиленный
механизмами голос, похожий на
синтезированный гром, и перекрыл грохот
оружия стеной шума. Тучный чемпион
Хаоса, покрытый тяжелой броней из
желчно-зеленых пластин, из которой
торчали истекающие гноем нарывы,
взмахнул ржавым мечом в сторону
приближающихся темных эльдаров. --- Мы
с нетерпением ждем вашей жертвы! ---
прогрохотал он. --- Повелитель Распада
принимает вашу ярость и возвращает ее в
тысячу раз сильнее! Сегодня славный день!

Все это повторялось, и повторялось
многократно, поэтому Уллитан
приказал своим госпехам заблокировать
эти звуки. Их враги состояли из двух
различных войск --- трех, если считать
летающих демонов, которых, как решил
Уллитан, в настоящее время лучше было
проигнорировать. По сравнению с тем, что
они нашли в башне на орбите Гората,
крылатых демонов можно было просто не
брать в расчет.

Нешие враги делились на беспорядочную орду одержимых и меньшее количество толстых фигур в тяжелых доспехах, покрытых коркой грязи. Последние двигались с заметным отсутствием грации и своего рода грубой бесстрастностью, которую не мог бы воспроизвести ни один эльдар. Простые члены Губительных Сил, сказал себе Уллитан, вроде тех примитивно улучшенных воинов, что миллионати производятся и расходуются низшими расами рабов. Ложь горько зацепила язык. Ранее, исследуя демонические силы, он узнал о Легионах Предателей и о том, как они были соблазнены Темными Богатями. Легионеры стали чемпионами Хаоса, которые пользовались изменчивым благоволением своего божества, и обнаружить их в пределах Котморры было воистину дурным знамением.

К сожалению, они были также очень хорошо вооружены. Взрывчатые снаряды с ревом проносились через открытую террасу и пробивали кровавые дыры в рядах высадившихся войск Уллитана. В

воздух взлетела ракета и уничтожила приближающийся «Рейдер» в грязно-желтом взрыве. Уллитюан приказал своим разбойникам и геллионам отвлечь противника, перетянув огонь на себя, и повел своих воинов прямо на наступающих одержимых.

Осколочный огонь косил неуклюжие гниющие фигуры, как спелую пшеницу. Адская живучесть этих отродий слабо защищала их от ядов, используемых воинами Белого Пламени: «гнилая плоть», «чернильная слепота», «обжигающий лотос», «корча» и десяток других смертельных токсинов сжигали, ослепляли и превращали украденные тела одержимых в бесполезные темницы из плоти. Воины, вооруженные шредератами, приступили к ликвидации выживших противников, в то время, как телохранители Уллитюана, инкубы, прорубали себе путь через текущие и размахивающие руками толпы.

Когда они прорвались, Уллитюан сразу увидел, что его разбойники и геллионы не смогли разбить фалангу

воинов Хаоса, сгруппировавшихся у
основания башни. Смятые тела,
обгоревшие и сломанные реактивные
мотоциклы и скайборды, разбросанные по
всей террасе, без слов горили об их
тщетных усилиях. Оставшиеся в живых
были разрознены и отчаянно уклонялись от
губительного обстрела, выжигающего их
снизу.

Уллитуан выругался, понимая, что
осталось еще более ста метров до
воссоединения с его войсками, а он все еще
был в радиусе поражения сокрушительной
огневой мощи врага. Воины Хаоса уже
поняли, что одержимые гибли быстрее,
чем они думали. Широкие пасти их
огромных уродливых орудий
поворачивались, выравниваясь для залпа,
который разорвал бы легкобронированные
отряды Уллитуана на куски.

Сверху раздался вой двигателей, и
сразу же за ним внезапный поток
серпокрылых силуэтов обрушился прямо на
отряды хаоситов. Мимо на бешеной скорости
пронеслись геллионы, разбойники и «Яды»,
пронзая и обезглавливая врагов своими

лезвиями и асскими глефами. На мгновение Уллитуан подумал, что его собственные вспомогательные войска сплотились и вернулись в бой, но затем понял свою ошибку. Все эти пришельцы были из другого кабала, и даже в пылу сражения он распознал их цвета. Прибыли Клинки Желания.

Разъяренные ведьмы спрыгивали с палуб стремительных «Ягов» прямо в гущу рукопашной. Уллитуан, никогда не упускавший ни одну возможность, повел своих инкубов в сердце схватки, в то время как воины Хаоса были отвлечены новым противником. Он нырнул под рычащий цепной меч и быстрым ответным ударом отсек руку его хозяину. Перед ним кружились гнилые лицевые щитки воинов Хаоса, отбивавшихся с негибелым упорством.

Неповоротливые воины были чудовищно сильны и, казалось, полностью невосприимчивы к боли. Уллитуан видел, как их руки в латных перчатках переламывают стройных эльдаров, словно ветки, как крутящиеся цепи их клинков с

непреодолимой силой проходят сквозь
корчащиеся тела ведьм, и окровавленных,
ревущих гигантов, которые продолжали
бороться, даже когда были практически
изрублены на куски.

Уллитриан начинал понимать, почему
подобные воины стали столь популярными
рабами на аренах. Они могли вынести
множество ран, словно донорианские
изверги, и в полной мере пользовались
этим фактом. Снова и снова эти
громадины получали смертельные
травмы, не обращали на них внимания и
только яростно контратаковали. Но
воители Хаоса были слишком
медлительны и неуклюжи в сравнении с
эльгарами. Когда воин с непокрытой
головой затахнулся на Уллитриана
когтями, окутанными молниями, тот
просто отступил в сторону и обезглавил
нападавшего ударом меча наотмашь.
Другой противник ринулся на него спереди,
только чтобы клинок архонта нашел себе
ножны в его глазнице, прежде чем тот
успел поднять собственный покрытый
ржавчиной меч. По сигналу Уллитриана

телохранители-инкубы соткнулись вокруг него защитной стеной, освобождая ему пространство для ближнего боя взмахами своих могучих клэйвов.

Улитуан огляделся, чтобы оценить, как идет битва за пределами непосредственного окружения. Враг, похоже, сильно уступал в числе, его войско превратилось в островки сопротивления в наступающем море. Теперь, когда ряды захватчиков были расстроены, у них не было никаких шансов против хищных темных эльдаров, атакующих со всех сторон. Неповоротливые, бронированные фигуры падали одна за другой, сраженные в кровавом исступлении, их расчленяли и обезглавливали сверкающие смертоносные клинки ведьм и инкубов Улитуана.

Среди бойни он увидел Аэз'ашью, извивающуюся в танце смерти с последней горсткой врагов. Она была вооружена кинжалами-близнецами, которые блестели, словно пурпурные ленты, когда она прорезала кровавые полосы на их шкурах, покрытых толстой броней. Она

сладоострастно растеялась, когда поймала
его взгляд, упиваясь боем, будто ужасная и
великоленная богиня убийства, наконец
получившая свободу.

Глядя на нее, Уллитван ощутил
холодное предчувствие. В этом беспечном
стехе таилась смерть и для него самого,
маниящая жажда его собственного
убийства, которая пока что была не
утолена. Вект послал новую госпожу
Клинков Желания сражаться на его
стороне, но каковы были его точные
приказы?

Глава 22

Возвращение на Лилеатанир

Путники вышли из портала, и серебряный свет его активности постепенно угас, сменявшись мерцающим свечением огня, плененного во льду. Дыхание затерзало в морозном воздухе, а затерзшая грязь под их ногами была тверда, как железо. Стены Мирового Храма, созданные из живого камня, покрылись растрескавшимся слоем льда. На близлежащем склоне жалась какая-то убогая фигура, сгорбленная поза которой говорила, что она уже долго сидит здесь, дожидаясь хоть каких-то признаков жизни от порталов.

— Это... это ты? Я... я и не чаяла увидеть тебя снова, — с удивлением вытолкнуло это жалкое создание. При виде второго путника ее голос истерически наглох. — Ты и... он!

--- Тише, Саргон Тур Ланиэль, ---
мягко сказал Пестрый. --- Он пришел
поздноточь, как и я. Прости, что это заняло
так много времени.

Нынешняя миропевица Лилеатанира
откинула назад свои седеющие локоны,
чтобы взглянуть на лишенного маски
осквернителя святилища. Здесь был тот,
кто вторгся в Мировой Храм и похитил
ее предшественницу, тот, кто обрушил на
ее мир столь грандиозный катаклизм, что
едва ли один из десяти его жителей
остался в живых. Она чувствовала, как
внутри нее собирается бурный поток
эмоций: ярость, страх, ненависть, все это
кипело и стесивалось в нечто
отвратительное и могучее. Храм
затрясся от эмпатии, камни загрохали,
подспудно отвечая на ее гнев, и пламя с
шипением вскинулось подо льдом. Морр не
отвел перед ней взгляд, в его
безжалостных черных глазах не виднелось
ни искры сочувствия или раскаяния.

--- Саргон! --- уже менее мягко произнес
Пестрый. --- Не тебе судить его за то, что
он содеял. Он пришел сюда добровольно,

чтобы вернуть все на свои места, мы не
можем требовать от него еще и
раскаяния.

Саргон моргнула, снова посмотрела
на воина и увидела его более ясно: он был
потрепан, окровавлен, на лице его был
начертан жуткий голод, который не мог
скрыть усталость и отчаяние в его душе.
Его следовало скорее жалеть, чем
ненавидеть, ведь это была опустошенная и
сломанная тарионетка, продолжающая
стоять лишь благодаря своей тщеславной
гордости. Саргон бахвалилась перед
Караэисом, что отомстит осквернителям
храма, скортив их дракону за то, что они
натворили. Столкнувшись с реальностью,
она поняла, что цикл тесни таит в себе
всепожирающую болезнь. Мщение
порождает ненависть, ненависть ---
мщение. Воин, стоявший рядом с
Нестрым, был жертвой в той же мере, что
и все остальные. Через мгновение грожа
храма прекратилась, а языки пламени
опустились, и дух дракона вернулся к
неспокойной дремоте.

--- Что ж, темный, --- наконец

произнесла Саргон, с трудом поднимаясь на полужамерзших ногах. -- Ты должен пойти и увидеть, что ты сотворил.

Огромные пласты льда погребли под собой Мировой Храм Лилеатанира. Толстые стеклянистые валы скрыли обожженный камень и дымящиеся расщелины, с извергающих испарения трубы и покрытых изморозью валунов свисала бахрома из сосулек. Невероятно, но прямо за слоем льда все еще пылал огонь, и обледеневшее пламя сияло сквозь покров с неугасимой яростью. Пока что оно сдерживалось, но грожало на грани того, чтобы снова взорваться жизнью.

-- Вы опоздали, -- без надежды в голосе сказала миропевица. -- Я должна была что-то сделать... я не могла просто сидеть и ждать. Я пыталась исцелить его сама, стянуть дракона, но он лишь становился все более свирепым. В конце концов я просто пыталась ограничить его, но и этого не смогла. Взгляните.

Они посмотрели туда, куда указывала Саргон. В глубине святилища ледяное покрывало пронзала рваная дуга.

почерневший шрал, тянущийся от пола до потолка, и из него сочился дым и зловонные пары. Из этой трещины истекал ядовитый красный свет, как будто излучаемый иными, потусторонними глубинами. За ней что-то шевелилось, что-то громадное и неописуемо древнее.

--- Ну что ж, это... этого следовало ожидать, я полагаю, --- беспокойно пробормотал Пестрый, прежде чем снова собраться и заявить: --- Но никогда не бывает слишком поздно! Ты сделала доброе дело и дала нам немножко времени, а это сейчас поистине драгоценный ресурс!

Морр не обращал на них внимания, его взгляд твердо застыл на злобещей дуге в дальнем конце скованной льдом пещеры. Не говоря ни слова, он стиснул свой клэйв обеими руками и начал уверенно шагать к входу.

--- Что он де... --- ахнула Саргон, но Пестрый шикнул и прошептал ей на ухо:

--- Он знает, что с его помощью ваш тировой дух приобрел аспект дракона, сконцентрировав всю свою бессмысленную ярость и жажду тесги в то, чем он

является сейчас — в беснующегося зверя, облагающего довольно-таким поразительным потенциалом к разрушению или, что еще хуже, к метаморфозе в иную форму, которую Губительные Силы с радостью примут как свою новую игрушку. Ты смогла временно утихомирить худшие из проявлений дракона, но волны этой ярости по-прежнему наносят невероятный ущерб другим местам. Морр — что, по-моему, очень храбро с его стороны — вызвался добровольцем, чтобы помочь успокоить дракона единственным известным ему способом.

Морр шагнул по потоку бурлящей холодной воды к трещине во льду. Чем ближе он к ней подбирался, тем более ясно становилось, насколько велик ее размер. Всего секунду его крошечная, похожая на куклу фигура виднелась между клубящимися испарениями, а потом он исчез внутри. Саргон отшатнулась и устояла на Пестрого со стесью изумления и недоверия в глазах.

— Он хочет попытаться его убить? —

не в силах поверить, спросила она.

Пестрый вздохнул и меланхолично пожал узкими плечами.

--- Да, он хочет попробовать.

--- Но это невозможно! --- воскликнула Сардон. --- А что случится, если этот сеятель смерти найдет способ убить дракона? Что тогда станет с Лилеатаниром? Без мирового духа, который защитил бы нас, мы останемся нагими перед вселенной. За нами придут демоны, и ничто уже не сможет их остановить.

Пестрый беспомощно развел руками.

--- Я полагаю, что его шансы на успех крайне невелики. Все, что я могу тебе сказать --- он попытается. Если не получится, и дракон уничтожит его, то дух будет какое-то время удовлетворен, и его жажда возмездия по крайней мере частично утолится. Это купит нам время, чтобы предпринять дальнейшие меры.

--- Жертвоприношение? Это отвратительно. Варварство.

Пестрый посмотрел на грязную,

растрепанную миропевицу, босую, в грубой
готовотканой мантии, и тепло улыбнулся.

--- Я не могу выразить, насколько я
рад услышать от тебя эти слова, Саргон,
--- без всякой иронии сказал арлекин. ---
Однако, как бы это тебя ни шокировало,
знай, что такая практика куда более
широко распространена и традиционна,
чем тебе кажется... фактически, я думаю,
что некоторые из тех, кто ею
занимается, вот-вот пожалуют к нам.

Нестрый кивнул в сторону комнаты с
порталами. Когда Саргон оглянулась, она
увидела серебристое мерцание, говорящее
об их активации.

Обломки «Рейдера» по-прежнему
остывали и потрескивали вокруг Ксагора и
Харбира. Несколько тусклых красных
огоньков на системах управления машины
осветили решетчатую маску Ксагора,
когда тот придвинулся и наклонился над
обмякшим телом Харбира.

--- Харбир совсем по-настоящему
мертв? --- спросил развалина.

То, что раньше было Харбиром,

--- Этот все еще не понимает, ему
очень жаль, хозяин.

--- Хорошо, тогда я скажу очень
простыми и короткими словами: ты дал
Харбину своего рода психическое
устройство обратной связи. Я использовал
его, чтобы переместить свою душу в его
тело. А его душа перешла в мое тело, что
для Харбира весьма прискорбно, потому
что это тело прямо сейчас должно было
превратиться в мертвое мясо.

--- Это возможно? --- развалину,
казалось, ошеломила сама концепция. Он
так и сел, склонив набок лицо в маске. ---
Хозяин превыше могущества, превыше
смерти! --- воскликнул он, на миг
предавшись ликованию, а потом снова
затих. --- Но... что постело убить старое
тело хозяина?

--- Это была машина «Талос»,
маленькая, но очень злобная, и в той
ситуации я не мог с ней слагать. Ее,
должно быть, послало Черное Схождение.
В отличие от тебя, Ксагор, они
отказываются признавать мое
грандиозное превосходство...

--- Хозяин! Опасность все еще здесь!
Ксагор слышал «Талос», охотящийся
неподалеку.

Беллатонис услышал уже знакомый
вой гравитационных ускорителей и уловил
наг собой быстро мелькнувшее движение.

--- Ох.

Чо плавно опустилась к цели,
полностью уверенная в том, что
обнаружила. Ее обуял прилив гордости и
удовлетворения, и она невольно расправила
все лопасти и сенсорные щупы, чтобы
впитать перестотренный облик цели.
Цель, обозначенная как В, теперь
полностью совпала с точными
метафизическими параметрами,
запечатленными в ее энграммах. Чо
видела, как произошла эта перемена, и
слышала, как цель похвалялась своим
достижением поле этого. И что еще
лучше, с высокой степенью вероятности
цель сбежала от Ви в момент нападения,
не зная, что попадет прямо в когти Чо.

Цель теперь осознавала присутствие
Чо, как и цель, обозначенная Г, сжавшаяся

рядом с ней. Это было неважно, так как Чо уже просканировала их обеих на наличие вооружения и не нашла ничего, что могло бы пробить ее сотканную из металла шкуру. Цели, обозначенные как А и Б, были неактивны, лишены пульса и лежали вместе смятой кучей у разбитого «Рейдера». На таком близком расстоянии Чо смогла определить, что цель Б на самом деле представляла собой плененную сущность, жизнь-без-тела в металлической тюрьме. Обширный арсенал сенсоров Чо не обнаруживал никаких иных угроз или потенциальных маршрутов бегства, к тому же цель была совершенно обездвижена и едва ли достаточно хорошо контролировала свое тело, чтобы встать, не говоря уже о том, чтобы бежать.

Чо медленно выдвинула выкачиватель душ. Она с удовольствием размышляла, уничтожить ли сначала первичную цель, а потом поохотиться на цель Г ради развлечения, или же просто иссушить их обоих одной петлей энергии, настроенной на широкий охват и максимальную

мощность. И снова на первую роль вышла осторожность. Нельзя допустить, чтобы цель Г отвлекала ее. Что должна попытаться как можно скорее воссоединиться с, несомненно, разочарованной машиной Ви, и поделиться информацией об убийстве. Их создатель будет горд и оценит ее достижение. Беспокоил лишь тот факт, что атака Ви дала Чо возможность завершить дело, что давало ему возможность объявить себя, в некотором роде, победителем. Это ничего не значило. Пусть Ви покажет своей грубой гордыне и чувству превосходства, в то время как Чо будет знать, что несмотря на все его заявления, именно она была той, что совершила убийство.

Эти расчеты заняли всего лишь долю секунды. Удовлетворенная своими выводами, Чо нанесла удар. Разрушительные энергии начали переливаться вокруг жертв, безжалостно высасывая их жизненную сущность. Их тела начали покрываться морщинами, как будто за секунды миновали целые десятилетия.

Жизненная сила хлынула сквозь шлюзы накопителей Чо, переполняя их темной энергией — доброе крепкое вино в сравнении с жидким пивом примитивных и кратких жизней ургүлей. Чо турлыкала от наслаждения, поглощая ее.

Подножие башни над Горатом превратилось в кладбище. Эльдары, одержимые и воины Хаоса усыпали каменную террасу слоям, местами достигавшим толщины в два-три тела. Несмотря на своевременное прибытие Клинков Желания, битва взяла свою тяжкую дань, и едва ли половина кабалитов Белого Пламени все еще стояла на ногах. Вихрь геллионов, разбойников и «Ягов» окружил башню, оцетинившись оружием и отвечая на любой выстрел защитников верхних уровней бурей огня. Аэз'ашья — архонт Аэз'ашья, напомнил себе Уллитан — подошла к нему прогулочным шагом, покачивая бедрами. В ее походке сквозила откровенная насмешка.

— Хорошая работа, Уллитан, ты

отвлек их на достаточное время, чтобы
той клинки довели дело до конца, ---
улыбнулась она.

--- Я всегда готов поделиться с тобой
подобной мясницкой работой, --- холодно
ответил Улитуан, --- но, к сожалению, я
предполагаю, что наши противники не
были так предупредительны, что вывели
все свои силы на открытое пространство,
чтобы их вырезали.

Он многозначительно поднял взгляд
на громаду башни, где продолжалась
схватка. Аз'ашья просто пожала плечами.

--- Я счастлива положиться на твое
более обширное знание намерений нашего
врага, --- сказала она, --- хотя я нахожу
довольно-таки любопытным, что ты так
хорошо информирован. Это, случайно, не
очередные твои грузы, а, Улитуан?

--- Простая логика, ничего более, ---
резко ответил Улитуан. Он пнул один из
массивных трупов, валяющихся на террасе.
Тот треснул, выпустив наружу мерзкий
ухор и тошнотворное зловоние. --- Видишь?
Это смертные слуги Губительных Сил,
поклонники той сущности, которую мы

знаем как Нүргла. Вторжение последователей чүлного владыки --- это не просто еще одна случайная манифестация того, что за пеленой. Если они явились сюда с определенной целью, я готов поспорить, что она никак не связана с тем, чтобы сидеть и ждать, пока мы их атакуем. Нам надо организовать наши силы и начать зачистку остальной башни сверху донизу. Нам надо выяснить, что они делают, и остановить это.

--- Нам надо, неужели? --- с прохладцей протурлыкала Аэз'ашья, намеренно провоцируя его. --- Не гүтаю, что я нахожусь под твоим командованием, Уллитюан, твои приказы, полученные от Верховного Властелина, ни слова об этом не говорили.

--- А что же тогда говорили твои приказы, Аэз'ашья? --- едко поинтересовался Уллитюан. --- Что-то вроде «следовать за Уллитюаном и поддерживать его вплоть до...» О, не знаю, скажет, так: «...до дальнейшего извещения»? Насколько похоже это звучит?

Он заметил, что брови Аэз'ашьи

слезка дернувшись вверх от удивления, и понял, что его укол был близок к цели. Важнейший текущий вопрос был на самом деле в том, сводились ли другие приказы Векта к тому, чтобы ждать удобного момента для убийства Уллитюана, но даже Аэз'ашья не была настолько наивна, чтобы выдать эту мелкую, но драгоценную информацию. Уллитюан на мгновение взял паузу, пытаясь решить, что следует сделать. Он отчаянно хотел как можно быстрее оказаться подалее отсюда, но уйти до того, как Улмея будет стабилизирована, буквально означало смертный приговор, который Аэз'ашья, без сомнения, будет счастлива привести в исполнение. Если силы Хаоса смогут захватить краденые солнца во время Разобщения, тогда в любом случае настанет конец всей Котморре, обреченной утонуть под волной демонической скверны, хлынувшей с небес. Действительно, не было никакого выбора, кроме как идти дальше.

Как только Уллитюан пришел к решению, башня слегка загрожала --- мгновенная рябь прошла сверху вниз по всей

структуре, указывая на то, что на ней
фокусируются мощные силы из иных
частей вселенной. Терраса внезапно
покачнулася под их ногами и треснула, в ее
поверхности открылись дыры, и целые
куски отвалились и рухнули вниз, в
пылающий ад Гората. Все и повсюду
помчались к башням, воины Белого
Платени и ведьмы Клинок Желания
толкали друг друга локтями, чтобы
скорее добраться к низким ступеням у их
оснований. Как и было принято в истинной
комторритской политике, Улитуан и
Аз'ашья возглавили наступление, на время
забыв все свои различия и подозрения перед
лицом общей угрозы.

За несколькими арками, вделанными
в бока башни, открывался просторный зал,
со всех сторон окруженный такими же
выходами. Основную часть пространства
занимал широкий спиральный пандус,
который исчезал, уходя сквозь потолок и
вниз, в пол. Дульные вспышки озаряли его
верх, а из пола под их ногами вылетали
куски, выбитые дождем взрывчатых
снарядов.

--- Вверх! --- в унисон закричали оба архонта и повели свои объединенные силы на штурм верхних этажей. Уллитриан мельком увидел сквозь арки, как последние остатки террасы рушатся вниз, а воздух над нею полнится хаотично носящимися поспирали разбойниками, геллионатами и «Рейдерами». Уллитриан застрял в башне, по крайней мере временно, пока не найдет другое место для посадки. Он поднял голову и увидел, что на верхней части пандуса толпятся неповоротливые зеленые бронированные фигуры, поливая бегущих эльдаров вспышками выстрелов, словно перед ними открывалась огромная пасть, заполненная клыками.

Вереница взрывов, будто удар кнута, прошла по теневому полю Уллитриана. Вокруг каждого места столкновения растеклись чернильно-темные пятна энтропийных энергий, которые рассеяли энергию выстрелов в пыль и тени. Другие эльдары вокруг него были не так хорошо защищены и взорвались, как ярко-красные сверхновые, когда масс-реактивные снаряды пробили их тела. Натиск эльдаров на

мгновение затеделился, когда те, кто достиг верха пандуса, грогнули по обстрелом.

Аэз'ашья вырвалась из колеблющихся рядов, как быстро движущееся размытое пятно, что, казалось, огибало хлещущие потоки взрывчатых болтов сверху, снизу и сбоку, как если бы они были неподвижны. Она прыжками поднялась по пандусу и исчезла среди толпы звероподобных воинов Хаоса. Линии их огня начали скрещиваться в тщетных попытках угнаться за ней. Волна быстроногих ведьм обогнала Уллитана, ринувшись за своей госпожой, и их клинки затанцевали в сложном балете боли.

К тому времени, как Уллитан и его воины добрались до верхнего этажа, там валялись только подергивающиеся трупы и не было никаких признаков Аэз'ашьи или ведьм. Пандум выходил в центр лишенной окон треугольной комнаты, и в каждом из ее углов начинались новые спиралевидные пандусы, поднимающиеся вверх. Архонт направил несколько групп своих последователей обратно вниз, чтобы они

начали прочесывать нижние этажи, но инстинкты говорили ему, что главная битва ждет его еще выше. Взяв основную часть воинов с собой, он выбрал тот подъем, который усыпало больше всего трюнов, и устремился вверх. Вскоре сверху до него донеслись звуки боя.

Глава 23

В логове дракона

Войдя в изогнутую дугой трещину во льду, Морр шагнул по бурным рекам талой воды, испускавшей тухлый серный запах. Стены вскоре перешли в черный камень, скользкий от влаги, и под бронированными сапогами захрустел щебень. По мере того, как инкуб продвигался дальше, красное сияние впереди становилось все более интенсивным и гнетущим. Гладкие черные стены расширялись, пока он не начал спускаться по неровному склону в огромную пещеру, чьи дальние стены скрывал покров темноты, а пол казался движущимся морем крови. Далекое инфразвуковое шипение заглушало все остальные звуки в подземной полости, издаваемое как будто немыслимо гигантским змеем или громадной толпой, где все бормотали и шептались друг с другом. Морр знал, что и то, и другое верно.

Когда он опустился еще ниже, то обнаружил поднимающиеся со всех сторон огромные столбы из перекрученного базальта, чьи просторные вершины терялись во мраке над головой, но основания были ясно видны. Изгибающиеся подобно змеям потоки алой энергии вились по дну пещеры и вокруг столбов, формируя многомерную кошащую колыбель из живого света. Багряные извивы пульсировали жизненной силой; клубясь, скручиваясь в узлы и двигаясь по сторонам, они бесконечно сплетались друг с другом.

Морр остановился и сжал клэйв обеими руками, готовясь и собирая последние силы для предстоящего сражения. Он знал, что на этот раз с ним будет биться не физический противник, но метафизический. Перед ним, в пещере, находилась манифестация разъяренных мертвых духов Лилеатанира, которая теперь приобрела видимость и сконцентрировалась в разбитом сосуде Мирового Храма. Его собственное восприятие трепетало, только воспринимая его то как кольца

гигантского змея, то как пенный каскад крови или пылающую реку огня. Инкуб был менее песчинки по сравнению со всеобъемлющей мощью мирового духа. Он мог причинить этой сущности не больше вреда, чем котар может причинить слону.

Единственным преимуществом на стороне Морра была композитная природа его врага. Мировой дух объединял в себе психическую энергию всех живых существ, какие только попали в матрицу Лилеатанира в момент своей смерти — экзодитов, птиц, зверей. Получившаяся в результате гештальтная сущность была первобытна и примитивна, и двигали ей инстинкты, в которых желание заботиться сменялось тягой к разрушению. Эти инстинкты подвигнули мировой дух к гравитационному аспекту его натуры, но всегда были и бесчисленные духи, которые толкали его в триадах иных направлений. Это была слабость, и ее можно было использовать.

Он поднял руку к своей вешалке для трофеев и снял с нее шлем инкуба, который забрал возле храма Архры.

Казалось, этот бой был очень давно, такой важный тогда, такой тривиальный сейчас. Морр на миг взгляделся в безликую маску, вспоминая, потом повернул окровавленный шлем другой стороной и медленно опустил его на собственную голову. Сидел он неважно, внутренние сенсоры плохо стыковались с боевым доспехом, медный запах запекшейся крови бил в ноздри, но Морр не обращал на это ни малейшего внимания. Когда он припнулся шлем, на него нахлынуло ощущение целостности и полноты. Свирено ухмыльнувшись под маской, он поднялся на скалистый уступ, раскрутил свой клэйв так, что тот ярко засверкал в багряном свете, и крикнул:

— Я вернулся и снова бросаю тебе вызов! Уги сюда! Уги и потерься со мной в ярости! Никогда не прощать! Никогда не забывать! Архра помнит, а теперь будешь помнить и ты!

Реакция была мгновенна: сознание-гештальт дракона внезапно поняло, что посреди него появилась какая-то крошечная пылинка и пищит с оскорбительной дерзостью. Громадный треугольный

силуэт поднялся из алой мглы. Его венчал
егва заметный нарек на голову с
похожими на зеленые латны пылающими
сфератаи там, где могли бы быть глаза.
Мощные потоки грубых эмоций порывали
исходили из невероятной пасти этого
создания. Морр почувствовал, как на него
нахлынул расширяющийся пузырь
разумного осознания, резко покалывающая
ядовитая ненависть и знакомый жаркий
прилив ярости.

--- Да! Это я! Я здесь! Я --- тот самый,
кто бросил тебе вызов тогда, и я вызываю
тебя снова! --- закричал Морр навстречу
этому сотрясающему землю шипению. ---
Теперь иди ко мне! Сражайся со мной!
Познай то, что знает Архра!

Сверху полился дождь из адского
пламени, и Морр побежал, спасая свою
жизнь, вниз, к средоточию алых извивов.
Под хлещущими психическими ударами
ярости дракона каменистый склон вокруг
него взрывался и пускал лавины из
расплавленных обломков. Обогнать это
цунатаи разрушения было невозможно ---
ударная волна подняла инкуба в воздух.

словно гигантские руки, угрожая сбросить его в забвение. Морра швырнуло головой вперед в призрачные извивы, и его клэйв взметнулся багровой дугой, когда он обрушил свою собственную ярость на души беспокойных мертвецов.

Караэис шагнул наружу из портала в замерзший Мировой Храм Лилеатанира, за ним тут же последовала Аиоса. Четверо Зловещих Мстителей, завершавших отряд, вышли следом и немедленно разошлись безупречным веером, заняв наблюдательные позиции по всей таленькой неровной пещере. Их длинноствольные звездометы контролировали отдельные секторы обстрела, и все они пересекались на двух фигурах, которые стояли, дожидаясь их, у входа.

--- Ты! --- рыкнул Караэис, не слишком стараясь скрыть свой гнев.

--- Да, боюсь, это снова я, --- небрежно ответил Пестрый. --- Я думал, ты придешь немного раньше --- опять какие-то проблемы с рунами?

Караэис не ответил на насмешку, однако линзы на шлеме чародея пристально глядевшие на арлекина, сияли грозным янтарным огнем. Аиоса вметшалась с прямым вопросом:

--- Что ты здесь делаешь и зачем ты помог преступнику совершить побег?

--- Потому что он должен был прибыть именно в это место, --- весело сказал Пестрый, --- и таков мой ответ на оба твоих вопроса.

--- Так где теперь этот инкуб? --- резко спросил Караэис и развернулся к Саргон. --- И почему ты, миропевица, стоишь теперь рядом с этим... с этим любителем вмешиваться не в свое дело?!

Саргон удивленно моргнула от яда в словах чародея.

--- Этот скиталец и его собратья посещали Лилеатанир со времен его первого поселения, --- мягко сказала она. --- Мы считаем народ искусственных миров своими стражами, но дети Смерющего Бога известны нам как друзья. Во времена нужды он пришел к нам и предложил помощь, возможное решение. Что ты

принес в Мировой Храм? Гнев? Взаимные обвинения? У нас этого уже более чем достаточно, нам не нужно того же от пришедших извне.

--- Решение? Какое решение? --- вспыхнул Караэис, снова переведя взгляд янтарных глаз на Пестрого. --- Мои гадания на рунах ничего об этом не говорили.

--- Худшее возможное решение, насколько оно касается тебя, --- издевательски проговорил Пестрый с широкой улыбкой. --- Такое решение, в котором ты не нужен. Оно не даст тебе свободный проход в совет провидцев. Ни потока рекрутов от благодарных выживших жителей Лилеатанира. Ни славы. Ни известности. Ни восхвалений, распеваемых в бесконечном цикле Бьель-Тана на протяжении вечности. Ничего.

Пестрый понял, что точно рассчитал истинную мотивацию чародея, возможно, даже лучше, чем Караэис признавал перед самим собой. Плечи провидца затряслись от подавляемых эмоций, и он сделал шаг к Пестрому. Аиоса подняла руку, чтобы

остановить его, и холодно взглянула на Карлекина сквозь свою бесстрастную маску.

— Ты обвиняешь Караэиса в том, что его вело честолюбие? Что... желание... преодолело его мудрость? — неторопливо проговорила экзарх.

— Это не мое дело — обвинять кого-то в чем-то, — улыбнулся Пестрый. — Я просто складываю вместе все, что я увидел, и делаю выводы. Должен спросить, просто мне это интересно: каков был ваш план на случай, если бы вы в конце концов догнали Морра до Лилеатанира? Каким конкретным образом вы намеревались разрешить ситуацию? Может быть, связать его по рукам и ногам и кинуть в какую-нибудь трещину? Устроить жертвоприношение, чтобы утиlostивить дракона?

— Это возмутительно! — закричал Караэис. — Ты не имеешь права вмешиваться! Ты занял себя, являясь свидетелем сородичами, и теперь ты хочешь затянуть меня в ту же трясину. Мы не совершили всего этого! — Караэис театрально взмахнул руками, охватывая

святилище, а вместе с ним и весь мир.

--- Нет, но вы хотите нажиться на этом. Темные сородичи, как вы любите их называть, не ведали о последствиях своих действий. Если бы только они знали, какой вред это впоследствии нанесет им самим, то никогда не повели бы себя таким образом. Не то чтобы, конечно, невежество их оправдывает... просто у тебя и такого оправдания нет.

Саргон в шоке воззрелась на арлекина.

--- Что ты имеешь в виду? ---
выдохнула она.

--- Что наш общий друг Караэис и все его сородичи-провидцы могли бы предвидеть осквернение храма и его последствия. Они могли бы что-то сделать, чтобы предотвратить его, но не сделали ничего.

--- Нельзя проследовать за каждой нитью судьбы, --- ответил Караэис, потрясущимся голосом. --- Можно повлиять только на определенные разветвления, экстраординарные сплетения, правильно применив...

--- О, прекрати, пожалуйста! ---

настешливо растеялся Пестрый. -- Нити судьбы тянутся к грандиозному катаклизму, который влияет на саму Паутину, а ты говоришь, что он слишком размыт, чтобы его увидеть, и слишком сложен, чтобы на него повлиять? Если это правда, то мало от тебя пользы в нынешнем призвании, и стоило бы серьезно подумать о каком-нибудь другом пути -- например, гончарного дела или приготовления еды.

-- Достаточно! -- прорычал Караэис. -- Где инкуб? Говори сейчас же, не то...

Угроза, подразываемая Караэисом, была прервана громоподобным ревом из глубин святилища. Каменные стены содрогнулись, с них начали сходить пласты льда и разбиваться на куски, а рев все глелся и глелся. Это был непрекращающийся шипящий вопль гнева, который сотрясал храм и заставлял камни дрожать, подобно живым существам. Пестрый маниакально ухмыльнулся и закричал, перекрывая шум.

-- Там! Это он там, в самом сердце храма! -- арлекин был диким голосом. -- У

я думаю, что он теперь готов вас встретить!

Без слов Караэис нырнул в глубины Мирового Храма, сжав в руке колдовской клинок. Помедлив долю секунды, аспектные воины последовали за ним, Аиоса наградила Пестрого долгим и жестким взглядом, пробегая мимо. Саргон в ужасе заломила руки.

— Ты позволишь им уйти? Они же все погибнут!

— Нет. Остановитесь. Не ходите туда. Вы все погибнете, — сардонически пробормотал Пестрый, когда последний из аспектных воинов исчез в содрогаящемся святилище. Губы арлекина скривились в безрадостной гримасе, самом воплощении печали и подавленности, но глаза за его маской сверкали темным и неописуемым весельем.

Ксагор и Беллатонис видели, как приближается машина убийства, чье острое тело поблескивало в полутраке путеводного тоннеля, плавно опускаясь к ним с потолка. Машина не спешила,

уверенная, что загнала свою добычу в угол, и снижалась достаточно медленно, чтобы дать им достаточно времени на осознание безнадежности собственного положения. Будучи преданными поклонниками искусств плоти, Ксагор и Беллатонис сразу же распознали ее тип: механический паразит «Кронос», похититель времени. Беллатонис узнал и нечто иное — характерный почерк изготовителя, который он уже успел увидеть в своей потайной лаборатории, на миниатюрном «Талосе», который атаковал его там. Он обнаружил, что готов признать в паре подобных карликов-близнецов определенную художественную целостность, которой, по его ощущениям, не доставало каждой машине в отдельности. И все же Беллатонис продолжал считать, что это немного напоминало изгущечность.

Ксагор замер на середине рывка в тщетной попытке защитить хозяина собственным телом, когда возникла петля негативной обратной связи. Темные энергии окутали их обоих, совершенно безразличные к отчаянному акту

самопожертвования развалины. Плоть Харбира, теперь принадлежащая Беллатонису, начала усыхать вокруг костей, лицо стало напоминать череп, обернутый в папирус, с горящими на нем темными запавшими глазами. Жизненная сила утекала из него. Гемүнкүл никогда даже не думал, что закончит подобным образом. Даже самые низшие из ему подобных были невероятными долгожителями, почти бессмертными, и его свежее, украденное тело было молодым и здоровым. И все же безжалостный вихрь, исходящий из выкачивателя душ, за считанные мгновения отнимал сотни лет от срока жизни Беллатониса. Еще несколько секунд, и от него не останется ничего, кроме праха и истлевших костей.

Петля энергии внезапно исчезла, оставив Беллатониса и Ксагора слабыми, совершенно одряхлевшими стариками. Гемүнкүл заморгал потупневшими глазами, пытаясь сфокусироваться на парящем «Кроносе» и понять, почему тот остановился. Он подумал, что, возможно, машина хотела

потянуть время перед самым концом, немного насладиться пыткой, прежде чем завершить убийство. Какая-то его часть это одобряла.

Как ни странно, но, похоже, напугивающее осязательное устройство неожиданно выпустило снизу пару весьма гуманоидных ног. Беллатонис запоздало осознал, что на его нити имелось еще и туловище, а на нем — пара рук, которые пронзили брюхо «Кроноса» большим мечом причудливой формы. Эти руки, покрытые характерными шрамами, были ему настолько знакомы — какой-то толстый архонт, с которым он имел дело в Метзухе? Беллатонис уже не помнил, все ли казалось таким расплывчатым и полужабытым. Он снова поднял взгляд, не в силах избавиться от ощущения, что происходит что-то важное.

Машина-убийца висела под углом, отчаянно размахивая клешнями, и ее многочисленные сенсорные щупы и лопасти быстро трепетали, как птица в ловушке. Там, где меч пронзил жизненно важные места, сыпались искры. Она, похоже, не

тогда сдвинуться с места и только покачивалась в воздухе. Меч вырвался наружу, и из выпотрошенной машины хлынул поток деталей. Поблескивающее устройство медленно осело, как будто держалось только на клинке, и безжизненно закатилось набок, выпуская затухающие искры. И тогда произошло темное чудо, или, по крайней мере, так показалось Беллатонису.

Сознание Чо, контролирующее шлюзы конденсаторов, угасло, они раскрылись, и вся жизненная сила, которую она украдала, разом излилась сквозь лопасти-резонаторы. Густая темная драгоценность забранной ею духовной эссенции, все это яство, которое она должна была триумфально передать своему создателю, вместо этого выплеснулось на ее добычу и ее убийцу. Для Беллатониса, Ксагора и Безиет это стало макабрическим пиром, готовением в похищенной энергии жизни, которая снова наполнила их молодостью и силой в полном согласии с темными и ужасными ритуалами вечного города.

В считанные мгновения плоть

наполнилась и вновь стала упругой, морщинистая кожа разгладилась и приобрела цвет юности, руки и ноги восстановили силу. Таков был дар, которым, не желая того, наделила их машина боли. Прошло немало времени, прежде чем они нарушили тишину.

--- Безиет! --- наконец воскликнул Беллатонис, все еще царственно купаясь в угасающем излучении. --- Теперь я исполнил --- я не так давно помогал тебе против Алой Грани!

Безиет недоверчиво прищурилась.

--- Это мастер Беллатонис! Это мо... --- гордо объявил Ксагор, но Безиет подняла руку, заставив его замолчать.

--- Что ты говоришь? Это Харбир, я полню Беллатониса, и ты --- не он.

--- Все возможно при помощи магии искусства, моя дорогая леги-архонт, --- сказал Беллатонис с невыносимым самодовольством. --- Простите, что я не стану объяснять все это снова. В конце концов, каждый из нас хранит собственные маленькие секреты ремесла. Прежде всего прочего, я должен поблагодарить вас за

помощь против паразита-«Кроноса», я ваш должник и отношусь к долгам серьезно. Должен спросить, как вам удалось заставить его врасплох?

--- Ты определенно говоришь как Беллатонис --- используешь слишком много слов, совсем как он, --- сказала Безиет и безразлично пожала плечами. В Комморре случались и более странные вещи, и особенно часто --- связанные с гелүнкүлами. --- У этого твоего прислужника появилась идея. Мы знали, что за нами следует нечто, слишком осторожное, чтобы атаковать всех троих одновременно. После крушения мы решили попытаться воспользоваться случаем, чтобы заманить преследователя в ловушку. Ксагор дал мне что-то, что поместило меня в нечто вроде транса, так что я выглядела мертвой, пока он лечил Харбира. Это, конечно, потребовало доверия с моей стороны, но Ксагор оказался прав: эта штука была так занята вами, что совершенно не обратила на меня внимания. Я подошла к ней сзади вплотную и вынотрошила ее.

— Браво, Ксагор, очень хорошая мысль, — снисходительно улыбнулся Беллатонис. — И браво, Безиет, это был нелегкий подвиг.

— Да, да, — нетерпеливо перебила Безиет, — но это нам ничего не дает. Я предвижу, что в любой момент сюда может явиться тьма ургулей и начнет разнюхивать обломки «Рейгера», а мы все еще не прошли и полпути к Сек Магере. К несчастью, предыдущий хозяин твоего тела уничтожил наше единственное средство передвижения, и я все еще размышляю, не стоит ли выместить это на твоей шкуре.

— Хм, мне на ум приходят три мысли, — сказал Беллатонис, очевидно, несколько не встревоженный угрозой Безиет. — Во-первых, ургули? Это не говорит ничего хорошего о состоянии портала в Шаа-гом. Во-вторых, идти в Сек Магеру — скверная идея, я могу отвести вас в место, которое гораздо безопаснее и ближе. В-третьих, Харбир, скорее всего, разбил корабль не без чьей-то помощи — он для этого слишком хороший

пилот, то есть, скорее, был хорошим пилотом.

Беулет нахмурилась.

--- Тогда что же случилось?

--- Харбир-го-Беллатониса сказал, что машину подбили, --- предложил свой вариант Ксагор. --- Этот увидел, как что-то поднимается снизу. Оттуда потянулась тьма.

--- А. Ну, тогда это, пожалуй, проще показать, чем объяснить, --- сказал Беллатонис, --- если мы с вами пойдем к тому месту, где это произошло.

Беулет ткнула большим пальцем в направлении развилки туннеля.

--- Это было вон там, где полно урулей.

--- Замечательно, --- без всякого беспокойства ответил Беллатонис. Он попытался встать, но обнаружил, что поврежденные конечности все еще слишком непослушны, чтобы поддерживать тело. Поэтому зову Ксагор покорно поспешил вперед и взвалил хозяина на спину, так что бесполезные ноги болтались в воздухе, а руками тот держался на шею развалины.

--- Вперед! --- весело скотанговал
Беллатонис, и, ведомые Безует, они
начали пробираться по путеводному
тоннелю обратно к разветвлению.

Архонт Уллитан и воины Белого
Пламени осторожно кралась вверх по
пангусам, ведущим на более высокие уровни
башни. Стены из прозрачной кости были
покрыты паутинами трещин, из которых
сочились гной и мерзко пахнущая слизь.
Сама башня дрожала в хватке Улмеи
Горат, которая была теперь столь близка
к свободе. В конце концов они вышли в еще
один сводчатый зал, окруженный
открытыми арками, откуда во все
стороны расходились тонкие мосты.
Множество покрытых письменами плит и
инкрустированных самоцветами столбов
внутри помещения говорило о том, что
это было чем-то вроде зала управления, с
ударением на слово «было» --- до того, как
сюда ворвались Аз'ашья и ее ведьмы.
Теперь пространство, словно крошечные
метеоры, рассекали болтерные снаряды, с
одинаковым равнодушием пробивающие

кратеры в плоти, металле и камне. Едва различимые фигуры метались сквозь дымы и языки пламени, сражаясь и рубя друг друга, как безумные.

В зале было много воинов Хаоса в зеленой броне и примерно столько же ведьм, ведущих смертельную игру в прятки среди плит и колонн. Легко было понять, за что они сражаются. В центре помещения, над хаосом битвы, парил огромный кристалл, из каждой грани которого лился свет множества оттенков. Дымящиеся пульсирующие щупальца тянулись из кристалла и пронизывали столбы и плиты по всему залу. В нем явственно ощущалось нечто неправильное, некая ядовитая чужеродная скверна, истекающая из него осязаемыми волнами. Теперь оно не было частью этого зала, не более, чем великаны-захватчики. Воины Белого Пламени на миг затеблились на пороге, ибо инстинктивный страх перед порождениями варна охватил даже самых закаленных налетчиков.

--- Стреляйте в него, глупцы! ---
рыкнул Уллитан. --- Ваш учитель

стоит перед вами! Стреляйте!

В мгновение взметнулись осколочные
орудия, ипнұльсы дезинтеграторов,
мономолекулярные сети и лучи темного
света. На самом деле Улитуан не
слишком надеялся, что парящий кристалл
окажется уязвим для обычного оружия, но
этот удивил его, моментально взорвавшись
перед обстрелом. Блестящие осколки
рассекли воздух по всему залу, словно
шрапнель. На кратчайший миг Улитуан
уловил облик мерзости, которая сменяла
формы внутри кристалла — существа,
которое казалось чудовищно огромным и
просто не могло в него вместиться.
Улитуан привык к самым жутким
кошмарам, но вид этой твари оставил
шрамы даже на его черной душе, как и
ужасное чувство близости к настолько
абсолютно чуждой сущности. Тварь
корчилась, испуская тошнотворные волны.
Она пыталась завершить свой переход в
темное царство Колморры, полностью
рогнуться, пройдя сквозь стремительно
сужающиеся разрывы в преградах.
Последователям Улитуана не

понадобилось приказа, чтобы снова
открыть огонь.

Башня головокруглительно
покачнулася, когда поток извивающейся
скверны хлынул наземь в том месте, где
еще тиз назад парил кристалл. Похожие
на пиявок гнилостные куски сущности,
заключенной в кристалле, начали
расползаться во все стороны, будто
ожившие потроха, с голодной жадностью
набрасываясь и на тела павших, и на
сражающихся бойцов. Почерневшие
останки существа, парящие в воздухе над
ниги, утекли обратно в незримые
измерения, как будто кто-то отдернул
руку, обжегшись.

Раздутые, нескладные чудища из
мертвой плоти, шатаясь, побрели вперед,
чтобы затянуть живых эльгаров в свои
зловонные объятия. Отрезанные от своего
прародителя, ожившие части сущности
инстинктивно жаждали расти и
размножаться, подобно микробам. Огонь,
как всегда, оказался бесценным союзником
в борьбе с этими новыми
отвратительными манифестациями

потустороннего. Яркие вспышки плазменных гранат развеяли тьму, когда воины Улитуана контратаковали очередную угрозу. В считанные мгновения живые останки были разорваны, сожжены и изрублены в ничто, и последовавший за ними натиск грубо оживленных воинов Хаоса встретил ту же судьбу. Когда последний трүн перестал дергаться, на зал опустилась тишина.

Значит, просто призыв, подумал про себя Улитуан, входя в помещение со своими инкубати. Нешки Губительных Сил попытались извлечь из-за пелены нечто более могущественное, некоего князя или покровителя из их безумного демонического двора. То, что Улитуан узнал, изучая запретную мудрость, говорило ему, что если огна сила Хаоса желает завладеть Колморрой, то должны явиться и другие. Губительные Силы рассматривали тиры мертвых как игровые доски, не более того, и разыгрывали на них свое бесконечное состязание. Если в Темном Городе желал закрепиться Нүргл, сила болезни и застоя,

то против него автоматически выступал
Тзинч, владыка перемен, и наоборот. По
крайней мере, здесь Губительные Силы
были вовремя остановлены. Уллитюан
позволил себе слегка расслабиться и
огляделся в поисках Аэз'ашьи.

Именно тогда ее ведьмы напали на
воинов Уллитюана. Раздался внезапный
крик, и оба войска в тот же миг принялись
рвать друг друга глотки. Кабалиты
Белого Пламени оказались в невыгодном
положении в заткнутом помещении, где
быстрые, как молния, ведьмы имели
преимущество в кровавой ближней
схватке. Уллитюан мельком увидел, как
Аэз'ашья мчится к нему сквозь
схлестнувшиеся толпы, сопровождаемая
группой своих гекатрикс-кровавых невест.
Он быстро шагнул назад, чтобы инкубы
соткнулись перед ним сплошной стеной, и
обнаружил себя на одном из мостов,
расходящихся от зала. Далеко внизу
бурлила темная преисподняя поверхности
Гората, и Уллитюан видел, что
пространство вокруг переполнено
течущими и кружащими «Рейдерами» и

разбойниками, сражающимися у стен
башни.

Гекатрикс и инкубы столкнулись в
стертоносной буре сверкающих клэйвов и
стремительных клинков. Одна из ведьм
пожертвовала жизнью, чтобы дать своему
архонту возможность прорваться вперед —
клэйв распорол ей живот, уйдя в сторону на
одно критически важное мгновение.
Аз'ашья бросилась в образовавшийся
промежуток и прыгнула к Уллитану,
заливаясь диким стехом, и ее ножи
описали двойные яркие дуги, ища его
жизни.

Глава 24

Жертва

Пол Мирового Храма Лилеатанира начался и трясся, как корабль, угодивший в пасть шторма. Камни и лед дождем сыпались сверху и разбивались на куски всюду вокруг бегущей группы. Расплавленная порода взмывала вверх, светящимися гейзерами, ледяные торосы мгновенно обращались в облака пара, которые шипели и выли, контрапунктом сопровождая громоподобный рев, исходящий откуда-то впереди.

— Во имя всех богов, что он натворил? — вспыхнул Караэис, нырнув в трещину в сердце Мирового Храма. Санфировые фигуры Зловещих Мстителей осторожно следовали за ним, ненадолго отставая, и их экзарх не говорила ни слова. Они продолжали идти за чародеем к логову дракона.

Караэис нетвердо шагал по грожащему туннелю с колдовскими

клинком в руке, лотанные толнии его собственной силы свернулись, готовые ударить. Психический шторм багровой ярости бұшевал перед ним с такой мощью, что от него сотрясалась душа. Чувства чародея, как физические, так и метафизические, были оглушены и ослеплены гневом дракона, но он по-прежнему шел вперед, ведомый одним инстинктом.

Чародей вышел из туннеля на склон, все еще дымящийся и пронизанный лучистым сиянием остывающего камня. Ниже распростерлась громадная пещера, где бұшевала бұря, и извивающиеся потоки алого света скручивались и шевелились, подобно колоссальному гнезду змей. Караэис увидел движущуюся точку тьмы в этой насыщенной энергией массе, нечто, постоянно швыряемое то назад, то вперед, но всегда остающееся в эпицентре вихря. Вот он, инкуб! Вот осквернитель, которого он так долго искал! Темный разжигал в мировом духе неразумную ярость, повторяя свое преступление и усиливая его в тысячу раз!

Караэис сунул руку в мешочек с
рунати, сжал одну из них и поднял, держа
ее перед собой в воздухе, словно икону. Он
расправится с инкубом, полностью
уничтожит осквернителя и спасет
тировой дух Лилеатанира. Пред лицом
стиятения, окружившего его, сложно было
овладеть собственными силами и
сосредоточить их, но все же он сделал это.
Каждую толику своих способностей он
направил на то, чтобы призвать самую
стертоносную манифестацию психических
сил, которая была ему известна ---
сверхъестественную бурю.

Переливающаяся вспышка бело-
голубых молний пронеслась по пещере, и
яркие разряды обрушились на
извивающиеся петли, с неодолимой силой
пытаясь прорваться к темной точке среди
них. Руна между пальцами Караэиса
засияла, с каждой секундой становясь все
горячее и ярче от невообразимой энергии,
направляемой сквозь нее. Молнии
сверхъестественной бури столкнулись с
высвобожденной яростью дракона, вызвав
раздирающий землю вой, который бил по

разуму и выжигал чувства. Рүна светилась подобно звезде, и ее обжигающий образ пронзал янтарные линзы на маске Караэуса.

Только тогда он понял, что совершил ошибку.

Чародей искал рүну мести, он был уверен, что вытащил из мешочка именно ее, но то, что жгло его глаза, было рүной племени. От шока узнавания его концентрация рассеялась, и сверхъестественная буря вмиг угасла. Он отбросил предательскую рүну в сторону, полный ужаса перед тем, что это означало.

Рүна племени имела много значений, но за всеми ними таилась одна, кто сплетает Судьбу, сила хаоса, именуемая Тзинчем, Владыкой Перемени...

Незваным гостем в его ум пришла мысль о том, как рүна племени сотни раз вела его к этому пути. Толчок здесь, нажим там. Направляющая рүна, все время вьющаяся в центре всего, как будто пытавшаяся его амбициями после того, как он впервые прозрел грядущий кризис.

Он ощутил все страстные эмоции, которые пробежали сквозь его разум, когда он лнил себя спокойным, и с ужасом осознал, что был ближе к краю безумия, чем думал, а теперь и перешагнул его.

Было уже слишком поздно: из сплетений алого света что-то поднималось — темное, изломанное тело, распростертое, будто на дыбе. Оно взмыло в воздух, покаясь на голове змееподобного потока красной энергии, которая поворачивалась туда и сюда, как будто что-то выискивая, прежде чем остановиться напротив Караэиса. Пещеру мгновенно объяла тишина, словно она втянула воздух в середине первобытного рева. Ункүб, парящий на голове алого змея, безжалостно растеялся над чародеем, а потом заговорил сухим шепотом миллиарда мертвых душ.

— Глупец. Глупо было приходить сюда. Глупо применять свои силы против дракона. Твоя спесь стала твоей погибелью.

Каким-то образом Караэис смог выдать, несмотря на ужас:

— Это... это невозможно, как...

Смех Морра был словно раскат далекого грома. Багряные энергии извивались вокруг его конечностей и истекали с кончиков пальцев волнистыми каскадами пламени. Он свел ладони вместе, и между ними из ниоткуда возник крутящийся шар огня.

— Я уже давно научился повелевать гневом, создавать из него оружие, — прошептал инкуб. Когда он развел руки шире, шар огня разросся в миниатюрную звезду. — С учением Архры я внитал, как направлять гнев и придавать ему цель. Я не могу подчинить дракона, но я могу помочь ему направить свою ярость. Ты разгневал дракона, и поэтому теперь я могу направить его неистовство на тебя... и благодаря твоей жертве этот мир снова исцелится.

Морр раскрыл руки, и огненная сверхновая со стихийной мощью обрушилась вниз, на Караэиса. Чародей собрал всю свою защиту в искрящуюся полусферу противодействующей силы, которая возникла вокруг него. Барьер

загрожал от удара, но выстоял. Агское
пламя омыло его со всех сторон, и он
затрещал, словно стекло, покрытое
изморозью, превозмогая грубую и мощную
атаку. На миг Караэис позволил себе
надежду. Инкуб не был боевым провидцем.
Хотя темного и питал бесконечный
потенциал мирового духа, Караэис все еще
мог победить, выждав подходящий момент
для ответного удара.

Однако поток пламени не кончился,
вместо этого он лишь усилился, перейдя в
ревущую огненную бурю. Караэис вспомел
под маской, бросая всю свою психическую
силу на удержание барьера. Он чувствовал
себя так, словно прижался к дверям
крепости, трясущимся под натиском
монстра снаружи. Чародей стал
вытаскивать из мешочка руны, чтобы они
помогли ему туже стянуть защитные
преграды из психической энергии, и,
сбиваясь, начал выстраивать вокруг себя
созвездие из крохотных парящих символов.
Руны сыпали искрами, пытаясь развеять
опасные эфирные энергии, протекающие
мимо барьера.

И все равно буря продолжала бесноваться и реветь с нисколько не умеркнущей мощью. Бессвязно бормоча от отчаяния, Караэис потянулся глубже внутрь себя, за пределы своих возможностей, чтобы почерпнуть силы и выстоять. Откуда-то из глубокого запретного уголка его разума ему ответил шепот некоего присутствия, которое, как он теперь понял, всегда было с ним. В сознании стремительно вздулось нечто громадное, нечто невыразимое, древнее и сверхъестественное. Он почувствовал, что и сам искажается, чтобы вместить эту сущность, и понял, что ее прибытие уничтожит его, как ветер гасит пламя свечи. Эта идея наполнила разрушающийся разум провидца идиотской радостью.

— Караэис! Нет! — закричала Ауоса поверх яростной бури.

Мысленный крик доносился откуда-то вблизи, от знакомого источника, но подобные вещи теперь ничего не значили для Караэиса. Его разум уталился, превратившись в рассеченный надвое круг.

и в нем были только необходимость
поддерживать барьер и неописуемое,
почти оргазмическое страстное ожидание
прибытия Повелителя Перемен. Он не
оглянулся, чтобы увидеть своими
изменяющимися глазами, как Зловещие
Мстители в сапфировой броне наводят
звездометы на его спину, не почувствовал,
как мономолекулярные диски, вращаясь,
пробивают его мутирующую плоть, когда
Аиоса приказала аспектным воинам
сразить ту мерзость, в которую он
превращался.

Простые физические ранения уже не
могли убить Караэиса. Он стал каналом,
сквозь которое проходило нечто столь
грандиозное, что его нельзя было так
просто остановить. И все же его смогли
отвлечь внешние сигналы от рассеченных
нервов и истекающих кровью сосудов, и
мертвые инстинкты нарушили
целостность его концентрации.
Психический барьер угрожал, на миг
лишившись поддержки его воли.
Колоссальная мощь натиска мирового
духа, усиленного теперь его страхом и

гневом от приближения Повелителя.
Перемен, нуждалась только в этом
мгновенном колебании, чтобы начать
преодолевать защиту Караэиса.

Психический барьер сколлапсировал, и
порожденный душами огонь хлынул вниз, на
Караэиса и его созвездие вращающихся рун.
Гнев и жгучая ненависть излились на
чародея бесконечным потоком, и он один за
другим затухнул и рассеял каждый из слоев
обороны, которыми Караэис окутал свою
душу. Прежде чем вспыхнуть и сгореть,
каждая защитная руна впитала
немислимое количество психической
энергии, — столько, что хватило бы
уничтожить целые города и континенты —
но гнев Лилеатанира невозможно было
остановить, невозможно утолить. Слои за
слоем, руна за руной он содрал с него
защиту. И в конце концов грожащая,
пронизанная порчей душа чародея была
обнажена и полностью уничтожена с
триумфальным ревом, от которого
содрогнулась земля.

Аиоса и ошеломленные Зловещие
Мстители побежали из трясущегося зала.

преследуемые дождем камней и лавы. Стены туннеля, ведущего на выход, грожали и медленно стыкались все ближе, как будто твердо вознамерившись раздавить аспектных воинов в своих неумолимых объятьях. Аиоса знала свой отряд вперед, и они тчались перед ней, как испуганные животные, пока не ввалились обратно в Мировой Храм.

Позади них, в ныне запечатанном глубинном зале, светящийся прилив гнева начал утихать, стекая обратно вниз по склону и постепенно тусклея. По отступающим бестелесным щупальцам проходила рябь, меняющая цвет, из багровых они медленно перешли в пурпурные и синие, а затем окрасились в чистую, здоровую зелень. Там, где стоял Караэис, теперь был только шрам на скальной пороге, освещенный танцующими огнями. Ни от чародея, ни от инкуба не осталось никакого видимого следа.

В первый раз за много лун в Мировом Храме Лилеатанира настала спокойная тишина. Клань, ждущие возле священной горы, снова увидели в ночном небе звезды и

двигавшиеся огни, которые были
кораблями, летящими на помощь.

Несмотря на предостережения
Беэмет, ургүли ил в туннеле не попались.
Она не могла избавиться от чувства, что
всех чудовищ что-то напугало, поэтому
они убрались отсюда. Может быть,
маленькая машина-убийца прогнала их из
этих мест, но хищных троглодитов не
так-то легко было утратить. Когда они
подождали ближе к вертикальной шахте,
которой Харбир так отчаянно пытался
избежать, она увидела более вероятную
причину их бегства.

Там, откуда-то снизу, поднимались
огромные, сотканые из теней
ложноножки, почти нежно осязающие
устье туннеля. Беллатонис приказал
Ксагору отнести его прямо к краю, не
обращая никакого внимания на то, что
зловещие чернильно-черные щупальца
извивались всего в нескольких метрах от
них. Беэмет неохотно присоединилась к
ним и испытала редкий для нее приступ
головокружения, когда взгляделась через

край в многокилометровую бездну.
Щупальца, похоже, тянулись на
невероятную глину, исходя из ступной,
заполненной тьмой пропасти на дне
туннеля.

— Взгляните на это, — сказал
Беллатонис. — Аэлиндрах, царство теней.
Оно расширилось за время Разобщения,
втянув в себя часть города.

— Тогда нам лучше бы идти в другую
сторону! — прорычала Безиет,
многозначительно подняв свой клинок
джинн.

— Нет, вовсе нет, моя дорогая леги-
архонт, — невозмутимо возразил
Беллатонис. — В Аэлиндрахе у меня есть
друзья и связи, близкие к самим королям
мандрагор. То, что вы сочли нападением,
на самом деле было попыткой дотянуться
до меня, вернее, до того, кого они тогда
посчитали мной. Во время Разобщения
царство теней предоставляет убежище
для всех нас, уж поверьте мне.

— Среди мандрагор? Они выпьют
нашу кровь и пустят черепа на украшения,
— сказала Безиет.

— Что ж, выбирать вам, — ответил Беллатонис. — Либо вы доверитесь мне и пойдете со мной, либо пойдете дальше сами, для меня нет разницы. Вперед, Ксагор.

Развалина повернулся и бестрепетно шагнул через край, по-прежнему неся Беллатониса, вцепившегося ему в спину. Оба мгновенно исчезли из виду, легко подхваченные одним из ищущих щупалец. Безиет неуверенно помедлила, выжидая, пока не увидит их падающие тела и услышит вопли. Ничего.

— А, к чертям все это, — пробормотала про себя Безиет, осторожно отходя от провала. — Я лучше попытаюсь угадать с ургүляти.

Теперь ее кабал состоял лишь из одного члена — ее самой. Двоих, если считать дух Анзуриана, но она его не считала. Сек Магера обещала стать не самым плохим местом для набора рекрутов, и уж точно намного лучше, чем Аэлиндрах.

Улитуан балансировал на краю

пропасти, и в тысяче километров под его ногами алчно пылало краденое солнце. Горат, голова медузы с извивающимися щупальцами из черного огня, что ожидала его падения. Неустанные атаки Аэз'ашьи шаг за шагом теснили его обратно к краю тьмы, и его клинок отчаянно сплетал контратаки, пытаясь удержать ее на расстоянии. Уллитюан по праву считался мастером меча, но все же она значительно превосходила его в бою, и он это знал.

Он был до сих пор жив лишь благодаря теневому полю: уже десяток раз вихрь чернильной тьмы остановил стремительный нож или отвел в сторону готовый вынотрошить удар. Аэз'ашья знала, что это только вопрос времени, прежде чем энергия поля окончательно откажет, и все, что ей нужно было сделать — просто достаточно долго продолжать натиск. Уллитюан все ждал, что явятся инкубы и спасут его, но он все еще был в полном одиночестве, окутанный нерушимой паутиной из стали, которая с каждым моментом стягивалась все туже.

Уллитюан увидел что-то позади

Аз'ашь, и это так сильно удивило его, что заставило его на мгновение забыть о защите. Аз'ашья мгновенно отскочила на безопасное расстояние, подозревая какой-то подвох. Тогда она тоже это увидела, и ее неумолимые ножи застыли на лету.

--- Что это?...

Отвратительные, яркие цвета, которые пятнали преграды с начала Разобщения, угасали. Они тиг за тигом теркли и рассеивались, словно грозвые облака, уносимые свежим ветром. Далеко внизу Горат начал успокаиваться, и его огненная корона стала уменьшаться, съезжаясь до нормальных размеров.

--- Да, это конец. Разобщение закончилось, --- сказал Уллитан, осторожно, бочком отходя от края моста, пока говорил. Аз'ашья хладнокровно наблюдала за ним.

--- Ты думаешь, это что-то меняет? --- сказала она.

--- Конечно! Это все меняет! --- страстно воскликнул Уллитан. --- Очевидно, наша храбрая атака на Ултею завершилась ошеломительным успехом и

положила конец угрозе. За свои усилия мы достойны высочайших похвал и наград, как ты думаешь? Хотя, естественно, это сработает, только если мы оба подтвердим эту историю перед Вектом.

Аэз'ашья на мгновение задумалась над этим и растаяла.

— Мне нравится твой ход мысли, Уллитриан, — злобно улыбнулась она, взмахнув кинжалами, — но я думаю, что Вект вполне достаточно воздаст мне, когда я принесу ему твою голову!

Уллитриан сделал еще один шаг назад, когда Аэз'ашья напряглась для броска. За украшенным лезвием плечом суккуба он увидел своих телохранителей-инкубов, которые с грохотом мчались к ним по лестнице.

— Боюсь, вместо этого тебе придется увидеть, как он отреагирует, когда ты сообщишь о своей неудаче. Вект не очень склонен прощать такие вещи, как тебе вскоре предстоит узнать.

Аэз'ашья поймала его взгляд и услышала приближающийся топот бронированных сапог. Уллитриан с

удовольствием увидел боль в ее глазах, когда она поняла, что попытка провалилась. Еще несколько ударов сердца, и уже госпожа Клинок Желания станет той, кто теряет голову. Он был удивлен жесточенной устешкой, которой она его наградила.

— До следующего раза, Уллитан, — сехидцей сказала Аз'ашья, — будь душкой и постарайся к тому времени стать более достойным противником, ладно?

С этими словами она повернулась и прыгнула с моста, казалось, на верную смерть в объятиях Гората.

Уллитан знал, что это не так, и с проклятием бросился к краю, чтобы увидеть ее судьбу. Он как раз успел увидеть размытый от скорости гравилет «Яг», который вылетел из-за башни и подхватил падающий силэт, прежде чем унести прочь. Он все еще кивал в восхищении, когда прибыли инкубы. Архонт с недовольством отметил, что только трое из них пережили бой с гекатрикс.

— Лучше поздно, чем никогда, я

полагаю, — язвительно заметил он. —
Думаю, я нашел причину поспособствовать
тому, чтоб Кселиан вернулась к власти
наг Клинками Желания. Не нравится мне
их новый архонт.

Аиоса, чьи доспехи были поцарапаны и
пробиты в дюжине мест, обнаружила
арлекина в Мировом Храме, где тот ждал
ее с улыбкой облегчения на лице.
Потребовалось все ее значительное
самооблагание, чтобы не схватить его и
трясти, пока не сломается шея.

— Что ты сделал? — угрожающе
прорычала экзарх.

— Сделал? Я ничего не делал, кроме
того, что объединил народы, чтобы они
могли устранить угрозу для всех нас.
Каждый прекрасно сыграл свою
назначенную роль, и теперь угроза
тиновала. Я невероятно рад, что ты и
твои воины выжили, и очень сожалею, если
я вас чем-то попутно оскорбил.

— Ты послал Караэуса на смерть!

Пестрый скорбно нахмурился при
этом обвинении, отступил назад и

беспомощно развел руками.

--- Нет. Он нашел гибель, которая дожидалась его уже довольно долгое время. Я просто сделал так, что его жертва послужила эльдарской расе, а не силам Хаоса. Чрезмерное тщеславие Караэуса не целиком исходило изнутри, Ауоса, и ты, конечно, наверняка это почувствовала.

Ауоса мрачно покачала головой, прежде чем сделать паузу и припомнить. Она действительно испытывала напряжение, чувство, что чародей переступал границы и, не думая, пренебрегал традициями. Она неоднократно списывала это на его толодость и высокомерие, но это было очень правдоподобно.

--- А инкуб? --- помедлив, спросила она. --- Он пытался убить дракона-духа, это невыполнимая задача. Ты сказал ему, что он добьется успеха?

--- Я никогда не лгал ему, если это то, что ты имеешь в виду. Он добровольно взял на себя эту задачу, ради своей чести и города, который его принял. Морр знал, что если пойдет туда, то не вернется, и

именно это я называю храбростью независимо от того, откуда он был родом. Его следует оплакивать, а не поносить.

--- Он создал эту ситуацию, --- решительно сказала Аиоса. --- Он привел котморритов, которые осквернили святилище, и они сами навлекли на себя гибель.

--- Морр был оружием в руках других, --- устало сказал Пестрый. --- Он не более виновен, чем пистолет может быть виновным в убийстве... Могу ли я открыть тебе фундаментальную истину, Аиоса?

Гордая маска экзарха едва заметно склонилась, и Пестрый снова поразился тому, насколько похожей на Морра она выглядела в тот момент.

--- Когда я стал достаточно стар --- а я очень, очень стар, несмотря на мой молодой облик --- наступил момент, когда я начал спрашивать себя, скольких жизней на самом деле стоит какое-то различие в философии. Достигнув этого момента и задав себе этот вопрос, я начал размышлять над тем, кому же на самом деле приносят выгоду все эти смерти и

разрушения, которые обрушиваются на нашу разрозненную расу.

Невысокий арлекин посмотрел снизу вверх в жесткие кристаллические глаза экзарха в поисках отблеска понимания. Он его не нашел.

И вот я стою, раскрытый, в конце моего рассказа. Я, именуемый Пестрый, и музыкант, и дирижер. Было бы ложно утверждать, что я предвидел все результаты, но было бы справедливо сказать, что мои предсказания оказались скорее верными, чем нет.

Вот к чему все сводится — к великой костической шутке. Все, что мы делаем, это борется сами с собой. Материальное существование, с которым мы считаемся, на которое полагаемся и в которое верим, иллюзорно, оно только создает впечатление прочности, когда на самом деле во Вселенной нет ничего более хрупкого и недолговечного. Оно появляется из ничего и уходит в ничто, и только душа остается.

И вы видите, что это действительно ключевой элемент: бессмертные души, несомые течением по бесконечному морю эпох, вечно воюют сами с собой, и их ведут страсти, настолько мощные, настолько

главенствующиe над ними, что они стали
сущностями, которые мы привыкли
называть богами. Эти бедные души едва
ли знают, что их собственная вера
придаёт форму тому, что их угнетает, и
что, борясь с этим, они лишь придают ему
свои силы. Бедные, заблудшие,
бессмертные души; они могут быть
сокрушены, могут быть поглощены, могут
быть порабощены, могут быть соращены,
но они никогда не будут полностью
уничтожены.

И души всегда могут возродиться.